

SERIES MINOR

А. А. ГОРСКИЙ

«ВСЕГО ЕСИ ИСПОЛНЕНА
ЗЕМЛЯ РУССКАЯ...»

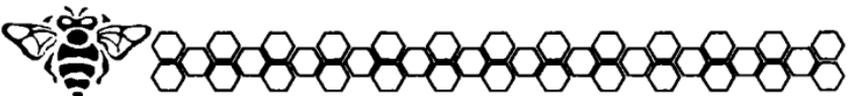
ЛИЧНОСТИ И МЕНТАЛЬНОСТЬ
РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA HISTORICA

МАЛАЯ СЕРИЯ

А. А. ГОРСКИЙ

«ВСЕГО ЕСИ ИСПОЛНЕНА
ЗЕМЛЯ РУССКАЯ...»

ЛИЧНОСТИ И МЕНТАЛЬНОСТЬ
РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Очерки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 83.3(Рос=Рус)3-001.3
Г 67

Горский А. А.

Г 67 «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 176 с. — (Studia historica. Малая сер.).

ISBN 5-94457-006-7

Книга состоит из четырех очерков, в каждом из которых соединены изучение биографии одной из ярких фигур русского средневековья и связанной с судьбой этой личности проблемы истории ментальности. Персонажами являются Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве», Александр Невский, Юрий Данилович Московский и Дмитрий Донской. Исследуемые проблемы ментальности, соответственно: значимость исторических событий для современников и потомков, развитие представлений о защите Отечества, эволюция отношения к убийству и представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси.

Предназначается как для профессиональных историков так и для всех, кто интересуется историей Отечества.

ББК 83.3(Рос=Рус)3-001.3

*В оформлении обложки использована
древнерусская миниатюра «Невская битва»
из Лицевого летописного свода XVI века*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G · E · C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G · E · C GAD.

ISBN 5-94457-006-7

9 785944 570062 >

© А. А. Горский, 2001
© Ю. С. Саевич. Оформление
серии, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Глава I.....	9
§ 1. Игорь Святославич — «неизвестный князь», совершивший «темный поход»?	11
§ 2. О значимости исторических событий для современников и потомков	24
Глава II.....	39
§ 1. Александр Невский — герой или коллаборационист?	41
§ 2. Представления о защите Отечества	62
Глава III	79
§ 1. Юрий Данилович — строитель российской государственности или убийца святого Михаила Тверского?	81
§ 2. Эволюция отношения к убийству	93
Глава IV	109
§ 1. Дмитрий Донской — «царь русский» или ханский «улусник»?	111
§ 2. Представления о «царе» и «царстве»	134
Заключение.....	161
Список сокращений	163
Указатель имен	164

ВВЕДЕНИЕ

Сведения, содержащиеся в источниках по истории русского средневековья, касаются в основном *деятельности* исторических личностей и редко непосредственно отображают их *мировосприятие*. Увидеть во всей полноте внутренний мир отдельного человека возможно в случае, если он оставил литературное произведение и сохранились обширные сведения о его деяниях. Но политики средневековья не были, как правило, писателями, а о жизни книжников известно обычно крайне мало (если вообще известно что-либо), да и писали они не о себе (счастливое исключение — Владимир Мономах, князь, оставивший собственные произведения автобиографического характера). Еще сложнее изучать ментальные представления русского средневекового общества в целом или его отдельных частей, групп людей. Как правило, на поверхности лежит то, что обычно именуют «общественной мыслью», — идеи, интересующие главным образом социальную элиту и не всегда адекватно отображающие настроения широких слоев населения (тем более что в средневековье на эти идеи оказывали значительное влияние литературные традиции и иноземные образцы — и то и другое рядовым людям было малодоступно). Во многом этими объективными сложностями (наряду с приоритетом, отдававшимся в советскую эпоху социально-экономической пробле-

матике) обусловлен тот факт, что только в последние годы (с большим опозданием в сравнении с исследованием западноевропейского средневековья) обозначился интерес многих исследователей к ментальности людей средневековой Руси¹ (до этого книга Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» 1947 г. фактически возвышалась посреди пустыни).

Предлагаемая книга являет собой очерки, в каждом из которых соединены история одной яркой фигуры и проблема истории менталитета, которая вытекает из биографии этой личности. Двое из четырех представленных лиц — это, можно сказать, наиболее знаменитые русские князья: Александр Невский и Дмитрий Донской. В очерках о них акцент делается на некоторых спорных или малоисследованных эпизодах биографий. Третий персонаж — князь Игорь Святославич — знаменит, скорее, не своими деяниями, а их отображением в литературе. Четвертый — московский князь Юрий Данилович — может показаться неожиданным в этом ряду, т. к. обычно рассматривается как не очень значительная и, более того, отрицательная фигура в отечественной истории.

Все персонажи отстоят друг от друга на два поколения, представляя соответственно 9-е (Игорь), 11-е (Александр), 13-е (Юрий) и 15-е (Дмитрий) колена от основателя древнерусской княжеской династии Рюрика.

Примечание

В частности, в 90-е гг. эта тематика рассматривалась на специальных конференциях и в сборниках научных трудов: Русская история: проблемы менталитета. Тез. докл. науч. конф. Москва, 4—6 октября 1994 г. М., 1994; Мировосприятие и самосознание русского общества. XI—XX вв. М., 1994; Менталитет и политическое развитие России. Тез. докл. науч. конф. Москва, 29—31 октября 1996 г. М., 1996; Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). М., 1999.

ГЛАВА I

«Тайны Божия никто же не вѣсть...
А намъ что створить Богъ, или
на добро, или на наше зло, а то же
намъ видити».

*Слова князя Игоря Святославича
дружине при виде затмения солнца
(по Ипатьевской летописи)*

§ 1. ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ — «НЕИЗВЕСТНЫЙ КНЯЗЬ», СОВЕРШИВШИЙ «ТЕМНЫЙ ПОХОД»?

Из князей средневековой Руси по известности у современных россиян с Игорем Святославичем могут сравниться, наверное, только Александр Невский и Дмитрий Донской. Но если последние знамениты своими военными победами, то Игорь Святославич обязан славой поражению: его неудачный поход на половцев в 1185 г., завершившийся гибелью всего войска и пленением самого князя, послужил сюжетом выдающегося памятника русской средневековой литературы — «Слова о полку Игореве». «Слово» получило широкую популярность в XIX—XX вв., на основе его сюжета А. П. Бородиным была создана знаменитая опера «Князь Игорь», и, вероятно, у многих Игорь Святославич ассоциируется в первую очередь именно со сценическим образом. Среди же тех, кто изучал (профессионально или в качестве любителя) «Слово о полку Игореве» и его эпоху, личность Игоря оценивается по-разному, иногда диаметрально противоположно. Так, распространена точка зрения об Игоре Святославиче как о незначительном князе, при этом многие авторы отрицательно оценивают его моральные качества, ссылаясь на то, что поход 1185 г. был сепаратным

действием, следствием которого стал половецкий набег на Русь. Но встречается и мнение об Игоре как выдающемся деятеле своей эпохи (при этом иногда ему даже приписывают авторство «Слова о полку Игореве»)¹.

Игорь Святославич родился 3 апреля 1151 г.² Его отец, Святослав Ольгович, был третьим сыном черниговского князя Олега Святославича. Первым браком Святослав был женат (с 1108 г.) на дочери половецкого хана Аепы³. Но встречающееся в популярной литературе «сенсационное» сообщение, что Игорь был на 3/4 половцем, т. к. половчанками были как его бабка по отцу (это соответствует действительности), так и мать, неверно. В 1136 г. Святослав Ольгович женился вторично. Это случилось в Новгороде, куда он в том же году пришел на княжение. Невестой Святослава стала новгородка не княжеского происхождения. Такой мезальянс казался столь неприемлемым, что новгородский архиепископ Нифонт не только сам не участвовал в венчании, но и запретил это делать подчиненным ему священникам: обряд совершали «свои попы» Святослава⁴. Вторая жена и стала матерью всех трех сыновей князя. Первенцем был Олег, вторым Игорь, третьим — Всеволод. Первый сын Святослава Ольговича получил имя своего деда, третий — имя старшего брата Святослава, Всеволода Ольговича, бывшего киевским князем в 1139—1146 гг. Средний же сын был назван в честь другого брата Святослава — Игоря Ольговича, занявшего после смерти Всеволода киевский стол, но затем свергнутого, а позже (1147 г.) убитого киевлянами. В крещении Игорь получил имя Георгий — в честь св. Георгия, чья память отмечалась вскоре после его рождения (23 апреля).

Святослав Ольгович в 1157 г. стал черниговским князем и прокняжил в Чернигове до своей смерти. Она произошла, когда Игорю шел тринадцатый год, — в начале 1164 г. Вдова Святослава предприняла попытку возвести на черниговский стол своего старшего сына Олега, но сделать это не удалось — черниговским князем стал старший двоюродный брат Святославичей — сын Всеволода Ольговича Свято-

слав. Олегу пришлось довольствоваться вторым по значению в Черниговской земле княжением в Новгороде-Северском⁵

Впервые в качестве самостоятельного князя Игорь Святославич упоминается в 18-летнем возрасте в связи с событиями 1169 г., когда он в числе многих других князей принял участие в организованном владими́ро-суздальским князем Андреем Юрьевичем Боголюбским походе на Киев, против князя Мстислава Изяславича⁶. Где княжил Игорь в это время — источники не сообщают; судя по тому, что позже, когда он стал новгород-северским князем, его младший брат Всеволод являлся князем трубчевским и курским, можно полагать, что при жизни Олега Святославича Игорь владел именно этими городами.

В 1169 или 1170 г. Игорь женился. Его супругой стала дочь галицкого князя Ярослава Владимировича (Ярослав Осмомысл «Слова о полку Игореве»). Имя ее неизвестно: часто встречающееся в литературе утверждение, что Ярославну звали Ефросиньей, — не более чем гипотеза, причем покоящаяся на довольно шатких основаниях⁷

Мнение, что Ярославна была второй женой Игоря, юной девушкой, вышедшей за него в 1184 г., безосновательно⁸. Знаменитый «Плач Ярославны» из «Слова о полку Игореве» вложен его автором в уста женщины, которой в 1185 г. было примерно 30 с небольшим лет, матери пятерых сыновей. Старшим из них был Владимир, родившийся 8 октября 1170 г. Имена остальных — Роман, Олег, Святослав и Ростислав⁹

Летом 1171 г. Игорь отправился в поход на половцев за реку Ворсклу. Здесь он узнал, что половецкие ханы Кобяк и Кончак двигаются к Переяславлю. Игорь неожиданно напал на них, и в результате короткого сражения половцы бежали, бросив весь захваченный ранее «полон». После этого Игорь приехал в Киев на празднование дня свв. Бориса и Глеба. Киевский князь Роман Ростиславич и его братья Рюрик и Мстислав приветствовали молодого князя как по-

бедителя. Игорь вручил Ростиславичам дары из захваченных трофеев¹⁰.

Здесь необходимо сделать отступление. В некоторых работах о «Слове» можно встретить утверждение, что князья Ольговичи (потомки Олега Святославича Черниговского, к которым принадлежал Игорь) были традиционно союзниками половцев, и на этом фоне поход Игоря 1185 г. выглядит исключением. Такое представление не соответствует действительности. Половцы не были каким-то единым целым: они делились на множество родоплеменных объединений¹¹. У каждой из русских княжеских ветвей, имевших контакты с половцами, в т. ч. и у Ольговичей, были в степи и противники, и союзники. При этом и союзнические, и враждебные отношения русских князей с половецкими ханами далеко не всегда были постоянными: вчерашний союзник нередко становился врагом, и наоборот. Такие отношения между владельческими соседями были типичны для средневековья (отношения русских князей с половцами здесь мало чем отличались от отношений русских князей между собой). Для Игоря, как видим, поход 1185 г. был вовсе не первым столкновением с половцами. Возможно, и поход 1171 г. не был первым фактом такого рода: в 1167 г. старший брат Игоря Олег напал на владения хана Гзы и захватил в плен его жену и детей¹²; не исключено, что 16-летний Игорь принимал участие в этом походе.

В 1173 г. Игорь вместе с другими Ольговичами участвовал в походе против Ростиславичей, организованном Андреем Боголюбским. Вместе с младшим братом Андрея Всеволодом (будущим владими́ро-суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо) он в течение девяти недель безуспешно осаждал город Вышгород под Киевом¹³. Два года спустя Игорь участвовал в еще одной междоусобной войне, на этот раз внутри Черниговской земли, — в конфликте своего старшего брата Олега с черниговским князем Святославом Всеволодичем¹⁴.

В начале 1180 г. Олег Святославич умер, и Игорь стал новгород-северским князем¹⁵. В следующем году он принял

участие в большой междоусобной войне между Ольговичами и Ростиславичами; главным предметом спора было киевское княжение.

Игорь вместе с братом Святослава Всеволодича Черниговского Ярославом и отрядом половцев двинулись к Друцку — городу в Полоцкой земле. Здесь Ольговичи столкнулись со смоленским князем Давыдом Ростиславичем. После того как к месту событий прибыл Святослав, находившийся тогда в Новгороде Великом, Давыд вынужден был отступить к Смоленску. Затем Святослав двинулся вниз по Днепру к Киеву. Тем временем к Игорю присоединились новые союзные половецкие силы — во главе с его старыми знакомыми Кончаком и Кобяком. У Вышгорода Игорь и половцы соединились со Святославом, и, узнав об этом, киевский князь Рюрик Ростиславич покинул столицу и отъехал в Белгород. Ольговичи вошли в Киев, и стороны начали готовиться к решающей схватке. Святослав выставил в качестве авангарда половцев, которые попросили у него, чтобы он отпустил с ними Игоря. Очевидно, в глазах Кончака и Кобяка, десять лет назад потерпевших от Игоря поражение, полководческие способности новгород-северского князя оценивались достаточно высоко. Вскоре Игорев полк и половцы были атакованы противником и в результате битвы, проходившей с переменным успехом, потерпели поражение; в бою погиб брат Кончака, попали в плен два его сына, а Игорь вместе с Кончаком бежали по Днепру к Чернигову в одной ладье. Поражение Ольговичей не было, однако, полным: войска Святослава и Ярослава Всеволодичей не принимали участия в сражении. По мирному договору Святослав вновь стал киевским князем, а Рюрик Ростиславич взял себе остальную территорию Киевского княжества¹⁶. Очевидно, именно в это время, когда Игорь и Кончак действовали в качестве союзников, они договорились о будущем браке старшего сына Игоря Владимира с дочерью Кончака.

Весной 1184 г. Святослав Киевский поставил Игоря во главе войска, двинувшегося в поход на половцев. Переяславский князь Владимир Глебович попросил у Игоря разре-

шения идти «наперед», но Игорь отказал ему. Тогда Владимир вернулся и совершил нападение на владения Игоря. Игорь же, отправив часть войска назад, продолжил поход. Половцы, достигнутые у реки Хирии, частью успели бежать, частью были захвачены или утонули в реке¹⁷ На обратном пути Игорь в отместку за действия Владимира Глебовича разорил город Глебов в Переяславском княжестве¹⁸

В том же году Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич организовали крупный поход в степь против хана Кобяка. Близ устья реки Орели, левого притока Днепра, была одержана решительная победа. Много половецких предводителей, в т. ч. сам Кобяк, попали в плен. Игорь и родной брат Святослава Ярослав Всеволодич, ставший после перехода Святослава в Киев князем черниговским, в этом походе не участвовали, сославшись на то, что им придется слишком удалиться от своих владений. Игорь тем же летом совершил небольшой сепаратный поход на пограничные с его княжеством половецкие кочевья на реке Мерл, разбил половецкий отряд численностью 400 воинов и захватил добычу. В начале 1185 г. в поход на Русь выступил Кончак. Его войска дошли до реки Хорола, притока Псла, и были отброшены 1 марта соединенными силами южнорусских князей. В апреле 1185 г. небольшой успешный поход в степь совершил воевода Святослава Роман Нездилович¹⁹

Игорь не принимал участия в отражении нападения Кончака: согласно летописи, ему помешали присоединиться к Святославу и Рюрику опоздание вести из Киева о сборе войск и сложные погодные условия²⁰ После этого Игорь принял решение организовать собственный поход в степь. Он выступил из Новгорода-Северского 23 апреля 1185 г., во вторник, в день св. Георгия, своего небесного покровителя. В поход с Игорем пошли все его вассалы: брат Всеволод (княживший в Трубчевске), племянник («сыновец») Святослав (князь рыльский, сын покойного старшего брата Игоря) и старший сын, 14-летний Владимир (бывший тогда князем путивльским). Ярослав Всеволодич Черниговский выделил в помощь Игорю отряд ковуев (живших на Руси

потомков тюркских племен, принявших русское подданство) во главе с Ольстином Олексичем²¹. Войско состояло, таким образом, из пяти полков, при этом были задействованы практически все воинские силы Новгород-Северского княжества. Аксию, организованную Игорем, можно оценить как поход среднего масштаба: с одной стороны, он не был мелким набегом, с другой — уступал крупным военным предприятиям, таким как поход на Кобяка 1184 г.

Относительно географии похода Игоря среди исследователей нет единого мнения. Можно считать установленным, что поход не носил характера дальней военной экспедиции, направленной в низовье Дона или на захват Тмуторокани, некогда принадлежавшей деду Игоря (хотя время от времени такие предположения продолжают встречаться в литературе). В настоящее время место битвы Игоря с половцами локализуют обычно вблизи среднего течения Северского Донца²².

1 мая 1185 г. войско Игоря при переправе через Донец в верхнем течении стало свидетелем солнечного затмения: «Солнце стояще яко месяц»²³. Затмение в те времена обычно считалось дурным предзнаменованием. Согласно рассказу Ипатьевской летописи, Игорь обратился к дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Игорева бояре ответили князю: «Княже! Се есть не на добро знамение се». Тогда Игорь оказал: «Братья и дружино! Таины Божия никто же не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити»²⁴. Автор «Слова о полку Игоре» вкладывает в уста Игоря при виде затмения следующие слова: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону... Хощу бо... копие приломити конецъ поля Половецкого, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону»²⁵

Игорь продолжил поход. Подойдя к реке Оскол, он ждал два дня брата Всеволода, шедшего другим путем из Курска. После соединения со Всеволодом войска двинулись в юго-

западном направлении к среднему течению Северского Донца. Разведчики сообщили Игорю, что половцы готовы к бою, и предложили либо ускорить движение, либо вернуться домой. Игорь ответил: «Оже ны будеть не бившеся возворотитися, то соромъ ны будеть пушеи смерти; но како ны Богъ дасть» и приказал совершить ночной марш²⁶. Утром в пятницу, 10 мая, на реке Сюурлий произошло первое столкновение с противником. Половцы, по-видимому, применили характерный для кочевников тактический прием — ложное отступление видимой противнику части войска с целью заманить его под удар сил, о наличии которых противник не подозревает. Из половецких полков выехали «стрельцы», пустили по стреле через реку и обратились в бегство; русские войска еще не переправились через Сюурлий, как побежали и те половцы, которые стояли вдалеке от реки. Преследовали отступавших полки Святослава Ольговича, Владимира Игоревича и ковуев. Им удалось настичь противника и нанести ему серьезный урон; были захвачены пленные и богатая добыча²⁷. Вот как описана первая битва в «Слове о полку Игореве»: «Съ зарания въ пятокъ потопташа поганья плѣкы половецкыя, и рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтьмами, и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочыи половецкыми. Чрьлень стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!»²⁸

В пятницу половцы не перешли в контрнаступление. Тем не менее значительность их сил не ускользнула от внимания Игоря, и он собрал военный совет, на котором предложил отступление: «Се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на нас честь и слава; се же видихомъ полки половецкыи оже мнози суть. Ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же поѣдемь чересь ночь. А кто поѣдѣтъ зутра по насъ? То ци вси поѣдутъ? Но лучшии коньници переберуться. А самѣми — какъ ны Богъ дасть!» (Бог своей силой возложил поражение на наших врагов, а на нас —

честь и славу. Видим мы, что полки половецкие многочисленны. Но разве это все те, кого они могут собрать? Нам надо ехать назад этой ночью. А кто (из половцев) завтра отправится за нами в погоню? Разве все они смогут поехать? Переправятся (через реку) только их лучшие конники. А нам тогда — как бог даст!) Однако Игорю возразил племянник Святослав Ольгович, отряд которого преследовал перед этим разбитых половцев: «Далече есмь гонилъ по половецехъ, а кони мои не могутъ, аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толико ми будетъ на дорозѣ остати». Его поддержал Всеволод. Игорь не стал настаивать на своем решении, и войско расположилось на ночлег. Утром 11 мая выяснилось, что русские войска окружены половецами, силы которых намного увеличились за ночь. «Собрахом на ся землю всю» (Собрали мы на себя всю Половецкую землю, т. е. отряды половцев со всей степи), — воскликнул, по словам летописца, Игорь²⁹ Вероятно, именно по причине ожидания сильного подкрепления половеццы решили не контратаковать в пятницу, после того, как ложным отступлением заманили русские войска за реку Сюрлий. Сильнейшими из половецких ханов, выступивших против Игоря, были Гза (тот самый, чью семью захватил в 1167 г. старший брат Игоря) и Кончак.

Здесь необходимо сделать отступление. Обычно в популярной литературе (а зачастую и в научной) дело изображается так, что Игорь ходил походом на Кончака. Такое представление исходит, очевидно, из того, что и в летописи, и в «Слове о полку Игореве» Кончак выступает в качестве наиболее заметной фигуры с половецкой стороны и именно у него Игорь оказывается в плену. От контраста этой ситуации с прежними союзническими отношениями Игоря и Кончака, в частности, отталкивается интерпретация, согласно которой «полк Игорев» был не военным походом, а свадебным кортежем, отправившемся к Кончаку за невестой для Владимира Игоревича³⁰ Предполагать такое можно, только игнорируя подробные описания событий в летописи и «Слове» (изложенные в сокращенном виде выше), которые не

оставляют сомнений в военном характере предприятия. Превращение вчерашнего союзника во врага (и наоборот), как говорилось выше, было распространенным явлением в ту эпоху. Но в данном случае нет никаких оснований полагать, что Игорь шел походом на Кончака. Напротив, он, по-видимому, рассчитывал, что Кончак, занятый борьбой с русскими князьями в Поднепровье, не станет вмешиваться в события. Целью похода Игоря были, очевидно, кочевья Гзы или других, менее значительных половецких предводителей, кочевавших на левобережье Северского Донца³¹. Но Кончак выступил в союзе с ними, и это резко изменило соотношение сил. Однако при этом он, как увидим ниже, делал все возможное, чтобы облегчить положение Игоря.

Битва была исключительной по своей длительности — она продолжалась более суток (до полудня 12 мая). Игорь был ранен в бою в левую руку. Половцам удалось сорвать попытку русских выйти из окружения. Утром в воскресенье отряд черниговских ковуев побежал, нарушив строй круговой обороны. Игорь поскакал вслед, надеясь повернуть ковуев назад, но это ему не удалось; когда же князь возвращался к своему полку, он был перехвачен половцами. Русские войска были тем временем прижаты к озеру и реке Каяле, где к полудню 12 мая было окончательно сломлено их сопротивление. Лишь немногим удалось вырваться из окружения (по Ипатьевской летописи, 15 человек Руси, а ковуев еще меньше), остальные либо погибли, либо попали в плен. В плену оказались и Всеволод, показавший в битве «немало мужества», и Владимир Игоревич, и Святослав Ольгович. Тут же на поле битвы «Кончакъ поручися по свата Игоря, зане бяшетъ раненъ» и пленные были уведены в половецкие кочевья. Таким образом, хан взял Игоря под свое покровительство³².

Разгром войска Игоря изменил соотношение сил между Русью и половцами. Северская земля оказалась незащищенной. Хан Гза сразу же захотел воспользоваться этим и напасть на северские города. Но Кончак не проявил никакого желания наносить удар по владениям своего пленника и

предложил отправиться походом в сторону Киева. В результате половцы разделились: Гза пошел на Северскую землю, а Кончак — к Переяславлю. Первый дошел до Путивля, пожег окрестные села, но взять город не сумел и возвратился восвояси. Кончак же осадил Переяславль. Владимир Глебович Переяславский предпринял вылазку против половцев; она была успешной, но князь получил в бою три тяжелых ранения копьями. Святослав и Рюрик Ростиславич двинулись на помощь Владимиру, но опоздали из-за того, что ждали Давыда Смоленского, брата Рюрика, а он не подоспел к ним на помощь. Половцам не удалось взять Переяславль; они разорили только небольшой город Римов и взяли в плен его жителей, после чего ушли в степь³³

Игорь Святославич тем временем находился в кочевьях Кончака у реки Тор (приток Северского Донца), где пребывал в положении почетного пленника: «Половци же, аки стыдящесе воеводства его и не творяхуть ему, но приставиша к нему сторожовъ 18... но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть, ту ѡздяшетъ, и ястребомъ ловяшетъ, а своих слугъ съ 5 или 6 с нимъ ѡздяшетъ, сторожевь же тѣ слушахуть его и чѣстяхуть его и гдѣ послашетъ кого, бес прѣ творяхуть повелѣное...» Один половец, по имени Овлур, стал побуждать Игоря к бегству, обещая ему помощь. Приближенные Игоря, бывшие с ним в плену, советовали князю принять это предложение. После некоторых колебаний Игорь согласился и вечером приказал своему конюшему, чтобы тот велел Овлуру ждать его с конем на другой стороне реки Тор. Конюший исполнил приказ и сообщил князю, что Овлур ждет его. Половцы, сторожа Игоря, в это время «напилися бяхуть кумыза»; Игорь, «вставъ ужасень и трепетенъ», поднял полу шатра и вышел. Сторожа веселились, думая, что князь спит. Игорь подошел к реке, переправился через нее, сел на коня и проехал сквозь половецкий лагерь. Двигаясь дальше, Игорь и Овлур вскоре загнали коней и вынуждены были продолжить путь пешком. Через 11 дней они достигли русского города Донца в низовьях реки Уды. Оттуда Игорь пришел в Новгород-Северский. Из Новгорода

он тут же отправился в Чернигов к Ярославу, затем в Киев к Святославу и Рюрику, прося военной помощи для отражения возможных новых набегов половцев. Такая помощь была ему обещана. В 1185 г. военные действия больше не возобновлялись³⁴.

Владимир Игоревич (он и Всеволод содержались в плену отдельно от Игоря) возвратился на Русь только в конце лета 1188 г. Он приехал вместе с женой — Кончаковной и ребенком, родившимся в кочевье своего половецкого деда. В Новгороде-Северском Кончаковна и дитя были крещены, а затем Игорь устроил Владимиру свадьбу по христианскому обряду. Вероятно, именно осенью 1188 г., после возвращения Владимира Игоревича, неизвестным автором было создано «Слово о полку Игореве»³⁵.

В 1191 г. Игорь совершил два похода на половцев. Первый был успешным — «ополонишася скотомъ и конми и возвратишася восвояси». В конце года Игорь возглавил поход, в котором кроме него участвовали шесть князей: его брат Всеволод, три сына и внук Святослава Киевского и сын Ярослава Черниговского. Половцам стало заранее известно о походе, они успели собрать крупные силы и ожидали Ольговичей у Оскола. На сей раз Игорь, оценив ситуацию, реализовал решение, на котором не настоял в 1185 г.: воспользовавшись ночной темнотой, русские войска ушли от превосходящих сил противника³⁶.

В 1195—1196 гг. Игорь принимал участие в усобице между Ольговичами, старшим из которых стал после смерти Святослава Всеволодича (1194 г.) его брат Ярослав Черниговский, и Рюриком и Давыдом Ростиславичами (которых время от времени поддерживал Всеволод Большое Гнездо). Но, судя по тому, что летописи ничего не говорят о личных действиях Игоря в это время, особой активности он в этой войне не проявлял. В 1196 г. скончался брат Игоря Всеволод³⁷.

В 1198 г. умер Ярослав Всеволодич, и Игорь, как следующий по старшинству среди потомков Олега Святославича (единственный оставшийся из его внуков), занял черни-

говский стол. Он княжил на нем четыре года, до своей смерти, наступившей его в 1202 г., в возрасте 51 года. Черниговским князем после этого стал (по праву старшинства) старший сын Святослава Всеволодича Олег, а сыновьям Игоря осталось Новгород-Северское княжество. Позже, в 1205—1211 гг., они вели борьбу за Галицкое княжество, владение их деда по матери, ставшее выморочным после смерти в 1199 г. Владимира Ярославича, брата жены Игоря; Роман, Святослав и Ростислав нашли свою гибель в этой борьбе³⁸.

Представляется, что крайние (уничижительные или чрезмерно панегирические) оценки деятельности Игоря не имеют под собой достаточных оснований. Это был несомненно видный деятель своего времени, неплохой полководец и смелый человек. С одной стороны, в биографии Игоря имели место поступки, продиктованные, как сейчас модно говорить, «личными амбициями» (сепаратные действия против половцев в 1184—1185 гг.), с другой — он никогда не претендовал на княжения, не принадлежавшие ему по праву старшинства (что не было редкостью в ту эпоху). Среди князей, живших в последней трети XII в. (в период, на который приходится активная деятельность Игоря) он, несомненно, может быть включен в «первую пятерку» наиболее ярких личностей — вместе со Святославом Всеволодичем, Рюриком Ростиславичем, Всеволодом Большое Гнездо и Романом Мстиславичем Волынским (хотя эти четверо и превосходили Игоря по политическому весу в силу больших размеров своих владений).

И все же, с точки зрения современного человека, ни личность Игоря, ни его поход на половцев 1185 г. явно не настолько масштабны, чтобы именно им было посвящено самое выдающееся по своим художественным достоинствам произведение русской средневековой литературы. Случайностью ли объясняется то, что такое произведение было создано по поводу не самого, казалось бы, яркого события?

§ 2. О ЗНАЧИМОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

А. С. Пушкин, доказывая подлинность «Слова о полку Игореве», обратился к скептикам, сомневающимся в ней, с полувопросом-полуутверждением: «Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя!»³⁹ Поэт имел в виду гипотетических фальсификаторов конца XVIII столетия — это для них, при тогдашнем состоянии исторических знаний, поход 1185 г. был «темным», а совершивший его князь — «неизвестным». Но до настоящего времени преобладает мнение, что поход Игоря Святославича на половцев был событием незначительным, частным эпизодом, типичным для своего времени⁴⁰; следовательно, известность он получил только потому, что был воспет гениальным автором. Такая оценка основывается на подходе к событиям 1185 г. исключительно как к фактам политической истории. Иная картина открывается, если взглянуть на них под другим углом зрения: как была воспринята эпопея Игоря Святославича современниками?

Прежде всего следует отметить, что автор «Слова» не был оригинален в выборе сюжета для своего произведения. Кроме поэмы, походу Игоря посвящены две летописные повести: в составе Лаврентьевской (и близких к ней) и Ипать-

евской летописей. Возможно, в обеих отразился общий источник, восходящий к летописанию Переяславля Южного⁴¹, но в основном текст каждой повести самостоятелен — это произведения, специально написанные по поводу похода Игоря и последующих событий. Насколько типичен факт наличия нескольких произведений об одном событии?

Параллельный летописный материал из разных регионов Руси (Южная Русь, Северо-Восточная Русь, Новгород) появляется с первой половины XII в. Но вплоть до 80-х гг. этого столетия не встречается (среди дошедших до нас памятников) двух или более пространных полностью самостоятельных рассказов (того, что принято именовать «летописными повестями») о каких-либо событиях (есть только случаи наличия в летописании другого региона новой редакции повести). Первым такого рода случаем являются рассказы о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Болгарию в 1183 г. — они самостоятельны в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях⁴². Две повести были созданы и по поводу похода южнорусских князей на половцев в следующем, 1184 году⁴³. Если объем рассказа о походе Всеволода 1183 г. в Лаврентьевской летописи принять за единицу, то объем рассказа о том же событии Ипатьевской составит 1, повести Лаврентьевской летописи о походе 1184 г. — 1, Ипатьевской — 1,1. Следующим событием, которому посвящены две повести, является поход Игоря 1185 г.⁴⁴, при этом объем повествования о нем в Лаврентьевской летописи — 2, а в Ипатьевской — 7,5 (!). Итак, получается, что этот поход привлек намного большее внимание летописцев, чем какое-либо из более ранних событий. Но, может быть, дело просто в том, что с 80-х гг. XII в. возрастает степень независимости летописной работы в разных центрах, летописцы начинают сами описывать события, происходившие в других княжествах? Если бы это было так, то после 1183—1185 гг. следовало бы ожидать новых случаев создания нескольких повестей о том или ином событии. Но между 1185 и 1223 гг. не фиксируется ни одного такого случая. Только событие из ряда вон выходящее по любым меркам — первый монголь-

ский поход в Восточную Европу и невиданное поражение русских войск на Калке — вызвало к жизни три дошедших до нас летописных повести (объем рассказов о Калкской битве в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописях соответственно 1 — 2, 6 — 2,2)⁴⁵ Затем следует «перерыв» на 14 лет до похода Батыея 1237—1238 гг., которому также было посвящено три повести (объем текста в Лаврентьевской летописи — 3,4, Ипатьевской — 2,2, Новгородской I — 2,5)⁴⁶ По степени пространности ни одна из повестей о монгольских походах даже не приближается к повести Ипатьевской летописи о событиях 1185 г.

Итак, неизбежен вывод: даже если бы до нас не дошло «Слово о полку Игореве», следовало бы признать, что поход Игоря Святославича на половцев 1185 г. явился событием, которое произвело на современников большее впечатление, чем любые другие события XII — нач. XIII в., вплоть до монгольских нашествий⁴⁷ А с учетом «Слова» — третьего дошедшего до нас произведения о 1185 г. (еще более пространного, чем повесть Ипатьевской летописи), — можно сказать, что Игорева эпопея оказалась самым ярким в глазах современников событием едва ли не за весь домонгольский период русской истории.

Впечатление, произведенное событиями 1185 г. на современников, никак не может быть объяснено, исходя из его места в политической истории. Следовательно, значимость происшедшего заключалась в другом.

Б. М. Гаспаров, исследуя поэтику «Слова о полку Игореве», отметил, что в событиях 1185 г. «соединились в исключительной концентрации различные элементы, обладающие мощной мифологизирующей потенцией»: наиболее сильным стимулом стало соединение двух фактов — затмения солнца и побега; в результате под пером автора «Слова» поражение Игоря приобрело характер космической катастрофы, а возвращение из плена было истолковано как воскресение и спасение мира⁴⁸. С этим выводом (убедительно обоснованным анализом текста «Слова о полку Игореве»)

можно согласиться. Однако уникальность событий 1185 г. не исчерпывалась соединением фактов затмения и побега.

1. Сепаратный поход. Этот факт, казалось бы, типичен. Но если вспомнить, что в 1184—1185 гг. большинство князей Южной Руси вело скоординированные совместные действия против половцев, то окажется, что в подобных ситуациях факты сепаратных походов единичны. Это акция деда Игоря Олега Святославича в 1096 г. (когда Святополк Изяславич и Владимир Мономах звали Олега в совместный поход на половцев, Олег «объщавъся с нима и пошедъ, не иде с нима в путь единый») ⁴⁹ и поход самого Игоря на реку Мерл в 1184 г. Таким образом, повторный сепаратный поход одного князя в условиях единения сил южнорусских князей — факт уникальный.

2—3. Затмение солнца само по себе — явление нередкое. Но неизвестны другие случаи, когда оно заставало бы войско в походе; соответственно, нет и других случаев, когда военачальник продолжал бы в такой ситуации поход. Затмение во время похода и пренебрежение этим недобрым предзнаменованием — еще два уникальных факта.

4. Никогда прежде не случалось, чтобы русское войско полностью погибло в степи.

5. Случаи пленения русских князей степняками имели место: в 1215 г. попал в плен к половцам сын Всеволода Большое Гнездо переяславский князь Владимир ⁵⁰, в 1235 г. — киевский князь Владимир Рюрикович ⁵¹; на Калке монголы пленили трех князей, в т. ч. киевского князя Мстислава Романовича ⁵². Но до 1185 г. известен только один факт такого рода: в 1154 г. половцами был захвачен Святослав Всеволодич, будущий киевский князь и один из героев «Слова о полку Игореве»; однако это случилось во время не похода в степь, а междоусобной войны, дело происходило на русской территории близ Переяславля, и Святослав был сразу же выкуплен своим дядей Изяславом Давыдовичем, чьими союзниками выступали половцы ⁵³. Таким образом, в 1185 г. впервые русские князья попали в плен к половцам на их тер-

ритории, в результате русско-половецкого столкновения, и при этом захвачено было сразу четыре князя.

6. Уникальным фактом является побег князя из половецкого плена.

Таким образом, события 1185 г. включают в себя шесть уникальных фактов. В совокупности они не только содержали «мифологический заряд», позволивший автору «Слова» изобразить Игореву эпопею как картину гибели и воскресения мира⁵⁴, но давали небывалую доселе возможность осмысления в рамках христианской морали: грех (сопровожаемый отвержением Божья знамения) — Господня кара — покаяние — прощение. Такое осмысление прослеживается во всех трех произведениях, посвященных событиям 1185 г.

В повести Лаврентьевской летописи оно занимает почти половину текста (с особым упором на грех гордыни, послуживший, по мнению автора повести, стимулом для сепаратного похода): «Здумаша Олгови внуци на половци, занеже бяху не ходили томь лѣтъ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: «Мы есмы ци не князи же? Таки же собѣ хвалы добудем!» ...и стояща на вежах 3 дни веселяся, а рекуще: «Братья наша ходили с Святославомъ великим князем и билися с ними зря на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в землю ихъ не смѣли по них ити, а мы в земли их есмы, а самѣхъ избили, а жены их полонены и дѣти у насъ; а нонѣ поидемъ по них за Донъ и до конца избьемъ ихъ; оже ны будет ту побѣда, идем по них и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возем до конца свою славу и чть». А не вѣдуще Божья строенья... Наши же, видѣвше ихъ (объединенные силы половцев. — А. Г.) и ужасающася и величанья своего отпадоша, не вѣдуще глаголемаго пророкомъ: «Нѣсть человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви»... И побежени быша наши гнѣвом Божиимъ... от наших не бысть кто и вѣсть принеса за наше согрѣшенье. Гдѣ бо бяхе в нас радость, нонѣ же въздыханье и плачь распространися. Исаия бо пророкъ глаголетъ: «Господи, в печали помянухом тя», и прочая... И

по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половець; не оставитъ бо Господь праведного в руку грѣшничю, очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ. Гониша по нем и не обрѣтоша, яко же и Сауль гони Давыда, но Богъ избави и, тако и сего Богъ избави из руку поганыхъ...⁵⁵ Се же и здѣся грѣх ради наших, зане умножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастыми различными — огнемъ и водою и ратью и иными различными казнями, хрестыянину бо многими напастыми внити въ царство небесное. Согрѣшихом казними есмы, яко створихом, тако и прияхом; но кажет ны добрѣ Господь нашъ, но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидит нас Богъ — не буди такого! Тако любить, яко же възлюбилъ е, и страсть приять нас ради, да ны избавит от неприязни»⁵⁶. Концовка повести (от слов «Се же и здѣся») содержит христианское осмысление эпопеи Игоря в концентрированном виде.

Повесть Ипатьевской летописи кратко говорит о прегрешении Игоря («не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю» — сетует на Игоря и Всеволода киевский князь Святослав)⁵⁷, содержит рассуждение о казнях Божьих («И се Богъ казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганья не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхом ся востягнули от злыхъ своихъ дѣлъ, и самъ казнить ны нахождениемъ поганыхъ, да некли смиривошеся воспомянемся от злаго пути»)⁵⁸. Но главное внимание здесь уделяется покаянью Игоря. На поле боя он произносит длинную покаянную речь, в которой трактует поражение как Божье наказание за свои грехи, в первую очередь за взятие русского города Глебова, и заканчивает выражением надежды на Божью милость: «Но владыко Господи Боже мои, не отригни мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ»⁵⁹. Рассказывая о жизни Игоря в плену, летописец вкладывает в его уста еще одно покаяние: «Азь по достоянью моему восприяхъ побѣду от повеления твоего, владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужная вся, их же есмь приялъ азь»⁶⁰.

В «Слове» Игорь осуждается за сепаратные действия устами Святослава Киевского: «О моя сыновча, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте... Нѣ рекосте: “Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!”»⁶¹ Тема же покаяния в поэме приобретает иные масштабы: по мнению автора «Слова», необходимо покаяние не одного Игоря, а всех русских князей, погрязших в усобицах⁶². Кроме того, в «Слове» можно усмотреть параллели с евангельской притчей о блудном сыне, в которой наличествует та же последовательность событий: грех — наказание — покаяние — прощение⁶³.

Таким образом, далеко не случайным является тот факт, что именно события 1185 г. послужили поводом к созданию наиболее выдающегося произведения русской литературы домонгольского периода. Эти события не были незначительным, «тривиальным» эпизодом: они носили уникальный характер, а развитие их фабулы явилось для относительно недавно христианизированной страны ярким примером проявления воли Бога. Отсюда — сильное воздействие Игорева эпоса на современников и небывалый отклик на нее в общественной мысли.

Однако степень воздействия события на современников далеко не всегда адекватна яркости его восприятия потомками. В последующие времена события 1185 г. не привлекали общественного внимания. Повести о них в летописных сводах XIII и последующих веков просто переписывались, новых их редакций не возникло. «Слово о полку Игорева» не имело богатой рукописной традиции⁶⁴. Лишь в конце XIV в. автор «Задонщины» воспользовался им как источником, творчески переработав его текст для описания победы над Мамаем на Куликовом поле. При этом он отталкивался от своеобразно понятого противопоставления в «Слове» прежних и нынешних времен: эпоха «первых князей» была расценена как славная, эпоха Игоря — как печальная; в противовес этому в «Задонщине» печальному времени на-

шествия XIII в. противопоставлялось славное время Куликовской победы⁶⁵ Можно полагать, что на фоне бурных событий XIII столетия происшедшее в 1185 г. стало выглядеть тем, чем оно было, если смотреть с чисто политической точки зрения, — эпизодом в борьбе со степью, не идущим ни в какое сравнение с монгольскими нашествиями.

С другой стороны, можно назвать события, воздействие которых на людей русского средневековья возрастало по мере их удаления во времени.

Гибель в 1015 г. в ходе междоусобной борьбы младших сыновей Владимира Святославича Бориса и Глеба не привела тотчас к возникновению их почитания как первых русских святых. Сами обстоятельства гибели братьев не вполне ясны и порождают в историографии противоречивые версии⁶⁶. Создание культа Бориса и Глеба прослеживается с середины XI в. и получает развитие при сыновьях и внуках Ярослава Мудрого⁶⁷ Это было связано в первую очередь с потребностями политического и культурного развития страны.

В период единовластного правления Ярослава (1036—1054 гг.) набирает силу тенденция к превращению Руси в христианскую державу, подобную Византии⁶⁸. Христианская держава должна иметь своих святых. К этому времени относится крещение останков погибших в междоусобицах 70-х гг. X в. дядьев Ярослава Ярополка и Олега⁶⁹, начало прославления Владимира как крестителя Руси, «нового Константина» (Иларион в «Слове о Законе и Благодати»)⁷⁰. Создание культа Бориса и Глеба как невинно убиенных христиан шло в этом русле. Литературные произведения, созданные о них во второй половине XI — начале XII в. («Чтение о Борисе и Глебе», Летописная повесть, «Сказание о Борисе и Глебе»), получили широкое распространение и оказали влияние на многие позднейшие памятники житийного (и не только) жанра⁷¹.

Куликовская битва 1380 г. является одним из знаковых событий русского (великорусского) общественного сознания вплоть до наших дней. Между тем и ее реальное политиче-

ское значение, и воздействие на современников были несколько скромнее, чем отклик потомков.

Победа великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича на Куликовом поле не означала свержения власти Орды, т. к. противником Дмитрия выступал не хан («царь» по тогдашней русской терминологии), а Мамай, к династии Чингизидов не принадлежавший и правивший западной частью Золотой Орды от лица ханов-марионеток⁷². После прихода к власти в конце 1380 г. «законного» правителя Тохтамыша русские князья признали его верховенство. Поход хана на Москву 1382 г. имел целью не восстановить «иго», а заставить Дмитрия Донского выполнять вассальные обязательства (выплату дани в первую очередь) фактически⁷³ Суверенитет ханов Золотой Орды над Русью не подвергался сомнению вплоть до 70-х гг. XV в.⁷⁴ Сдвиг, происшедший в конце правления Дмитрия — признание великого княжения владимирского «отчиной» московских князей, — был результатом не только и даже не столько Куликовской победы, сколько конфликта с Тохтамышем, который закончился отнюдь не капитуляцией великого князя, а обоюдодыгодным соглашением (в 1383 г.)⁷⁵

На современников победа на Куликовом поле — полный разгром ордынского войска на ордынской территории — произвела, несомненно, большое впечатление. Вскоре после события, скорее всего еще до похода Тохтамыша⁷⁶, была создана «Задонщина», поэтическое произведение, воспевавшее победу. Но после событий 1382 г. долгое время прославление Куликовской битвы было относительно скромным. Летописный рассказ о битве на Дону, содержащийся в Троицкой летописи 1408 г., не превышает по объему рассказ о битве на Воже 1378 г., события несомненно менее значительном, и вдвое короче рассказа о конфликте с Тохтамышем 1382 г.⁷⁷

Всплеск интереса к Куликовской битве происходит в конце 10-х или в 20-х гг. XV в., когда создается пространная повесть о ней для летописного свода, ставшего протографом Новгородской IV и Софийской I летописей. Она намного

объемнее повести Троицкой летописи, содержит немало дополнительных фактических подробностей и отличается гораздо большим пафосом⁷⁸ Высокой степенью прославления характеризуется и сказанное о Куликовской битве в созданном примерно в те же годы «Слове о житии и о преставлении» Дмитрия Донского⁷⁹

Новый подъем интереса к случившемуся в 1380 г. приходится на последнюю треть XV — начало XVI в. В 70-е гг. создаются две новые редакции «Задонщины» — Пространная и Краткая⁸⁰ Большое место уделено победе Дмитрия Донского архиепископ Вассиан Рыло в своем «Послании на Угру» 1480 г., имевшем целью подвигнуть Ивана III на активные действия против хана Ахмата⁸¹. Наконец, в начале XVI столетия⁸² создается «Сказание о Мамаевом побоище» — наиболее пространное из произведений Куликовского цикла, получившее в последующее время огромную популярность. Всплеск интереса к происшедшему в 1380 г. был связан с решающими событиями освобождения Московского великого княжества от власти Орды. Куликовская битва — самая яркая военная победа Руси над Ордой — стала сначала примером для современников в противостоянии Орде нынешней, а затем, после ликвидации ордынского суверенитета, начала восприниматься как самое значительное событие в истории борьбы за освобождение. На фоне конфликтов с Ордой 1472 и 1480 гг. (реально приведших к падению ордынской власти, но не сопровождавшихся крупными сражениями)⁸³ победа на Дону смотрелась необыкновенно ярко, что и сделало ее «культовым» событием для истории российской государственности.

Примечания

См.: ЭСПИ. Т. 2. С. 239—240 (там же литература).

² ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 422. В литературе можно встретить дату 2 апреля (ЭСПИ. Т. 2. С. 236), но это ошибка: согласно Ипатьевской летописи, Игорь родился во вторник Страстной недели, который в 1151 г. приходился на 3 апреля (см.:

- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 152).
- ³ ПСРЛ. Т. 1. М., 1952. Стб. 282—283.
- ⁴ НЛ. М.; Л., 1950. С. 24.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490, 522—524.
- ⁶ Там же. Стб. 543—545; Т. 1. Стб. 354—355.
- ⁷ См.: *Творогов О. В.* На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993.
- ⁸ См.: *Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 20. М., 1964. С. 378—382.
- ⁹ Судя по тому, что в 1206—1208 гг. права Владимира Игоревича на Галич оспаривал Роман (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718—723), именно он был вторым сыном Игоря и Ярославны.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 568—569. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 189.
- ¹¹ См., напр.: *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975; *Она же.* Половцы. М., 1990.
- ¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 532.
- ¹³ Там же. Стб. 575—577.
- ¹⁴ Там же. Стб. 599—600.
- ¹⁵ Там же. Стб. 613.
- ¹⁶ Там же. Стб. 614—624. Подробное изложение событий 1180—1181 гг. см.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 151—156.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 628—629.
- ¹⁸ Там же. Стб. 643; *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 205.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630—636.
- ²⁰ Там же. Стб. 637.
- ²¹ Там же. Стб. 637—638.
- ²² См.: *Бобров А. Г.* Поход Игоря Святославича на половцев 1185 г. // ЭСПИ. Т. 4, а также Т. 5. С. 310—317.
- ²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 10.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638—639.
- ²⁷ Там же. Стб. 639—640.
- ²⁸ Слово о полку Игореве. С. 13.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 640—641.

- ³⁰ Никитин А. Л. Поход Игоря: поэзия и реальность // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I. XI—XVI века. М., 1989; Он же. Слово о полку Игореве: Тексты. События. Люди. М., 1998. С. 101—114.
- ³¹ Ср.: Пядышев Г. Е. Поход Игоря в 1185 году. Место битвы // История СССР. 1980. № 5. С. 43—47; Амеликин А. О. Кто был главным противником князя Игоря во время похода на половцев в 1185 году // Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время. М., 1998.
- ³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 641—644.
- ³³ Там же. Стб. 644—649.
- ³⁴ Там же. Стб. 649—651.
- ³⁵ Там же. Стб. 659, 707—708; Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 673.
- ³⁷ Там же. Стб. 681—702.
- ³⁸ Там же. Стб. 707—708, 718—727.
- ³⁹ Пушкин А. С. Полное собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 503.
- ⁴⁰ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 239, 241 (Д. С. Лихачев); История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 79 (О. В. Творогов); Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980. С. 254—255, 326; Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 8 (В. Н. Стеллецкий); Ворт Д. С. «Слово о полку Игореве» как архаическая культурная модель // *Philologia slavica*. М., 1993.
- ⁴¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 187—188.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389—390; Т. 2. Стб. 625—626.
- ⁴³ Там же. Т. 1. Стб. 394—396; Т. 2. Стб. 630—633.
- ⁴⁴ Там же. Т. 1. Стб. 397—400; Т. 2. Стб. 637—651.
- ⁴⁵ Там же. Т. 1. Стб. 445—447; Т. 2. Стб. 740—745; НЛ. С. 61—63.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460—467; Т. 2. Стб. 778—782; НЛ. С. 74—77.
- ⁴⁷ Приведенные наблюдения свидетельствуют против недавно высказанного Д. С. Вортом предположения, что выбор автором «Слова» сюжета был обусловлен «тривиальностью» событий 1185 г., что давало возможность противопоставить современную

эпоху былым славным временам (*Ворт Д. С. Указ. соч.*). При такой трактовке остается неясным, почему именно на эти якобы тривиальные события откликнулись, помимо автора «Слова», еще два книжника.

⁴⁸ *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». *Wien*, 1984. С. 299.

⁴⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 228.

⁵⁰ Там же. Стб. 438.

⁵¹ Там же. Т. 2. Стб. 773—774.

⁵² НЛ. С. 63.

⁵³ ПСРА. Т. 2. Стб. 475.

⁵⁴ См.: *Гаспаров Б.* Указ. соч. С. 195—206.

⁵⁵ Высказывалось мнение, что отрывок, посвященный бегству Игоря, — вставной, т. к. он не соответствует общему тону повести, враждебному Игорю (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 195—196). Но данный фрагмент составляет необходимую часть смысловой цепочки: грех — казнь — покаяние — прощение.

⁵⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 397—400.

⁵⁷ Там же. Т. 2. Стб. 635.

⁵⁸ Там же. Стб. 648.

⁵⁹ Там же. Стб. 643—644.

⁶⁰ Там же. Стб. 649.

⁶¹ Слово о полку Игореве. С. 20—21.

⁶² См.: *Лихачев Д. С.* Катарсис в «Слове о полку Игореве» // *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.

⁶³ *Гаспаров Б.* Указ. соч. С. 195—197.

⁶⁴ Это, впрочем, типично для памятников светской литературы внелетописного характера. Так, «Поучение» Владимира Мономаха дошло, как и «Слово о полку Игореве», в одном списке (хотя автор — киевский князь!), «Слово о погибели Русской земли» — в двух.

⁶⁵ О связях «Слова» и «Задонщины», текстуальных и в плане преломления идейного содержания, см.: *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992.

⁶⁶ Ср. предположения (впрочем, пока малоубедительные), что убийцей братьев (или одного Бориса) был не Святополк (как утверждают русские источники), а Ярослав: *Ильин Н. Н.* Ле-

- тописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986. С. 13—36; Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 23—25; Филист Г. М. «Преступления» Святополка Окаянного. Минск, 1989; Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.) М., 1998. С. 336—354.
- ⁶⁷ См.: Поппе А. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. Т. I. München, 1973; Он же. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia mediaevalis*. Т. VIII, I. München, 1995; Ужанков А. Н. К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. XI—XIV вв. Сб. 5. М., 1992; Биленкин В. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глебоборисовского» культа // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. Л. Мюллер относит канонизацию братьев к несколько более раннему времени (конец 30-х гг.), но все равно отстоящему от событий 1015 г. более чем на 20 лет (Мюллер Л. О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. Т. VIII, I. München, 1995).
- ⁶⁸ Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750—1200. L.—N. Y., 1996. P. 208—217. В архитектуре это проявилось в распространении каменного культового строительства, в литературе — в появлении «Слова о Законе и Благодати» Илариона.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155.
- ⁷⁰ Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984.
- ⁷¹ См.: СККДР. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 398—408.
- ⁷² См. об этом подробно в гл. IV
- ⁷³ См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 100—101.
- ⁷⁴ См.: Там же. Гл. 6—9.
- ⁷⁵ См. Гл. IV
- ⁷⁶ См.: Кучкин В. А. К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
- ⁷⁷ Ср.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 415—416, 419—420, 422—425.

- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 311—320; Вып. 2. Л., 1925. С. 321—325; Т. 6. СПб., 1853. С. 90—98; Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 112—131.
- ⁷⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 351—366; Т. 6. С. 104—111.
- ⁸⁰ См.: Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРА. Т. 50. СПб., 1997. С. 109—114.
- ⁸¹ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 528, 530.
- ⁸² Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 109—114; Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoiam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.
- ⁸³ См.: Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; Горский А. А. Москва и Орда. С. 156—175.

ГЛАВА II

«Дай, Господи милостивый, видѣти ему
лице твое в будущий вѣкъ, иже
потрудися за Новъгородъ и за всю
Русьскую землю».

*Из рассказа о смерти Александра
Невского Новгородской I летописи
старшего извода.*

§ 1. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ — ГЕРОЙ ИЛИ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТ?

Александр Невский — одно из тех имен, которые известны каждому в нашем Отечестве. Князь, покрытый воинской славой, удостоившийся литературной повести о своих деяниях вскоре после смерти, признанный святым церковью; человек, чье имя продолжало вдохновлять поколения, жившие много веков спустя: в 1725 г. был учрежден орден святого Александра Невского, а в 1942 г. — советский орден Александра Невского (единственный советский орден, названный именем деятеля эпохи русского средневековья). У большинства россиян имя Александр Невский вызывает ассоциацию о образе, созданном в одноименном фильме С. Эйзенштейна Н. Черкасовым.

Александр родился в 1221 г. в Переяславле-Залесском¹. Его отец, князь Ярослав Всеволодич, был третьим сыном одного из сильнейших русских князей конца XII — начала XIII в. Всеволода Большое Гнездо, сына Юрия Долгорукого, внука Владимира Мономаха. Всеволод (умерший в 1212 г.) владел Северо-Восточной Русью (Владимиро-Суздальской землей). Ярослав (родившийся в 1190 г.) получил от отца Переяславское княжество, составлявшее часть Владимиро-Суздальского. Первой женой Ярослава была внучка Кончака (дочь его сына, Юрия Кончаковича). Около

1213 г. Ярослав женился вторично (умерла ли его первая жена или брак был по каким-либо причинам расторгнут — неизвестно) — на Ростиславе-Феодосии, дочери новгородского (позже галицкого) князя Мстислава Мстиславича (в литературе часто именуемого Удамым на основе неверно понятого определения этого князя в сообщении о его смерти как «удатного», т. е. удачливого). В 1216 г. Ярослав со старшим братом Юрием вели неудачную войну против Мстислава, потерпели поражение, и Мстислав отнял у Ярослава свою дочь². Но затем брак Ярослава и Ростиславы был возобновлен (часто встречающееся в литературе утверждение, что Ярослав после 1216 г. женился третьим браком на рязанской княжне, ошибочно), и в начале 1220 г. у них родился первенец Федор, а в мае 1221 г. — Александр³.

В 1230 г. Ярослав Всеволодич после трудной борьбы с черниговским князем Михаилом Всеволодичем (внуком Святослава Киевского «Слова о полку Игореве») утвердился на княжении в Новгороде Великом. Сам он предпочитал жить в отчинном Переяславле, а в Новгороде оставил княжичей Федора и Александра. В 1233 г. Александр остался старшим из Ярославичей — 13-летний Федор неожиданно умер накануне своей свадьбы. «И кто не пожалует сего: сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны; и бысть в веселия место плач и сетование за грехы наша», — писал по этому поводу новгородский летописец⁴.

В 1236 г. Ярослав Всеволодич ушел из Новгорода на княжение в Киев (продолжавший считаться номинальной столицей всей Руси). Александр стал самостоятельным новгородским князем. Именно в Новгороде он находился зимой 1237—1238 гг., в то время, когда Северо-Восточную Русь постигла катастрофа: полчища Монгольской империи, возглавляемые внуком ее основателя Чингисхана Бату (Батыем), разорили Владимиро-Суздальское княжество. Было взято 14 городов, включая столицу — Владимир. В битве с одним из татарских (в Европе, включая Русь, монгольских завоевателей именовали «татарами») отрядов на реке Сити

погиб великий князь владимирский Юрий Всеволодич, старший брат Ярослава⁵

После того как монгольские войска вернулись весной 1238 г. в приволжские степи, Ярослав Всеволодич пришел из Киева в разоренный Владимир и занял главный княжеский стол Северо-Восточной Руси. После этого, в 1239 г., он предпринял энергичные действия по укреплению своего влияния в соседних землях. Ярослав разбил литовские войска, захватившие Смоленск, и посадил здесь союзного себе князя; совершил успешный поход в Южную Русь⁶. В русле этой политики была и договоренность о браке старшего сына Ярослава с дочерью правителя крупного западнорусского центра — Полоцка. В 1239 г. состоялась свадьба Александра и дочери полоцкого князя Брючислава⁷. А летом следующего, 1240 года произошло событие, принесшее Александру первую воинскую славу.

В первой половине XIII в. шведские феодалы развернули наступление на земли финских племен и завладели юго-западной Финляндией. Попытки продвижения далее на Восток неизбежно должны были привести к столкновению с Новгородом, которому принадлежало устье Невы и побережье Ладожского озера. И в 1240 г. шведское войско впервые после 1164 г. вошло из Финского залива в Неву. Предводительствовал им, возможно, ярл (второй по значению титул в Швеции после короля) Ульф Фаси (достоверность сведений позднейших источников, что командовал шведскими силами Биргер, позже фактический правитель Швеции, сомнительна)⁸. Вряд ли целью шведов был поход на сам Новгород, скорее всего в их задачу входило укрепиться в устье Невы⁹ с целью отрезать Новгородской земле выход к морю и лишить ее возможности противостоять шведам в борьбе за Восточную Финляндию. Момент для нападения был избран удачно: военные силы князей Северо-Восточной Руси, часто приходившие на помощь новгородцам во внешних войнах, были ослаблены в результате тяжелых потерь, понесенных во время похода Батыея 1237—1238 гг.

Какой опыт участия в военных походах был к этому времени у 19-летнего Александра, неизвестно. Не исключено, что он принимал участие в походе отца 1234 г. против немецких рыцарей-крестоносцев, обосновавшихся в первой трети XIII в. на землях прибалтийских племен — предков эстонцев и латышей, походе, закончившемся успешной для русских войск битвой на реке Эмайыги в Юго-Восточной Эстонии¹⁰ Возможно, что участвовал Александр и в действиях отца против литовцев в 1239 г. Но, во всяком случае, ему впервые приходилось действовать самостоятельно, самому принимать решения и брать на себя руководство военными действиями.

Получив известие о появлении шведского войска, новгородский князь мог занять выжидательную позицию, послать просьбу о военной помощи отцу во Владимир, попытаться собрать ополчение из жителей Новгородской земли. Но Александр принял иное решение: только со своей дружиной и небольшим отрядом новгородцев немедленно атаковать противника. «Не в силѣ Богъ, но в правдѣ», сказал, по свидетельству автора Жития Александра, князь, отправляясь в поход¹¹.

15 июля 1240 г., в воскресенье, русское войско внезапно атаковало численно превосходивших шведов, расположившихся лагерем близ впадения в Неву реки Ижоры. Противник, застигнутый врасплох, понес тяжелые потери. Погиб второй по значению шведский военачальник (названный в русской летописи «воеводой») и много знатных воинов. Согласно Житию Александра, сам князь сошелся в бою с предводителем вражеского войска и ранил его копьем в лицо¹². Сражение прекратилось, по-видимому, с наступлением темноты, и шведы получили возможность похоронить погибших. Под покровом ночи остатки вражеского войска погрузились на корабли и отплыли восвояси¹³

В конце того же 1240 г. агрессию против Новгородской земли начали немецкие рыцари-крестоносцы. В течение первой трети XIII в. рыцари Ордена меченосцев захватили земли прибалтийских племен — эстов, ливов, латгалов.

Владения Ордена вплотную соприкоснулись с границами Руси (по реке Нарове и Чудскому озеру). С конца 10-х гг. начались непосредственные столкновения Ордена с русскими войсками. После поражений, понесенных крестоносцами от Ярослава Всеволодича в 1234 г. и особенно от литовцев при Шяуляе в 1236 г. (где погибли почти все рыцари-меченосцы — 48 человек), произошло слияние Ордена меченосцев с обосновавшимся в Восточной Пруссии Тевтонским орденом (1237 г.). Получившая подкрепление из Пруссии и Германии часть соединенного Ордена, расположившаяся на территории современных Эстонии и Латвии, стала именоваться Ливонским орденом. Не удовлетвовавшись завоеванием прибалтийских племен, крестоносцы попытались перенести экспансию на территорию русских земель. Как и при вторжении в Восточную Прибалтику, за спиной Ордена стоял папский престол в Риме. Завоевание народов Прибалтики освящалось идеей обращения их в христианство (предки эстонцев и латышей были в это время еще язычниками), война с Русью оправдывалась тем, что ее жители были, с католической точки зрения, «схизматиками» — приверженцами восточного, православного варианта христианства. В конце 1240 г. немцы захватили Изборск — город на западной границе Новгородской земли. Затем они разбили войско крупного полусамостоятельного центра Новгородской земли — Пскова и благодаря последующему сговору с частью псковского боярства заняли этот город. На северо-западе Новгородской земли немцы обосновались в погосте Копорье (к востоку от реки Наровы близ Финского залива). Вся западная часть новгородских владений разорялась немецкими отрядами¹⁴

Положение осложнилось тем, что в разгар немецкого наступления, зимой 1240—1241 гг., князь Александр рассорился с новгородскими боярами и уехал к отцу в Переяславль вместе со своим «двором» (дружиной)¹⁵ Политический строй Новгорода обладал определенными специфическими чертами, отличными от строя других русских земель.

Здесь значительную силу представляло местное боярство, которое приглашало на новгородский стол князей из разных земель по своему усмотрению. Часто князья, не поладившие с местной знатью, вынуждены были покидать Новгород¹⁶ Это случилось и с Александром (о причинах конфликта источники не сообщают).

Тем временем немецкие отряды стали появляться уже в 30 верстах от Новгорода, и новгородцы отправили к Ярославу Всеволодичу посольство с просьбой о помощи. Ярослав послал к ним второго по старшинству из своих сыновей — Андрея. Вскоре, по-видимому, выяснилось, что он не может должным образом организовать сопротивление захватчикам, и к Ярославу было снаряжено новое посольство, во главе с новгородским архиепископом с просьбой отправить княжить в Новгород вновь Александра. И «вда Ярослав сына своего Александра опять»¹⁷

Вернувшись в Новгород, Александр принялся за организацию отпора крестоносцам. Первый удар он направил (в 1241 г.) на Копорье — опорный пункт захватчиков на северо-западе Новгородской земли. Крепость, построенная здесь противником, была взята, часть пленных немцев Александр привел в Новгород, часть отпустил; в то же время перешедших на сторону врага изменников из обитавших в районе Копорья финноязычных племен воль и чудь он приказал повесить. В начале следующего, 1242 года, Александр со своей дружиной, войском из новгородцев и отрядом во главе с братом Андреем, присланным отцом в подмогу из Суздальской земли, двинулся на земли Ордена. При этом он перекрыл пути, связывавшие немецкие владения с Псковом, а затем внезапным ударом занял город. Немцы, находившиеся в Пскове, были захвачены в плен и отосланы в Новгород. Перейдя границу владений Ордена, Александр отправил вперед разведывательный отряд во главе с братом новгородского посадника (высшего должностного лица Новгорода из числа местных бояр). Этот отряд напоролся на орденское войско. В завязавшемся бою погиб предводитель отряда Домаш Твердиславич, часть воинов погибла или

попала в плен, другие бежали к Александру. После этого князь отступил на лед Чудского озера (естественной границы между новгородскими и орденскими владениями) и занял позицию у его восточного берега.

5 апреля 1242 г., в субботу, орденское войско атаковало русских. Построившись клином (в русских источниках того времени это построение именуется «свиньей»), немцы и чудь (эсты) сумели прорвать оборонительную линию, составленную из легковооруженных воинов, но были атакованы с флангов конными отрядами (очевидно, дружинами Александра и Андрея) и потерпели полное поражение. Воины Александра преследовали бегущего противника 7 верст по льду до западного берега озера¹⁸

Согласно новгородской летописи, в битве «паде Чюди бесчисла» (бесчисленное множество), а немцев 400; кроме того, еще 50 немцев были захвачены в плен и приведены в Новгород¹⁹ Ливонский источник — «Рифмованная хроника» называет другие цифры потерь: 20 рыцарей убитыми и 6 пленными²⁰ Это расхождение, однако, связано, скорее всего, не с завышением вражеских потерь в первом случае и занижением «своих» в другом. Собственно рыцари Ордена составляли наилучшим образом экипированную и подготовленную часть немецкого войска, но численно очень незначительную: по данным той же Хроники, во время похода на Псков в 1268 г. из каждых ста воинов лишь один был рыцарем Ордена²¹. Помимо рыцарей, в бою участвовали их военные слуги, воины дерптского епископа, вероятно отряды из немецких колонистов-горожан. Русский источник называет примерное общее число немецких потерь; в ливонском же речь идет только об орденских рыцарях. По подсчетам исследователей, в 1242 г. в Ливонии было всего около сотни рыцарей, при этом значительная часть их сражалась с балтским племенем куршей²². Таким образом, потери в 26 человек убитыми и пленными составляли, видимо, около половины от числа рыцарей, участвовавших в Ледовом

побоище, и около четверти — от общего числа рыцарей Ливонского ордена.

В том же году немцы прислали в Новгород посольство с просьбой о мире: Орден отказывался от всех претензий на русские земли и просил об обмене пленными. Мирный договор был заключен²³

Пока на севере Руси шла война с Орденом, на юге разворачивались трагические события. В конце 1240 г. войско Батия вторглось в Южную Русь, захватило Переяславль, Чернигов, Киев, Галич, Владимир-Волынский, множество других городов. Разорив южнорусские земли, Батий двинулся в Центральную Европу. Были опустошены Венгрия, Польша, монгольские войска достигли Чехии и берегов Адриатики. Лишь в конце 1242 г. Батий возвратился в Поволжье²⁴. Здесь образовался западный улус Монгольской империи — т. н. Золотая Орда. На правах завоевателей монголы стали навязывать русским князьям свой сюзеренитет. Первым был вызван в ставку Батия в 1243 г. отец Александра, великий князь владимирский Ярослав Всеволодич, сильнейший на тот момент из русских князей, князь, не воевавший о татарами (во время их похода на Северо-Восточную Русь он находился в Киеве, а во время похода на Южную Русь — во Владимире). Батий признал Ярослава «старейшим» из русских князей, подтвердив его права на Владимир и Киев — древнюю столицу Руси²⁵. Но Золотая Орда была пока что частью огромной империи, простиравшейся от Карпат до Тихого океана. И Ярослав был вынужден в 1246 г. отправиться в Монголию, в столицу великого хана — Каракорум для утверждения.

Александр тем временем продолжал княжить в Новгороде. В 1245 г. Новгородская земля подверглась набегу литовцев, дошедших до Торжка и Бежицы. Александр погнался за ними и разбил в нескольких битвах у Торопца, Жижиц и Усвята (в пределах Смоленского и Витебского княжеств); было перебито множество литовских «княжичей»²⁶

30 сентября 1246 г. в далекой Монголии умер Ярослав Всеволодич, отец Александра. Он был отравлен матерью

великого монгольского хана Гуюка Туракиной, враждебно настроенной к Батюю, чьим ставленником в глазах каракорумского двора являлся Ярослав. После этого Туракина направила к Александру посла с требованием явиться в Каракорум, но Александр отказался ехать²⁷

В 1247 г. великим князем владимирским стал Святослав Всеволодич, младший брат Ярослава (в согласии с древнерусской традицией наследования княжеской власти, по которой братьям отдавалось предпочтение перед сыновьями). Александру, согласно проведенному перераспределению столов, досталась в Северо-Восточной Руси Тверь (при этом он сохранял новгородское княжение)²⁸ Но в конце того же года Александр и его брат Андрей отправились к Батюю. Очевидно, Ярославичи апеллировали к акту ханского пожалования их отцу, которое давало его сыновьям преимущественные перед дядей права на великое княжение владимирское (позднее на него претендовали только потомки Ярослава Всеволодича). От Батюя оба брата направились в Каракорум, откуда вернулись на Русь лишь в конце 1249 г.²⁹

Пока Александр пребывал в степях, в его адрес римским папой Иннокентием IV были направлены два послания³⁰ Мысль о контактах с Александром возникла у папской курии в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, его отец встречался в Каракоруме с послом папы Плано Карпини и согласился, по утверждению последнего, принять покровительство римской церкви. Во-вторых, от Плано Карпини папе стало известно об отказе Александра подчиниться великой ханше. В своем послании от 22 января 1248 г. папа настаивал на том, чтобы Александр последовал примеру отца, и просил его в случае татарского наступления извещать о нем «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать»³¹.

Папскую буллу, очевидно, успели доставить Александру, пока он находился в ставке Батыя в низовьях Волги. Новгородский князь дал ответ, текст которого до нас не дошел; но, судя по содержанию следующего послания папы (от 15 сентября 1248 г.), этот ответ был уклончив или даже в основном положителен в отношении принятия покровительства римской церкви³². По-видимому, находясь в неопределенном положении при дворе Батыя, Александр хотел сохранить возможность выбора в зависимости от результатов своей поездки. Во втором послании Иннокентий IV давал Александру положительный ответ на его предложение построить в Пскове католический собор и просил принять своего посла — архиепископа Прусского. Но эта булла не успела дойти до Александра — он был уже на пути в Каракорум³³.

В Каракоруме новая правительница Огуль-Гамиш (вдова Гуюка) признала (в 1249 г.) Александра «старейшим» среди русских князей: он получил Киев. Но в то же время Владимир достался Андрею: таким образом, наследство Ярослава Всеволодича было разделено на две части. Александр предпочел не ехать в далекий Киев, сильно пострадавший от татарского разгрома 1240 г., и продолжал княжить в Новгороде. Тем временем к нему явились послы от папы за окончательным ответом на предложение о переходе в католичество. Князь ответил решительным отказом³⁴.

Андрей Ярославич, став князем владимирским, заключил союз с сильнейшим князем Южной Руси Даниилом Романовичем Галицким, женившись на его дочери, и попытался вести (как и его тесть в то время) независимую от Золотой Орды политику. Такую возможность ему давало, по-видимому, пожалование владимирского княжения каракорумским двором, враждебным Батыю. Но в 1251 г. великим ханом стал ставленник Батыя Мунке. Это развязало руки золотоордынскому хану, и в следующем году он организовал военные акции против Андрея и Даниила. На галицкого князя Батый послал рать Куремсы, не добившуюся успеха, а на Андрея — рать под командованием Неврюя, разорив-

шую окрестности Переяславля; владимирский князь бежал, найдя убежище в Швеции (позже он вернулся на Русь и княжил в Суздале). В том же году, еще до похода Неврюя, Александр поехал к Батью, получил ярлык на владимирское великое княжение и по возвращении (уже после изгнания Андрея) сел во Владимире³⁵

С 1252 г. до своей смерти в 1263 г. Александр был великим князем владимирским. Обосновавшись во Владимире, он предпринял шаги по закреплению за собой прав на Новгород. Ранее новгородское боярство могло приглашать к себе князей из разных русских земель: Владимиро-Суздальской, Смоленской, Черниговской. Со времен Александра установился новый порядок: Новгород признавал своим князем того, кто занимал великокняжеский стол во Владимире. Таким образом, Александр, став великим князем владимирским, сохранил за собой и новгородское княжение. В Новгороде он оставил своего старшего сына Василия, но в качестве не самостоятельного князя, а своего наместника³⁶.

Новгородское боярство не сразу приняло новый порядок. В 1255 г. сторонники продолжения существования самостоятельного новгородского княжения выгнали из города Василия Александровича и пригласили младшего брата Александра Ярослава (в 1252 г. бывшего союзником Андрея, бежавшего в Псков и княжившего там до 1255 г.). Александр двинулся на Новгород войной, но не стал штурмовать город, а предпочел путь переговоров. Вначале он требовал выдать своих противников из числа новгородской знати (Ярослав при приближении Александра бежал из города). Новгородцы соглашались признать Александра своим князем, но с условием прощения главарей мятежа. Наконец, Александр смягчил свои требования, ограничив их смещением неудобного ему посадника; это было исполнено, князь вошел в город, и установился мир³⁷

В следующем, 1256 году шведы попытались построить город на восточном, русском берегу реки Наровы. Александр находился тогда во Владимире, и новгородцы послали

к нему за помощью. Услышав о сборе русских войск, шведы оставили свою затею и уплыли «за море». Александр, прибыв в Новгород, отправился в поход, причем не сообщил поначалу пошедшим с ним новгородцам, какова его цель. Оказалось, князь задумал нанести удар по захваченной шведами в 1250 г. Юго-Восточной Финляндии. Поход был в целом успешным — были разрушены опорные пункты шведов в земле финского племени емь. Но на долгий срок ликвидировать власть Швеции над этой частью Финляндии не удалось — после ухода русских войск шведская администрация восстановила свое правление³⁸.

В 1257 г. Монгольская империя произвела в Северо-Восточной Руси перепись населения для упорядочения системы податного обложения. Александр, совершивший тогда поездку в Орду, вынужден был согласиться на проведение этого мероприятия, сохраняя свою линию на мирные отношения с татарами и признание верховного сюзеренитета правителя Золотой Орды и великого монгольского хана. Из Суздальской земли татарские «численники» поехали в Новгород; Александр с военным отрядом сопровождал их. В Новгороде при известии о татарских требованиях выплаты дани начался мятеж, поддержанный по-прежнему наместничавшим в городе Василием Александровичем. Новгородцы не дали татарским послам «десятины и тамги», ограничившись дарами «цесарю» (великому хану). Александр же расправился с мятежниками: Василия выгнал из Пскова (куда тот бежал при приближении отца) и отослал в Суздальскую землю, а тем, кто подбил его на неповиновение, «овому носа урезаша, а иному очи выимаша». В 1259 г. новгородцы, опасаясь татарского вторжения, все же согласились на ордынскую перепись. Но когда татарские послы, сопровождаемые Александром, начали взимать дань, в Новгороде вновь поднялся мятеж. После долгого противостояния новгородцы все же уступили. Вслед за татарами город покинул и Александр, оставив наместником своего второго сына Дмитрия³⁹.

В 1262 г. сразу в нескольких городах Северо-Восточной Руси — Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле, Устюге — вспыхнуло восстание, в результате которого сборщики дани, присланные великим ханом, были перебиты или изгнаны⁴⁰. Карательного похода из Золотой Орды не последовало: ее хан Берке в это время стремился к независимости от великоханского престола, и изгнание из Руси чиновников великого хана соответствовало его интересам. Но в том же году Берке затеял войну против монгольского правителя Ирана Хулагу и стал требовать посылки к нему на помощь русских войск. Александр отправился в Орду, чтобы «отмолити людии от беды той»⁴¹. Перед отъездом он организовал большой поход против Ливонского ордена.

После Ледового побоища 1242 г. крестоносцы не беспокоили русские земли 11 лет. В 1253 г. они нарушили мирный договор и подступили к Пскову, но были отбиты псковичами и подоспевшими на помощь новгородцами⁴². В последующие годы рыцари попытались усилить натиск на Литву, но потерпели неудачу: в 1260 г. у озера Дурбе войско формирующегося Литовского государства во главе с его правителем Миндовгом нанесло сокрушительное поражение соединенным силам Тевтонского и Ливонского орденов (только рыцарей погибло 150). Разгром крестоносцев вызвал серию восстаний покоренных ими прибалтийских народов. В этих условиях Александр заключил союз с Миндовгом, и два победителя Ордена начали готовить совместный удар по Ливонии с двух сторон: русские войска должны были двигаться на Юрьев (прежде — древнерусский город, поставленный Ярославом Мудрым на земле эстов; захвачен крестоносцами в 1224 г. и назван Дерптом; ныне Тарту), а литовские — на Венден (ныне Цесис).

Осенью 1262 г. русские войска выступили в поход. Ими командовали сын Александра Дмитрий и брат Ярослав (помирившийся к тому времени с Александром и княживший в Твери). Вместе с русскими силами шла рать княжившего в то время в Полоцке литовского князя Товтивила. Юрьев

был взят приступом. Но координированного похода не получилось: литовские войска выступили раньше и уже отошли от Вендена, когда русские подошли к Юрьеву. Узнав об этом после взятия города, русские войска вернулись на свою землю. Тем не менее поход еще раз продемонстрировал силу двух противников Ордена — Северной Руси и Литвы⁴³

Александр же пробыл в Орде почти год. Миссия его, по-видимому, удалась: сведений об участии русских войск в войнах Золотой Орды против Хулагу нет. На обратном пути на Русь осенью 1263 г. 42-летний великий князь разболелся и умер 14 ноября 1263 г. в Городце на Волге, приняв перед смертью монашеский постриг. 23 ноября тело Александра было погребено в монастыре Рождества Богородицы во Владимире. В надгробной речи митрополит всея Руси Кирилл сказал: «Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суздальской!»⁴⁴

В литературе можно встретить предположение, что Александр, подобно его отцу, был отравлен татарами⁴⁵ В источниках, однако, такая версия его смерти не встречается. В принципе нет ничего удивительного, что длительное пребывание в непривычных климатических условиях могло сказаться на здоровье уже немолодого, по тогдашним меркам, человека. К тому же Александр, по-видимому, особо крепким здоровьем не отличался: под 1251 г. летопись упоминает о тяжелой болезни, едва не сведшей его в могилу в тридцатилетнем возрасте⁴⁶

После смерти Александра великим князем владимирским стал его младший брат Ярослав. Сыновья Александра получили: Дмитрий — Переяславль, Андрей — Городец⁴⁷ Младший, Даниил (родился в 1261 г.), стал через некоторое время первым московским князем, и от него пошла династия московских великих князей и царей.

Если официальная (светская и церковная) оценка личности Александра Невского всегда была панегирической, то в исторической науке его деятельность трактовалась неоднозначно. И эта неоднозначность естественно вытекает из ви-

димого противоречия в образе Александра. В самом деле: с одной стороны, это несомненно выдающийся полководец, выигравший все сражения, в которых участвовал, сочетавший решительность с расчетливостью, человек большой личной храбрости; с другой — это князь, вынужденный признать верховную власть иноземного правителя, не попытавшийся организовать сопротивление бесспорно самому опасному врагу Руси той эпохи — монголам, более того — способствовавший им в установлении системы эксплуатации русских земель.

Одна из крайних точек зрения на деятельность Александра, сформулированная в 20-е гг. русским историком-эмигрантом Г. В. Вернадским, а в последнее время в основном повторенная Л. Н. Гумилевым⁴⁸, сводится к тому, что Александр сделал судьбоносный выбор между ориентацией на Восток и ориентацией на Запад. Пойдя на союз с Ордой, он предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие — основу самобытности. Согласно другой крайней точке зрения, отстаиваемой английским историком Дж. Феннеллом и поддержанной российским исследователем И. Н. Данилевским, именно «коллаборационизм» Александра по отношению к монголам, предательство им братьев Андрея и Ярослава в 1252 г. стали причиной установления на Руси ига Золотой Орды⁴⁹

Так был ли действительно сделан Александром исторический выбор и может ли один и тот же человек быть и героем, и коллаборационистом-предателем?

При условии учета менталитета изучаемой эпохи и особенностей личной биографии Александра обе названные точки зрения выглядят надуманными. Сузеренитет Орды в силу определенных причин (о них см. гл. IV) сразу же приобрел в мировосприятии русских людей некое подобие легитимности; ее правитель именовался на Руси более высоким титулом, чем любой из русских князей, — титулом «царя»⁵⁰. Зависимость русских земель от Орды в основных

чертах (включая взимание дани) стада складываться еще в 40-е гг. XIII в.⁵¹ (в то время, когда Александр княжил в Новгороде и не влиял напрямую на русско-татарские отношения); в 50-е гг. произошло лишь упорядочение системы экономической эксплуатации. После смерти отца в 1246 г., когда Александр стал сильнейшим князем в Северной Руси, он действительно встал перед выбором: поддерживать мирные отношения с Ордой, признавая верховный сюзеренитет ханов над Русью (уже признанный к этому времени всеми значительными князьями как Северной, так и Южной Руси), и противостоять Ордену, либо начать сопротивление татарам, заключив союз с Орденом и стоящим за ним религиозным главой католической Европы — папой (перспектива войны на два фронта князю, большую часть жизни проведшему в Новгороде, близ орденской границы, должна была казаться неприемлемой, и вполне справедливо). Александр колебался до возвращения из поездки в Каракорум и твердо выбрал первый вариант только к 1250 г. Чем было обусловлено решение Александра?

Разумеется, следует учитывать общее настороженное отношение к католицизму и личный опыт Александра, которому в 1241—1242 гг., в возрасте 20 лет, пришлось отражать наступление на Новгородскую землю немецких крестоносцев, поддерживаемых Римом. Но эти факторы действовали и в 1248 г., тем не менее тогда ответ Александра на послание папы был иным. Следовательно, чашу весов в сторону неприятия какого-либо шага навстречу предложениям папы склонило нечто проявившееся позже. Можно предполагать, что свое воздействие оказали четыре фактора: 1. В ходе своей двухгодичной поездки по степям (1247—1249 гг.) Александр смог, с одной стороны, убедиться в военной мощи Монгольской империи, а с другой — понять, что монголо-татары не претендуют на непосредственный захват русских земель, довольствуясь признанием вассалитета и данью, а также отличаются веротерпимостью и не собираются посягать на православную веру. Это должно было выгодно отличать их в глазах Александра от крестоносцев, для

действий которых в Восточной Прибалтике был характерен непосредственный захват территории и насильственное обращение населения в католичество. 2. После возвращения Александра на Русь в конце 1249 г. до него должны были дойти сведения о том, что сближение с Римом сильнейшего князя Южной Руси — Даниила Романовича Галицкого оказалось безрезультатным для дела обороны от татар: обещанный папой антитатарский крестовый поход не состоялся⁵². 3. В 1249 г. фактический правитель Швеции ярл Биргер начал окончательное завоевание земли эми (Центральная Финляндия), причем сделано это было с благословения папского легата⁵³. Земля эми издревле входила в сферу влияния Новгорода, и Александр имел основания расценить происшедшее как недружественный по отношению к нему акт со стороны курии. 4. Упоминание в булле от 15 сентября 1248 г. возможности учреждения в Пскове католической епископской кафедры⁵⁴ неизбежно должно было вызвать у Александра отрицательные эмоции, т. к. ранее епископия была учреждена в захваченном немцами Юрьеве, и поэтому предложение о ее учреждении в Пскове ассоциировалось с аннексионистскими устремлениями Ордена, напоминая о более чем годичном пребывании Пскова в 1240—1242 гг. в руках крестоносцев. Таким образом, решение Александра прекратить контакты с Иннокентием IV было связано с осознанием бесперспективности сближения с Римом для противостояния Орде и с явными проявлениями своекорыстных мотивов в политике папы.

Но что произошло в 1252 г.? Согласно сведениям ранних летописей и Жития Александра, в этом году новгородский князь отправился в Орду. После этого Батый направил на Андрея Ярославича рать под командованием Неврюя; Андрей бежал из Владимира сначала в Переяславль, где княжил его союзник, младший брат Александра и Андрея Ярослав Ярославич. Татары, подошедшие к Переяславлю, убили жену Ярослава, захватили в плен его детей «и люди бе-

щисла»; Андрею и Ярославу удалось бежать. После ухода Неврюя Александр прибыл из Орды и сел во Владимире⁵⁵

В историографии получила распространение следующая трактовка этих событий: Александр поехал в Орду по своей инициативе с жалобой на брата; поход Неврюя был следствием этой жалобы⁵⁶ При этом авторы, положительно относящиеся к Александру, всегда старались говорить о случившемся сдержанно, не акцентировать внимание на этих фактах, в то время как Дж. Феннелл интерпретировал события 1252 г. без какой-либо скованности: «Александр предал своих братьев»⁵⁷ Действительно, раз поход Неврюя был вызван жалобой Александра, то никуда не деться (если, конечно, стремиться к объективности) от признания, что именно Александр повинен в разорении земли и гибели людей, в т. ч. своей невестки; при этом никакие ссылки на высшие политические соображения не могут служить серьезным оправданием. Если приведенная трактовка событий 1252 г. верна, Александр предстает беспринципным человеком, готовым на все ради увеличения своей власти. Но соответствует ли она действительности?

Жалоба Александра на брата не упоминается ни в одном средневековом источнике. Сообщение о ней имеется только в «Истории Российской» В. Н. Татищева, именно отсюда оно перешло в труды позднейших исследователей. Согласно Татищеву, «жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна»⁵⁸ В данном случае неправомерно не критическое суждение, что Татищев цитирует, «по-видимому, ранний источник, не попавший в летописи»⁵⁹ Использование в «Истории Российской» не дошедших до нас источников вероятно, но относится к другим периодам (в первую очередь к XII в.). В то же время в труде Татищева имеется множество добавлений, являющих собой исследовательские реконструкции, попытки восстановить то, о чем источник «не договорил»: в отличие от позднейшей историографии, где текст источника отделен от суждений

исследователя, в тексте «Истории Российской» они не разграничены, что часто порождает иллюзию упоминания неизвестных фактов там, где имеет место догадка (часто правдоподобная) ученого. Таков и рассматриваемый случай⁶⁰. Статья 1252 г. у Татищева в целом дословно повторяет один из имевшихся у него источников — Никоновскую летопись⁶¹. Исключением является приведенное выше место. Оно представляет собой вполне логичную реконструкцию: раз поход Неврюя состоялся *после* приезда Александра в Орду, а после похода Александр занял стол, принадлежавший Андрею, значит, поход был вызван жалобой Александра на брата; аналогии такого рода ходу событий обнаруживаются в деятельности князей Северо-Восточной Руси более позднего времени. Таким образом, речь идет не о сообщении источника, а о догадке исследователя, некритически воспринятой последующей историографией, и вопрос в том, дают ли источники основания для такой интерпретации событий.

Андрей Ярославич, по-видимому, действительно вел независимую от Батыя политику, однако в своих действиях он опирался на такую весомую опору, как ярлык на владимирское княжение, полученный в 1249 г. в Каракоруме, от враждебной Батыю великой ханши Огуль-Гашиш⁶². Но в 1251 г. Батый сумел посадить на каракорумский престол своего ставленника Мунке, и на следующий год он организует одновременно два похода — Неврюя на Андрея Ярославича и Куремсы на Даниила Романовича. Таким образом, поход Неврюя явно был запланированной акцией хана в рамках действий против не подчиняющихся ему князей, а не реакцией на жалобу Александра. Но если считать последнюю мифом, то с какой целью Александр ездил в Орду?

В Лаврентьевской летописи (древнейшей из содержащих рассказ о событиях 1252 г.) факты излагаются в следующей последовательности: сначала говорится, что «иде Олександръ князь Новгородьскыи Ярославич в татары и отпустиша и с честию великою, давшие ему старѣишинство во

всен братьи его», затем рассказывается о татарском походе против Андрея, после чего повествуется о приезде Александра из Орды во Владимир⁶³ Поскольку Александр приехал на Русь несомненно после «Неврюевой рати», слова «отпустиша и с честью...» следует отнести к тому же времени. Прежде чем рассказать о татарском походе, летописец говорит, что «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесаремъ служить»⁶⁴ Речь идет явно о решении, принятом не в момент нападения Неврюя (тогда вопрос стоял не «служить или бежать», а «сражаться или бежать»), а ранее. Скорее всего, «дума» Андрея с боярами имела место после получения владимирским князем требования приехать в Орду. Батый, покончив с внутримонгольскими делами, собрался пересмотреть решение о распределении главных столов на Руси, принятое в 1249 г. прежним, враждебным ему каракорумским двором, и вызвал к себе и Александра, и Андрея. Александр подчинился требованию хана, Андрей же, посоветовавшись со своими боярами, решил не ездить (возможно, он не рассчитывал на удачный исход поездки из-за благосклонности, проявленной к нему в 1249 г. правительством ныне свергнутой и умерщвленной великой ханши). После этого Батый принял решение направить на Андрея, так же как и на другого не подчиняющегося ему князя — Даниила Галицкого, военную экспедицию, а Александру выдать ярлык на владимирское великое княжение. Следует обратить внимание, что поход Неврюя был гораздо более «локальным» предприятием, чем походы на не подчиняющихся Сараю князей в начале 80-х гг. XIII в. и в 1293 г. («Дюденева рать»), — были разорены только окрестности Переяславля и, возможно, Владимира⁶⁵ Не исключено, что такая «ограниченность» стала следствием дипломатических усилий Александра.

В целом можно констатировать, что в действиях Александра нет оснований искать какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, «пра-

гматиком»: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее выгодным казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение. В результате в период великого княжения Александра (1252—1263 гг.) не было татарских набегов на Суздальскую землю и были всего две попытки нападения на Русь с запада (немцев в 1253 г. и шведов в 1256-м), быстро пресеченные. Александр добился признания Новгородом сюзеренитета великого князя владимирского (что стало одним из факторов, благодаря которым именно Северо-Восточная Русь превратилась позже в ядро нового Российского государства). Предпочтение им владимирского стола киевскому было решающим событием в процессе перехода номинальной столицы Руси из Киева во Владимир (т. к. оказывалось, что именно Владимир был избран в качестве столицы князем, признанным «старейшим» на Руси)⁶⁶. Но эти долгосрочные последствия политики Александра Невского не были следствием того, что он изменил объективный ход исторических событий; напротив, Александр действовал в соответствии с объективными обстоятельствами своей эпохи, действовал расчетливо и энергично.

В записи о смерти Александра Новгородской I летописи старшего извода говорится: «Дай, Господи милостивый, видѣти ему лице твое в будущи вѣкъ, иже потрудися за Новѣгородъ и за всю Русьскую землю»⁶⁷. Слова о том, что какой-либо князь или какая-то группа людей стояли «за Русскую землю», типичны для домонгольской эпохи, но в период ордынского владычества они употребляются (не считая цитированной записи) только со времени Дмитрия Донского. Чем объясняется такая «лакуна»? Для ответа на этот вопрос нужно проследить по источникам, учитывая их в хронологической последовательности, за что, по представлениям современников, сражались русские люди в средние века.

§ 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

В древнерусских литературных произведениях часто можно встретить выражения, построенные по типу «сражаться за что-л.». Они могут выражать призыв («не пощадим живота своего за что-л.»), готовность к бою («мы готовы головы свои положить за что-л.»), констатацию деяний прошлого («имярек много пострадал за ч.-л.»). В памятниках литературы конца XI—XV вв.⁶⁸ встречается 21 вариант таких формул: за Русскую землю (29 раз), за веру (29), за конкретный храм как символ города (18), «за церкви» вообще (15), за христиан (14), за князя (9), за брата (5), за обиду князя (4), за раны князя (3), за обиду (3), за (княжескую) отчину (3), за город (2), за отечество (2), за честь князя (2), за государя (2), за народ (1), за свою жизнь (1), за «братью свою» (1), за правду свою (1), за свою отчину (1), за правду государя (1).

Анализ хронологического распределения и частоты употребления этих выражений позволяет выявить некоторые особенности эволюции представлений о защите Отечества в средневековой Руси.

В произведениях домонгольского периода (конец XI — первая треть XIII в.) автором этих строк зафиксировано 42 факта употребления «патриотических формул». Чаще

всего встречается выражение «за Русскую землю» — 15 раз («Предисловие к Начальному своду» конца XI в. — 1, «Повесть временных лет» — 1, южнорусское летописание XII в. — 6, «Слово о полку Игореве» — 5, летописание Северо-Восточной Руси нач. XIII в. — 1, новгородское летописание начала XIII в. — 1). При этом в пяти случаях под «Русской землей» имеется в виду все Древнерусское государство («Предисловие к Начальному своду», «Повесть временных лет» под 6605 г., южнорусское летописание под 6634, 6648 и 6686 гг.)⁶⁹, в четырех — только Южная Русь (южнорусское летописание под 6656 и 6663 гг., северо-восточное под 6713 г., новгородское под 6722 г.)⁷⁰, и в отношении шести упоминаний возможны оба толкования (южнорусское летописание под 6678 г., все упоминания в «Слове о полку Игореве»)⁷¹. Видное место занимают также формулы, связанные с защитой князя: «за князя» — 7 раз, главным образом в форме прямого обращения — «за тя» («Предисловие к Начальному своду» — 1, «Повесть временных лет» под 6523 г., южнорусское летописание под 6659, 6667 и 6685 гг., северо-восточное под 6684 и 6694 гг.)⁷², «за раны» князя — 3 («Слово о полку Игореве»)⁷³, «за честь» князя — 2 (южнорусское летописание под 6661 и 6663 гг.)⁷⁴, «за обиду» князя — 1 («Слово о полку Игореве»)⁷⁵, «за брата» (князя) — 5 («Повесть временных лет» под 6586 г.)⁷⁶. Четыре раза употреблено выражение «за христиан» (южнорусское летописание под 6678 и дважды под 6686 гг., «Слово о полку Игореве»)⁷⁷, по 2 — за храм как символ города (северо-восточное летописание под 6684 г., новгородское под 6732 г.)⁷⁸ и «за отчину свою» (южнорусское летописание под 6686 г. — дважды)⁷⁹, 1 — «за обиду сего времени» («Слово о полку Игореве»)⁸⁰.

Примечательно распределение формул по повествованиям о внешних и междоусобных войнах. Выражение «за Русскую землю» употребляется почти исключительно в рассказах о войнах с внешними врагами (кроме статьи 6722 г. НЛ, причем речь там идет о «Русской земле» в узком зна-

чении — Южная Русь). Только к внешним войнам применяется и формула «за христиан». Напротив, формулы, связанные с личностью князя, чаще всего встречаются в повествованиях о междоусобных конфликтах (13 случаев из 18).

Следующий период, для которого характерно существенно иное распределение «патриотических формул», охватывает время с середины XIII по середину XIV в. К этому времени относится 21 зафиксированный автором этих строк случай употребления такого рода выражений плюс еще 8 в произведениях, по отношению к которым существуют мнения, что они созданы в более позднюю эпоху («Повесть о нашествии Батя» Лаврентьевской летописи⁸¹ и «Повесть о Довмонте»⁸²). Большинство формул — 11 (при учете произведений со спорной датировкой — 14) связаны с идеей защиты храма — символа города: «за святую Софию» (Новгород) — 9 раз (новгородское летописание под 6767 — 2 раза, 6774, 6776 — 2 раза, 6778, 6807, 6809, 6823 гг.)⁸³, «за святую Троицу» (Псков) — 2 (новгородское летописание под 6774 и 6807 гг.)⁸⁴ + 2 в «Повести о Довмонте»⁸⁵ и «за святую Богородицу (Владимир) в «Повести о нашествии Батя» Лаврентьевской летописи⁸⁶ Формулы же других типов встречаются не более одного-двух раз: в Житии Александра Невского (вторая половина XIII в.), Галицко-Волынской летописи под 6797 г. и в «Повести о Михаиле Тверском» (нач. XIV в.) — «за князя»⁸⁷, в новгородском летописании — «за правду новгородскую, за свою отчину» (под 6763 г.), «за дома ангельские», «за правую веру» (под 6767 г.), «за Новгород и за всю Русскую землю» (в посмертной характеристике Александра Невского, под 6771 г.)⁸⁸, в «Повести о Михаиле Тверском» — «за народ»⁸⁹ В произведениях со спорной датировкой по два раза встречаются выражения «за веру христианскую»⁹⁰ и «за святые церкви»⁹¹, один раз — «за отечество»⁹². На повествования о междоусобных конфликтах приходится 4 случая употребления «патриотических формул» (в двух из них использована формула «за храм» — в новгородском летописании под 6778 и 6823 гг.).

Иной оказывается картина распределения «патриотических формул» в произведениях литературы второй половины XIV—XV в. В этот период они фиксируются 55 раз (помимо 8 в «Повести о Батыевом нашествии» Лаврентьевской летописи и «Повести о Довмонте»). Самой популярной оказывается формула «за веру христианскую (вар.: православную, Христову)» — 17 случаев («Задонщина» — 8⁹³, рассказ о Куликовской битве НЛ, т. н. Краткая и Пространная летописные повести о Куликовской битве — по 1, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» — 3, «Послание на Угру» Вассиана Рыло — 3; при учете произведений со спорной датировкой — 19)⁹⁴ На втором месте древняя формула «за Русскую землю» — 12 раз («Задонщина» — 8, рассказ о Куликовской битве НЛ, Краткая и Пространная повести о Куликовской битве — по 1, «Послание на Угру» — 1)⁹⁵ 8 раз встречается формула «за христиан» (вар.: «за христианство») (Краткая повесть о Куликовской битве — 1, Пространная — 2, московское летописание под 6977 и 6989 г., «Послание на Угру» — 3)⁹⁶, 7 — «за святые (вар.: Божии) церкви» (Рассказ о Куликовской битве НЛ, Краткая повесть о Куликовской битве — по 1, «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича» — 1, московское летописание под 6977 г. — 1, «Послание на Угру» — 3; при учете произведений со спорной датировкой — 9)⁹⁷ Кроме этого, употребляются следующие формулы: «за обиду» — 2 раза («Задонщина»)⁹⁸, «за храм» — 2 (новгородское летописание под 6906 г.; с учетом произведений со спорной датировкой — 5)⁹⁹, «за обиду князя» — 1 («Задонщина»)¹⁰⁰, «за братью свою» — 1 (Пространная повесть о Куликовской битве)¹⁰¹, «за государя» — 1 (московское летописание под 6977 г.)¹⁰², «за Новгород» — 1 (новгородское летописание под 6906 г.)¹⁰³, «за свою жизнь» — 1 (псковское летописание под 6851 г.)¹⁰⁴, «за правду государя» — 1 (московское летописание под 6964 г.)¹⁰⁵, «за отечество» — 1 («Послание на Угру»; с учетом упоминания в «Повести о Довмонте» — 2)¹⁰⁶. Всего в трех случаях «патриотические

формулы» применяются в рассказах о междоусобных конфликтах (используются выражения «за святую Софию», «за Новгород», «за правду государя»).

Следует отметить, что формула «за Русскую землю» встречается почти исключительно в произведениях Куликовского цикла, при этом чаще всего в «Задонщине». Очевидно, что появление этого выражения в последней связано с использованием «Слова о полку Игореве». Вероятно, что в другие памятники, повествующие о победе над Мамаем, данная формула попала под влиянием «Задонщины»¹⁰⁷. Под «землей Русской» в «Задонщине» имеются в виду, скорее всего, все русские земли¹⁰⁸.

Особое место занимает «Послание на Угру» Вассиана Рыло. В нем дается как бы история того, за что сражались русские князья разных эпох: Владимир Мономах, в точном соответствии с летописанием XII в., «бися с окаанными половци за Русскую землю»¹⁰⁹; Дмитрий Донской, в соответствии с его Житием, «избавления ради христьянского», «за вѣру и за святыя церкви, и за врученное ему словесное стадо Христовых овецъ»¹¹⁰; Ивана III Вассиан призывает «стояти за православное христьянство, за свое отчѣство... за благочестивую нашу православную вѣру», «за православную Христову вѣру и за Божиа церкви»¹¹¹.

Можно констатировать, что в XI—XV вв. прослеживаются четыре основных типа представлений о защите Отечества.

1. «Общерусский» — защита «Русской земли». Отмечается в течение всего времени, но с лакуной, приходящейся на период 1263—1380 гг. Встречается практически исключительно в рассказах о внешних войнах.

2. «Дружинно-вассальный» — защита князя и княжеской чести. Прослеживается также в течение всего времени, но главным образом в домонгольский период. Встречается в повествованиях как о внешних, так и о междоусобных конфликтах.

3. «Региональный» — защита стольного города (символизированного, как правило, в его главном храме). Встреча-

ется с конца XII по конец XIV в., но главным образом во второй половине XIII — первой половине XIV в. Употребляется в рассказах и о внешних, и о междоусобных конфликтах.

4. «Религиозный» — защита христиан, христианской веры или «святых церквей». Формулы, относящиеся к этому типу, эпизодически встречаются со второй половины XII в., но приобретают популярность с конца XIV столетия. Употребляются исключительно в повествованиях о внешних войнах.

В домонгольский период преобладающее значение имела идея защиты «Русской земли». При этом примечательно, что в представлениях автора «Повести временных лет» сражаться за землю Русскую — право русских князей и воинов независимо от того, христиане они или язычники. Об этом говорит рассказ о войне Святослава с Византией 971 г. Святослав был язычником, притом ревностным сторонником язычества и противником христианства (и за это он осуждается летописцем); языческой была и его дружина¹¹². Тем не менее летописец вкладывает в уста Святослава следующие слова: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костью, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»¹¹³ Можно полагать, что идея защиты «Русской земли» уходит корнями в дохристианскую эпоху. Она сохраняла свою силу и после раздела Древнерусского государства на самостоятельные княжества в середине XII — начале XIII в., хотя все чаще под «Русской землей» теперь имеется в виду только Южная Русь. Кроме идеи защиты «Русской земли» видную роль играли представления, связанные с верностью своему князю и с защитой княжеской «чести». Популярность этих представлений следует связывать с особенностями структуры древнерусской знати, являвшей собой в домонгольский период дру-

жинную корпорацию, члены которой были связаны с ее главой — князем отношениями личной верности¹¹⁴

Для первого столетия после Батыева нашествия характерно отсутствие общерусской «патриотической формулы»¹¹⁵ Выражение «за Русскую землю» встречается всего однажды, преобладают же формулы «регионального» типа («за храм» как символ города). Такое положение было, очевидно, следствием политической ситуации, сложившейся после и в результате нашествия, — утраты государственного суверенитета, низведения на нет политической роли «Русской земли» (в узком значении термина), ослабления политических связей между русскими княжествами¹¹⁶

С конца XIV в. происходит возрождение «общерусского» патриотизма. Толчком здесь явно послужила победа на Куликовом поле — к ней вообще относятся 35 из 55 случаев употребления «патриотических формул» в произведениях конца XIV—XV в. Вновь начинает звучать рефрен «за землю Русскую». Но на ведущее место выходит формула «за веру христианскую», неизвестная в домонгольский период и почти не встречающаяся в первое столетие ордынского ига. Прежде мотив смерти за веру звучал в русской литературе в соответствии с общехристианскими представлениями о мученичестве — смерть отдельных людей, не оказывающих сопротивления, от рук иноверцев за приверженность христианству¹¹⁷; теперь массы людей идут за веру в бой с оружием в руках. Павшие в бою с татарами приравниваются к святым мученикам (Вассиан, позже, в начале XVI в. — «Сказание о Мамаевом побоище»¹¹⁸). Активно также используются выражения «за святыя церкви» и «за христиан». Преобладание формул, несущих религиозную окраску, можно связывать как с тем, что после принятия Ордой ислама в первой половине XIV в. на конфликтах с ней появился отпечаток религиозного противостояния, так и с усилением конфессиональной изоляции Московской Руси: после принятия в Великом княжестве Литовском в конце XIV в. католичества в качестве официальной религии, завоевания Османской империей Болгарии, Сербии и Кон-

стантинополя (конец XIV — середина XV в.), подчинения ей Молдавии и Валахии (вторая половина XV в.) Московское великое княжество осталось единственным православным государством, представлявшим реальную силу; как следствие этого защита правой веры стала синонимом защиты Отечества.

Примечания

- ¹ Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // ВИ. 1986. № 2. Обычно указываемая дата 1220 г. неверна.
- ² НИА. С. 54—57.
- ³ См.: Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского; он же. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.
- ⁴ НИА. С. 69—72.
- ⁵ НИА. С. 74—77; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460—467.
- ⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; Т. 2. Стб. 782—783; Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 25.
- ⁷ НИА. С. 77.
- ⁸ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 171—178.
- ⁹ См.: Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 13—14; то же в: ОИ. 1996. № 5. С. 24. Авторы, считающие Невскую битву незначительным эпизодом (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 143—144; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.), М., 2001. С. 183—194), не учитывают, что в 1240 г. шведы предприняли первую попытку закрепиться в этом стратегически важном пункте; следующая была сделана только шесть десятилетий спустя, в 1300 г.
- ¹⁰ НИА. С. 72—73.
- ¹¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 188.
- ¹² Там же. С. 189.

¹³ НИА. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 77—78. Авторы, рассматривающие войну Новгорода с Орденом 1240—1242 гг. как заурядный конфликт (*Феннел Дж.* Указ. соч. С. 144—146; *Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 194—206), забывают, что никогда ранее крестоносцы не вторгались так глубоко в Новгородскую землю, а занятие ими Пскова и впоследствии осталось единственным фактом такого рода в русско-ливонских отношениях. События 1240—1242 гг., несомненно, носили экстраординарный характер.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ О политическом строе Новгорода см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

¹⁷ НИА. С. 78.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ледовое побоище 1242 г. М.; Л., 1966. С. 213.

²¹ Там же. С. 228.

²² Там же. С. 227.

²³ НИА. С. 78—79.

²⁴ По этой причине фантастично предположение, что Александр и его отец в войне с Орденом имели «прочную опору» «в лице Батыея» (*Сахаров А. Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999. С. 90). В апреле 1242 г., когда Александр сражался на Чудском озере, Батый находился еще в Далмации.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; *Горский А. А.* Русские земли... С. 29.

²⁶ НИА. С. 79.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957. С. 77—78.

²⁸ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XV в. М., 1984. С. 111, 113—115.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471—472.

³⁰ Подробно о контактах Александра с Римом см.: *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.

³¹ *Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem Hans Kruus.* Tallinn, 1971. С. 136—138.

- ³² Этот факт казался столь не вписывающимся в образ Александра как непримиримого борца с католическим Западом, что некоторые историки (и зарубежные, и отечественные) поставили под сомнение, что булла от 15 сентября направлялась именно ему, и попытались «подыскать» другого адресата. О несостоятельности таких попыток см.: Горский А. А. Два «неудобных» факта... С. 64—66. Послание, направленное «Александру, светлейшему королю Новгороду» (*Alexandro illustri regi Novogardiae*), могло иметь своим адресатом только одного человека — новгородского князя Александра Ярославича.
- ³³ Рощко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: Послания папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Париж, 1988. № 20. С. 112—113; О хронологии событий см.: Горский А. А. Два «неудобных» факта... С. 67—68.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472; Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 193; Горский А. А. Два «неудобных» факта... С. 68.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472—473; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 227, 271—272, 282; Кучкин В. А. Формирование... С. 111—113.
- ³⁶ Янин В. Л. Указ. соч. С. 143—144.
- ³⁷ НИА. С. 80—81.
- ³⁸ Там же. С. 81; Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 206—226.
- ³⁹ НИА. С. 82—83.
- ⁴⁰ Согласно поздней (XVI в.), но сохранившей ряд уникальных известий о событиях отдаленных веков Устюжской летописи, на Устюг пришло повеление «тотар побивати» от Александра Невского (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 30, 70).
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476; Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 193; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 51—55.
- ⁴² НИА. С. 80.
- ⁴³ НИА. С. 83; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1960. С. 382.
- ⁴⁴ НИА. С. 83—84; Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 193—194.
- ⁴⁵ История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 254.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472—473.
- ⁴⁷ См.: Кучкин В. А. Формирование... С. 115, 119.
- ⁴⁸ Вернадский Г. В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925; Гумилев Л. Н.

Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 532—536, 540—544. При этом у Л. Н. Гумилева интерпретации реальных фактов соседствуют с вымыслами, к которым относятся утверждения, что Александр стал приемным сыном Батыея, что он был отравлен в Орде агентами немецкого Ордена.

⁴⁹ Феннел Дж. Указ. соч. С. 147—149; Данилевский И. Н. Указ. соч. С. 207—228. Тенденция к «развенчанию» Александра Невского оказалась настолько заразной, что один автор дошел до предположения о сговоре Александра и его отца Ярослава с Батыем во время нашествия последнего на Северо-Восточную Русь в 1238 г.; в результате этого-де Александр и Ярослав не пришли на помощь Юрию Всеволодичу на р. Сить, а Батый не двинулся на Новгород; якобы в пользу такой «версии» говорят «последующее восшествие на владимирский престол Ярослава, его особые дружеские отношения с Батыем, как и вовлечение Александра Невского в орбиту личных отношений с владыкой Орды» (Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 77). Но в 1238 г. Ярослав вступил на престол согласно древнерусским нормам наследования, как следующий за погибшим Юрием по старшинству сын Всеволода Большое Гнездо, а к Батыю он впервые ездил пять лет спустя, в 1243 г., и только тогда получил ярлык на великое княжение владимирское из рук хана. Александр же отправился в Орду только в 1248 г., после смерти своего отца (и позже всех других сильнейших русских князей).

⁵⁰ См. об этом: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 87—89.

⁵¹ См.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 10—23; Хорошкевич А. Л. Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М., 1988; Кучкин В. А. Русь под игом: как это было. М., 1991. С. 18—25.

⁵² О контактах Даниила с Римом см.: Горский А. А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993. Именно в 1249 г. Даниил прервал сношения с Иннокентием IV; позже они были возобновлены, и папа даровал галицкому князю коро-

левскую корону, но и это (прервавшееся к середине 50-х гг.) сближение ничего не дало для обороны от татар.

⁵³ См.: Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 197—206.

⁵⁴ Александр в 1248 г., отвечая на первое послание папы, очевидно, предлагал построить в Пскове обычный католический храм (подобно имевшимся в Новгороде для приезжих с Запада); в ответной же булле Иннокентия IV речь зашла уже о кафедральном соборе.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 478; Т. 5. СПб., 1851. С. 186—187; Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 192.

⁵⁶ Соловьев С. М. Соч. М., 1988. Кн. 2. С. 152, 324; Экземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 26—27, 34—35; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 145—146; Феннел Дж. Указ. соч. С. 147—149; Егоров В. Л. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 50—51. Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 94—95.

⁵⁷ Феннел Дж. Указ. соч. С. 149.

⁵⁸ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 40.

⁵⁹ Феннел Дж. Указ. соч. С. 148.

⁶⁰ Следует отметить, что еще Н. М. Карамзин верно расценил сообщение Татищева как его собственное суждение: «По вымыслу же Татищева, Александр донес Хану, что меньший его брат Андрей, присвоив себе Великое Княжение, обманывает Моголов, дает им только часть дани и проч.» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 201. Прим. 88).

⁶¹ Ср.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 138—139; Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 40—41.

⁶² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 271.

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

⁶⁴ Там же. Дж. Феннел считал, что цитированная фраза является позднейшей и неудачной попыткой объяснить действия Андрея (Fennell J. L. I. Andrej Jaroslavich and the Struggle for Power in 1252: An Investigation of the Sources // *Russia mediaevalis*. München, 1973. Т. I. P. 53). Но оснований для такого мнения

нет. В изложении слов Андрея имеется примечательная особенность — упоминание «цесарей» во множественном числе. До середины 60-х гг. XIII в. этим титулом на Руси было принято называть верховных правителей Монгольской империи — великих ханов (См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 30). В 1251—1255 гг. в Монгольской империи соправителем великого хана Мунке считался Батый (см.: *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. С. 79—81). Следовательно, летописные «цесари» — это Мунке и Батый. Но такое знание внутримонгольских политических реалий возможно только у автора-современника.

⁶⁵ См.: *Кучкин В. А.* Формирование... С. 106—107.

⁶⁶ См.: *Горский А. А.* Русские земли... С. 46, 74.

⁶⁷ НИА. С. 84.

⁶⁸ Не учитываю «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Сказание о Мамаевом побоище» как произведений, созданных скорее всего (в дошедшем до нас виде во всяком случае) в XVI веке.

⁶⁹ НИА. С. 104; ПВА. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 176; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289, 308, 611.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367, 480; Т. 1. Стб. 920; НИА. С. 53.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 538; Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 10, 17, 22—24.

⁷² НИА. С. 104; ПВА. Ч. 1. С. 96; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 437, 493, 605; Т. 1. Стб. 378, 403.

⁷³ Слово о полку Игореве. С. 22—24.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466—467, 480.

⁷⁵ Слово о полку Игореве. С. 15.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 133—135.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 538, 611; Слово о полку Игореве. С. 31.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378 («за святую Богородицу» — символ Владимира); НИА. С. 64 («за святую Софию» — символ Новгорода).

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607, 611.

⁸⁰ Слово о полку Игореве. С. 22.

⁸¹ Предложенные датировки: 1239, 1281, 1377 гг., см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987.

- ⁸² Датировки колеблются от второй четверти XIV в. до первой половины XV в., см.: *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 4—8, 47—48.
- ⁸³ НЛ. С. 82—85, 87, 89—91, 95.
- ⁸⁴ НЛ. С. 85, 90.
- ⁸⁵ *Охотникова В. И.* Указ. соч. С. 189—190.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.
- ⁸⁷ *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 191; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 928; Т. 5. С. 208.
- ⁸⁸ НЛ. С. 81—82, 84.
- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 209.
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460—462.
- ⁹¹ *Охотникова В. И.* Указ. соч. С. 189—190.
- ⁹² Там же. С. 190.
- ⁹³ Между разными списками «Задонщины» существуют текстуальные расхождения, в т. ч. и во фрагментах, где говорится о том, за что сражаются русские воины. О том, какой набор и порядок «патриотических формул» следует считать первичным, содержавшимся в архетипном тексте «Задонщины», см.: *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. С. 137—144.
- ⁹⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 535—538, 540—541; НЛ. С. 377; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 140; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 323, 354, 356, 365; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522, 528, 530.
- ⁹⁵ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 535—538, 540—541; НЛ. С. 377; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 139; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 316; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 528.
- ⁹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 139; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 320; Вып. 2. С. 322; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 282, 327; Т. 24. Пг., 1921. С. 199; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 522, 528.
- ⁹⁷ НЛ. С. 377; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 140; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 365; Т. 25. С. 282; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 528, 530.
- ⁹⁸ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 543.

- ⁹⁹ НИА. С. 391—392.
- ¹⁰⁰ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 537.
- ¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 322.
- ¹⁰² ПСРЛ. Т. 25. С. 282.
- ¹⁰³ НИА. С. 391.
- ¹⁰⁴ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 11.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 274.
- ¹⁰⁶ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 522.
- ¹⁰⁷ В пользу этого говорит специфика построения этой формулы в Краткой и Пространной повестях о Куликовской битве: «за землю Русскую». Аналогичный порядок слов в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве» (во всех случаях). В других памятниках — «за Русскую землю» (кроме статьи Ипатьевской летописи 6648 г.).
- ¹⁰⁸ Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 145.
- ¹⁰⁹ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 528. Ср. в южнорусском летописании под 6634 и 6648 гг.: «добрыи страдалецъ за Рускую землю»; «много пота утеръ за землю Рускую» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289, 303).
- ¹¹⁰ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 528; ср. в «Житии» Дмитрия: «Лѣпо есть намъ, братие, положить главы своя за правовѣрную вѣру крестьянскую»; «по Бозѣ съ иноплеменники боряшеся с нечестивыми агаряны и с поганою Литвою, за святаы церкви, крестьянскую утврѣжа вѣру» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 354, 365).
- ¹¹¹ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 522, 530.
- ¹¹² В договоре Святослава о Иоанном Цимисхием записано: «Имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья бога» (ПВЛ. Ч. 1. С. 52).
- ¹¹³ Там же. С. 50.
- ¹¹⁴ См.; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 39—56, 78—88.
- ¹¹⁵ Следует отметить, что в период после нашествия имеющиеся сведения источников касаются почти исключительно (кроме одного известия Галицко-Волынской летописи) Северной Руси.

- ¹¹⁶ О последнем явлении см.: Горский А. А. Русские земли... С. 57—64.
- ¹¹⁷ Так, в Несторовом «Житии Феодосия Печерского» (кон. XI — нач. XII в.) говорится о том, что Феодосий вел богословские споры с иудеями, «ждаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиенъ бысть» (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978. С. 374). Михаил Всеволодич Черниговский, идя в 1246 г. в Орду, говорит, согласно «Повести» о его убиении: «Азъ быхъ того хотѣлъ кровь свою пролияти за Христа и за вѣру крестьянскую» (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 230). В обоих случаях (не связанных о готовностью идти в бой) речь идет о смерти за веру в собственном смысле — в результате спора о вере и в результате отказа поклониться языческим богам.
- ¹¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века С. 528, 530; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 30. Мысль о приравнивании павших в бою к мученикам восходит к литературе Киевской Руси. Она присутствует еще в летописной статье 6678 г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 538), но там речь идет о смерти «за крѣстьяны и за Рускую землю», т. е. за страну и ее народ, а не за веру.

ГЛАВА III

«Тое же зимы князь Юрьи князя
Костянтина убиль Рязанского».

Симеоновская летопись под 1306 г.

«Тое же зимы... князь Дмитрии
Миханлович Тферский въ Орде убиль
князя вѣликаго Юрия Даниловича».

Симеоновская летопись под 1325 г.

§ 1. ЮРИЙ ДАНИЛОВИЧ — СТРОИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ИЛИ УБИЙЦА СВЯТОГО МИХАИЛА ТВЕРСКОГО?

Наверное, у всех, кто что-то слышал о московском князе Юрии Даниловиче, его имя вызывает одинаковую ассоциацию: брат Ивана Калиты. Действительно, история как бы отвела Юрию место в тени младшего брата. Юрий не оставил сыновей, а от Ивана пошла династия московских великих князей (позже царей), правившая до 1598 г. Юрий хотя и сумел первым из московских князей стать великим князем владимирским, т. е. главным князем во всей Северной Руси, но не удержал великое княжение; Иван же, став в 1328 г. великим князем, оставался им до конца жизни, а после его смерти (1340 г.) великое княжение перешло к его сыну Семену. Наконец, от Ивана Калиты сохранились духовные грамоты (завещания), содержащие богатый материал по истории Московского княжества; аналогичные документы Юрия до нас не дошли. Помимо более удачливого брата, Юрий Данилович, казалось бы, явно проигрывает (теперь уже не в политическом, а в моральном плане) еще одному своему современнику. Главное достижение Юрия — овладение великим княжением владимирским (1317 г.) — накрепко связано с последовавшим вскоре (1318 г.) убийством

в Орде бывшего великого князя — Михаила Ярославича Тверского. Юрий являлся соучастником и свидетелем этого преступления. Михаил Ярославич позже был признан святым; в историографии сложилось мнение, что с ним связана первая в XIV в. попытка сопротивления Орде. Таким образом, Юрий выглядит как убийца святого и пособник татар. Единственное, что ставилось в плюс Юрию, — это то, что его политика была направлена на усиление Московского княжества и объективно способствовала развитию объединительного процесса. Но в новейшей историографии подвергается сомнению тезис об однозначной исторической прогрессивности московской объединительной политики, и похоже, Юрию Даниловичу грозит участь остаться в нашей истории мрачной фигурой. Справедливо ли это, если попытаться взглянуть на всю его деятельность, не ограничиваясь оставившими яркий след в общественной мысли из-за своей трагической развязки событиями 1317—1318 гг. ?

Юрий Данилович родился в конце 70-х или начале 80-х гг. XIII в. (точная дата неизвестна). Он был старшим из пяти сыновей первого московского князя Даниила Александровича, младшего сына Александра Невского. Впервые о Юрии источники говорят под 1297 г., упоминая о его женитьбе на ростовской княжне¹.

После того как 5 марта 1303 г. умер Даниил Александрович, Московское княжество оказалось в сложном положении. Даниил вел давнюю борьбу со своим старшим братом, великим князем владимирским Андреем Александровичем. Тверской князь Михаил Ярославич, прежде бывший союзником Даниила, в первые годы XIV в. перешел на сторону Андрея. После того как в 1302 г. умер бездетный переяславский князь Иван Дмитриевич, родной племянник и союзник Даниила, началась борьба за Переяславль. Великий князь Андрей послал туда своих наместников, а сам отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество. Но в конце 1302 г. Даниил занял Переяславль, изгнав оттуда наместников великого князя. Весной 1303 г. осиротевшие московские князья, не имея сильных союзников, ожидали

возвращения Андрея с ханским решением (т. е. с ордынским послом в сопровождении воинского отряда); ситуация была столь напряженной, что Юрия, находившегося в момент смерти отца в Переяславле, местные сторонники Москвы даже не отпустили на похороны. Критическое положение Московского княжества решили использовать смоленские князья, попытавшись вернуть Можайск, несколько лет назад отошедшей из Смоленской земли к владениям Даниила. Брат смоленского князя Александра Глебовича Святослав занял город, но новый московский князь Юрий Данилович сразу же выступил вместе с братьями в поход, отбил Можайск, а князя Святослава захватил в плен². Первое самостоятельное действие Юрия рисует его решительным человеком: в сложившейся ситуации, когда ожидалась опасность с востока (из Орды) и на северном направлении (возможные действия великокняжеских и союзных им тверских войск против Переяславля), нужно было быть очень уверенным в быстром успехе, чтобы покинуть свою столицу и во главе крупных сил двинуться походом на западные границы княжества.

Осенью 1303 г. вернулся из Орды Андрей, и в спорном Переяславле состоялся княжеский съезд. Согласно оглашенному на нем решению хана Тохты, Переяславль остался за московскими князьями, но с условием, что после смерти Андрея Александровича он отойдет к его преемнику на великокняжеском столе³.

27 июля 1304 г. великий князь Андрей скончался⁴. Если бы Даниил Александрович, отец Юрия, пережил старшего брата, он, как следующий по старшинству среди князей Северо-Восточной Руси, имел бы преимущественные права на владимирский стол. В сложившейся же ситуации старейшим оказался Михаил Тверской: сын младшего брата Александра Невского Ярослава Ярославича, он остался единственным внуком князя Ярослава Всеволодича, за потомками которого закрепилось с середины XIII в. великое княжение. Но прерогатива назначения великого князя принадлежала

хану Золотой Орды, куда и отправился в том же году Михаил. Следом за ним двинулся и Юрий с братьями, надеясь склонить хана на свою сторону. Юрий приходился Михаилу двоюродным племянником и, согласно древнерусской традиции, не вправе был с ним соперничать. Более того, по принципу «родового старейшинства» Юрий уступал не только Михаилу Ярославичу, но и Михаилу Андреевичу — сыну Андрея Александровича. По принципу же отчинному он и в перспективе не имел прав на великое княжение, т. к. его отец, Даниил, им не владел. Тем не менее Юрий вступил в борьбу. В 1305 г., пока Михаил и Юрий еще находились в Орде, брат Юрия Иван (будущий Калита) приехал из Москвы в Переяславль, судьба которого в связи с предстоящим появлением нового великого князя оказывалась неясной, и сел в нем. Из Твери к Переяславлю подступило войско, но московская и переяславская рати разбили тверичей⁵

Хан Тохта решил вопрос о великом княжении в пользу Михаила. Однако Юрий намеревался оставить за собой Переяславль. Из-за этого Михаил по возвращении на Русь осенью 1305 г. «ходилъ ратью къ Москвѣ на князя на Юрья и на его братью» вместе с ханским послом (т. н. «Таирова рать»). Очевидно, результатом этого похода было признание московским князем прав Михаила на Переяславль⁶

После этого два младших брата Юрия — Александр и Борис — отъехали из Москвы в Тверь, к Михаилу Ярославичу⁷ Положение Юрия явно было критическим: даже родные братья стали покидать его. Однако московский князь не проявил и намека на уступчивость. Зимой 1305—1306 гг. он убивает находившегося в московском плену бывшего рязанского князя Константина Романовича⁸ Константин был захвачен отцом Юрия во время боя под Рязанью в 1300 г.: в том сражении на стороне рязанского князя участвовали татары, причем много их было перебито москвичами⁹ В результате в Рязани к власти пришли союзные Москве сыновья брата Константина — Ярослава Романовича. В 1305 г., до Таировой рати, Юрий вел в Рязани какие-то переговоры¹⁰. Возможно, их предметом было закрепление за москов-

скими князьями Коломны (отошедшей к Даниилу в 1300 г.); не исключено, что обсуждалась и судьба Константина. Однако похоже, что ее решило последующее событие — поход Михаила с татарами на Москву.

Несмотря на поддержку Ордой Михаила, Юрий стал оспаривать права великого князя на Новгород Великий, стол в котором, согласно идущей от Александра Невского традиции, доставался очередному великому князю владимирскому. Под знаком борьбы Юрия с Михаилом за новгородское княжение прошли 1307 и первая половина 1308 г. 14 июля 1308 г. на новгородский стол сел великий князь. После этого он вновь отправился походом на Москву. Очевидно, целью Михаила было окончательно добить своего соперника и заменить его на московском княжении одним из Даниловичей, отъехавших в 1306 г. в Тверь. Но бой у стен Кремля 25 августа 1308 г. не принес великому князю успеха¹¹

Казалось бы, Юрию пора было признать свое поражение и отложить хотя бы на время честолюбивые планы. Но уже в 1309 или 1310 г. он захватил Нижегородское княжество, ставшее выморочным после смерти князя Михаила Андреевича. Юрий оказывался ближайшим родственником — двоюродным братом умершего князя, но, согласно традиции, выморочные княжества должны были отходить под власть великого князя владимирского; следовательно, московский князь вновь покусился на великокняжеские права. В конце 1309 или в 1310 г. на церковном соборе в Переяславле московские князья выступили в защиту нового митрополита всея Руси Петра от обвинений, выдвинутых тверским епископом Андреем¹². Петр с этого времени стал союзником московских князей.

Михаил Ярославич еще до Переяславского собора отправился в Орду, по-видимому, за ярлыком на Нижний Новгород. В отсутствие Михаила, в начале 1311 г., тверское войско во главе с его сыном Дмитрием двинулось на Нижний, где находился Юрий, но вернулось с полпути, уступив требованию митрополита Петра¹³.

В 1312 г. умер хан Тохта. На следующий год, после восшествия на ханский престол его племянника Узбека, великий князь Михаил отправился в Орду¹⁴. У Юрия был, казалось бы, шанс воспользоваться переменами в Орде и оспорить великое княжение. Но московский князь не поехал к новому хану, явно опасаясь наказания за свое неподчинение его предшественнику.

Михаил снова задержался в Орде надолго; в данной ситуации это означало, что он не утвержден новым ханом в великокняжеском достоинстве. И Юрий возобновил борьбу за Новгород Великий, где у него было много сторонников. В 1314 г. он прислал туда своего подручного князя Федора Ржевского; наместники Михаила были охвачены, а новгородцы с Федором двинулись к Волге. Навстречу им выступил Дмитрий Михайлович. Войска простояли друг против друга «до замороза», после чего был заключен мир, по которому Новгород отходил к Юрию: зимой 1314—1315 гг. московский князь приехал туда «на столъ» с братом Афанасием¹⁵.

Акция Юрия не осталась незамеченной ханом: 15 марта 1315 г. он, будучи «позванъ въ Орду», выехал из Новгорода. С Юрием отправились в Орду и его сторонники из числа новгородцев, рассчитывавшие добыть в Орде для московского князя ярлык на новгородское княжение (а может быть, и на владимирский стол). Но спор князей Узбек, как и Тохта в 1305 г., решил в пользу Михаила: Юрий был задержан в Орде, а великий князь осенью 1315 г. пришел на Русь в сопровождении крупного татарского отряда во главе с ханским послом Таитемером. 10 февраля 1316 г. у Торжка Михаил и Таитемер разбили новгородцев, возглавляемых князем Афанасием Даниловичем. Новгородцы вынуждены были выдать Федора Ржевского и принять наместников великого князя; Афанасий, приехавший к великому князю после заключения мира, был вероломно захвачен¹⁶.

Победа Михаила казалась полной. Но в следующем, 1317 году ситуация коренным образом изменилась: Юрий женился (вторым браком) на сестре Узбека Кончаке (кре-

стившейся при этом в православие под именем Агафьи), получил ярлык на великое княжение владимирское и двинулся на Русь с ханским послом Кавгадыем¹⁷. Объяснить столь резкий поворот событий только традициями ордынской политики, стремлением ханов поддерживать баланс сил между русскими князьями, вряд ли возможно. Лишение князя владимирского стола при жизни в отсутствие каких-либо признаков неподчинения с его стороны — факт почти исключительный (с ним может быть сопоставлено только отнятие Туда-Менгу великого княжения у Дмитрия Александровича в 1281 г., но тогда гнев хана могло вызвать то, что после его воцарения Дмитрий не явился в Орду почтить нового правителя, как это было принято). Вероятно, помимо опасений Узбека в связи с чрезмерным усилением Михаила, следует учитывать влияние на хана Кончаки и, возможно, новые богатые дары от враждебных Михаилу новгородцев (в 1316 г. Михаил совершил еще один поход на Новгородскую землю, но на сей раз потерпел неудачу)¹⁸.

Юрий и Кавгадый встретились с Михаилом у Костромы. Здесь тверской князь признал переход великого княжения к Юрию и уехал в Тверь. Но, подобно тому как в 1308 г. Михаил стремился добить побежденного соперника и ходил на Москву, так и теперь Юрий не удовлетворился достигнутым. В конце 1317 г. он вместе с Кавгадыем стал разорять Тверское княжество. Михаил вынужден был оказать сопротивление. 22 декабря 1317 г. неподалеку от Твери он нанес Юрию поражение: новый великий князь бежал в Новгород, его жена и брат Борис (помирившийся к тому времени с Юрием) попали в плен. Послу Кавгадыю пришлось пойти на почетную капитуляцию и отправиться с Михаилом в Тверь вместе со своим отрядом. Тверской князь, не желая ссориться с ханом, «почтил» Кавгадыя и отпустил¹⁹.

О полной победе Михаила речи не было: он только сумел отстоять свое Тверское княжество. Юрий вскоре выступил на Михаила вместе с новгородцами; был заключен мир, по которому князья договорились, что оба пойдут в Орду²⁰.

Тем временем жена Юрия Кончака-Агафья умерла в тверском плену, и появилась версия, что она была отравлена²¹ (вряд ли это было так; Михаил явно не стремился создавать себе новые сложности в отношениях с Ордой: хватало и того, что ему пришлось биться с войском, в состав которого входил татарский отряд). Взбешенный этим известием, Юрий убил приехавшего к нему в Москву для дальнейших переговоров посла Михаила. В том же году Юрий и Кавгадый отправились в Орду. Прибыл туда по требованию хана и Михаил. В Орде ему были предъявлены обвинения в невыплате дани, сопротивлении ханскому послу и смерти Кончаки. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич с санкции Узбека был казнен²².

То, что Юрий Данилович выступал одним из обвинителей Михаила, несомненно. Но примечательно, что «Повесть о Михаиле Тверском», созданная в Твери в 1319—1320 гг. и изображающая Юрия в исключительно черных красках, тем не менее называет главным виновником свершившегося не его, а Кавгадыя²³. Очевидно, Юрий не был самым активным участником трагедии. Казнь Михаила была, скорее всего, предопределена главным образом не утайкой дани (о справедливости этого обвинения данных нет), а оскорбительными для Узбека фактами смерти в тверском плену его сестры и пленения ханского посла (последнего, разумеется, не мог простить и сам Кавгадый). Юрию же может быть поставлено в вину то, что он поддерживал обвинение и не протестовал против приговора. Но реально ли было ожидать от московского князя иного? Михаил был его злейшим врагом, изменившим союзу с его отцом в 1300 г.²⁴, добивавшимся его свержения в 1308 г., дважды наводившим на него с братьями татарские войска (1305 г. — Таирова рать, 1315—1316 гг. — поход Михаила с Таитемером на Афанасия Даниловича и новгородцев), убившим (по убеждению Юрия) его жену. Исходя из христианской морали, Юрий, конечно, должен был простить своего врага и просить о снисхождении ему — но нравы княжеской среды до подобной высоты не поднимались. Что касается того факта, что

Юрий способствовал убийству русского князя врагами Руси, то с точки зрения тогдашнего менталитета он выглядит несколько иначе, чем при взгляде из другой эпохи. Татары в начале XIV в., безусловно, считались врагами, но при этом хан Золотой Орды рассматривался как в определенной мере законный сюзерен русских князей (см. об этом подробно в гл. IV): его власть — зло, но зло, являющее собой Божью кару за грехи. А сюзерен вправе судить своих вассалов. Даже «Повесть о Михаиле Тверском» обвиняет Юрия не в сотрудничестве с «погаными» (оно было тогда в порядке вещей, герой «Повести» — Михаил — тесно сотрудничал с ордынцами все 12 лет своего великого княжения), а в том, что он, вопреки традиции, выступил против «старшего» князя, не имея законных, по старшинству, прав на великое княжение²⁵

Юрий возвратился на Русь в 1319 г. Его положение, казалось бы, было очень прочным, ведь главный соперник устранен. Но старшие сыновья Михаила — Дмитрий и Александр оставались опасными врагами Юрия. В 1321 г. он двинулся походом на Тверское княжество. Тверские князья вынуждены были выплатить великому князю требуемую для передачи в Орду дань, а Дмитрий Михайлович обязался не оспаривать у Юрия великого княжения. Но дальше произошло неожиданное: вместо того чтобы отправиться навстречу ханскому послу и отдать ему собранную дань, Юрий «с серебром» ушел в Новгород. Здесь в 1322 г. он отразил нападение шведов на Корелу и осаждал (без успеха) Выборг — главный шведский опорный пункт в продвижении на восток. Тем временем Дмитрий Михайлович поспешил в Орду. Обвинение против Юрия лежало на поверхности: он не выплатил хану «выход». Узбек сначала отправил на Русь за Юрием посла Ахмыла; вместе с ним был вынужден пойти брат Юрия Иван. Ахмыл и его отряд «много зла сотворили» в Северо-Восточной Руси. Юрий, вернувшись из-под Выборга, отправился было навстречу послу, но ему устроил засаду Александр Михайлович Твер-

ской. Обоз Юрия достался нападавшим, а сам князь бежал в Псков, откуда вернулся в Новгород. Ахмыл, таким образом, возвратился в Орду, не встретив Юрия, и тогда (осенью 1322 г.) Узбек передал великое княжение Дмитрию Михайловичу. Зимой Дмитрий приехал на Русь с послом Севенчбугой и занял владимирский стол²⁶

В 1323 г. Юрий заключил Ореховецкий договор со Швецией, на века определивший границу между Новгородской землей и шведскими владениями. В 1324 г. он совершил с новгородцами успешный поход на Устюг. После этого, не возвращаясь в Новгород, Юрий по реке Каме отправился в Орду. Здесь он пробыл около года. В Орду приехали и Дмитрий и Александр Михайловичи, стремящиеся отомстить Юрию за отца и устранить соперника. Надо сказать, что в отличие от Михаила Ярославича, признавшего в 1317 г. переход великого княжения к Юрию, Юрий продолжал считать себя великим князем: именно так он поименован в Ореховецком договоре (12 августа 1323 г., когда уже давно было известно, что ярлык на великое княжение передан Дмитрию Михайловичу)²⁷

Казалось бы, у Узбека имелись все основания для наказания Юрия: налицо были и невыплата дани, и неподчинение ханскому решению о лишении его великого княжения. Но Узбек медлил; возможно, его сдерживало то обстоятельство, что Юрий еще недавно был его зятем. Тогда Дмитрий Михайлович без ханской санкции («без цесарева слова») убил Юрия. Это случилось 21 ноября 1325 г., накануне седьмой годовщины гибели Михаила Тверского. Тело Юрия было привезено в Москву и захоронено в церкви св. Михаила; отпевание совершил митрополит Петр²⁸

Узбек не простил Дмитрию Михайловичу самосуда, тверской князь был задержан в Орде и в сентябре 1326 г. казнен. Великое княжение владимирское хан передал, однако, брату Дмитрия Александру, а не новому московскому князю Ивану Даниловичу²⁹: очевидно, неповиновение, оказанное Юрием, вызвало у хана определенное недоверие и к его

брату. Час Ивана Калиты пробил только после антитатарского восстания в Твери 1327 г.

Подводя итоги, можно сказать, что Юрий Данилович оказался в тени Михаила Тверского и своего младшего брата Ивана явно незаслуженно. Выдающейся личностью он не был (ни по политическим, ни тем более по моральным качествам), но среди современников (включая Михаила и Ивана) являл собой наиболее заметную фигуру. Юрий Данилович предстает неплохим политиком и полководцем, человеком решительным и упорным в достижении цели: во многом благодаря его упорству (иногда граничившему с безрассудством), проявленному в самых неблагоприятных ситуациях, Москва сумела выйти на первенствующее место в Северо-Восточной Руси. Юрию (в отличие от Ивана Калиты) не может быть поставлено в вину пособничество татарам, и тем более неправомерно противопоставление ему в этом плане Михаила Тверского. Михаил все 12 лет своего великого княжения был верным вассалом Орды и оказал сопротивление, только попав в безвыходную ситуацию, когда альтернативой была гибель. Юрий же все эти годы, борясь с Михаилом, действовал вразрез с ордынской политикой и сделал гораздо больше, чем Михаил в 1317—1318 гг., чтобы заслужить ханскую кару. Но судьба до поры благоволила к московскому князю — эта кара проходила мимо³⁰. Другое дело, что при этом Юрий (как и Михаил в 1317—1318 гг.) не выступал открыто за свержение иноземной власти — князья оказывались в конфронтации с Ордой постольку, поскольку ханы поддерживали их противников в борьбе за великое княжение. Когда же Юрию предоставился шанс получить с помощью Орды великокняжеский стол, он его использовал: собственно, иным путем, кроме ханского ярлыка, стать владимирским князем тогда было невозможно. Но уже через 4 года Юрий пошел на неподчинение хану — очевидно, он тяготился зависимостью от Орды больше, чем Михаил. Юрий сумел закрепить за Московским княжеством Можайск и Коломну. Но при нем еще не созрели усло-

вия, чтобы добиться больших успехов: не удалось удержать великое княжение, вместе с ним ушли из рук Переяславль и Нижний Новгород. Однако при Юрии Даниловиче произошло то, чего еще не было в княжение его отца: Московское княжество стало одним из двух (вместе с Тверским) сильнейших в Северо-Восточной Руси. Переход к московскому князю великого княжения владимирского создал прецедент, после которого потомки Даниила Александровича уже могли с полным основанием претендовать на первенство на Руси.

Над всей биографией Юрия Даниловича нависает тема убийства. Начало его княжения омрачено убийством пленного рязанского князя, высшее политическое достижение — убийством тверского посла Олексы Марковича и казнью самого Михаила Тверского; наконец, и сам Юрий пал жертвой убийства, и его убийца был предан смерти. Такой концентрации политических убийств, какая имела место в первые три десятилетия XIV в., история Руси прежде не знала (в 1326 г., помимо Дмитрия Михайловича Тверского, в Орде был убит и князь Александр Новосильский, а в 1327-м — Иван Ярославич Рязанский³¹). Отношение к убийству в целом и как к средству политической борьбы — вот тема, к которой более всего подводят именно факты биографии Юрия Даниловича Московского, этого поистине шекспировского характера.

§ 2. ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К УБИЙСТВУ

Восьмиклассники нашего «постсоветского» времени слушали рассказ учительницы о захвате сыновьями Ярослава Мудрого в 1067 г. Всеслава Полоцкого, его заточении в «поруб», последующем освобождении восставшими киевлянами и провозглашении киевским князем. Один из учеников, очевидно, посочувствовав оказавшимся в проигрыше Ярославичам, задал вопрос, на который преподаватель (видный специалист по советскому периоду) не нашла ответа: «А почему они его не убили?» Придя на свое основное место работы, в Институт российской истории, она рассказала данный эпизод автору этих строк, и мы поиронизировали по поводу ментальных установок, воспитанных XX столетием: дескать, лучше всего убить, «нет человека — нет проблемы». Что касается ответа на поставленный вопрос, то для медиевиста он вроде бы очевиден — не убили, так как боялись греха. Но разве не соответствует истине расхожее представление о средневековье (вообще и русском в частности) как об эпохе, полной кровавых злодейских убийств и жестоких казней? Попробуем разобраться в этом, двигаясь по хронологии.

Первым зафиксированным убийством в русской истории является убийство в конце IX в. княживших в Киеве Аскольда и Дира, совершенное, по Начальному своду (кон.

XI в.) — Игорем, а согласно «Повести временных лет» (нач. XII в.) — Олегом. Летописцы говорят об этом событии в сдержанной форме, вкладывая в уста убийц оправдательный аргумент: «Вы нѣста князя, ни роду княжа»³², т. е. свершившееся оказывается как бы наказанием для Аскольда и Дира за присвоение себе княжеской власти.

Убийство киевского князя Игоря древлянами в 945 г. также подается в Начальном летописании в сдержанных тонах: опущены детали, известные из «Истории» Льва Дьякона³³, зато подробно говорится о послужившем поводом для убийства стремлении князя собрать дань сверх положенного, о творимых им насилиях; осуждения убийц нет, скорее наличествует оправдание. В последующем рассказе о мести вдовы Игоря Ольги, совершившей три вероломных убийства древлян, также отсутствуют осуждающие мотивы³⁴. Этот факт даже породил предположение, что данный рассказ принадлежит перу летописца-язычника³⁵. Однако дело в том, что язычниками в этом, как и в двух предыдущих случаях, были герои повествования. На язычников не распространяется христианский запрет на убийство, поэтому летописцы-христиане конца XI — начала XII в. не осуждают убийц-язычников, тем более что во всех случаях их действия имели оправдание (узурпация княжеской власти, нарушение норм сбора дани, убийство мужа); жертвы также являются язычниками, поэтому летописцы не выражают сожаления по поводу их гибели.

Также сдержанно и с наличием оправдательного аргумента рассказывается (под 975 г.) об убийстве князем Олегом Святославичем Люта Свенельдича, сына воеводы киевского князя Ярополка (брата Олега): поводом послужило нарушение Лютом границ охотничьих угодий Олега. Последующий поход Ярополка на принадлежавшую Олегу Древлянскую землю и гибель последнего в бою изображены как месть Свенельда (подстрекавшего киевского князя к нападению на владения брата)³⁶

Следующее по времени убийство было совершено будущим крестителем Руси Владимиром Святославичем. Влади-

мир, подступив к Киеву, вступает в тайные переговоры с воеводой Ярополка Блудом: «Попрями ми; аще убью брата своего, имѣти ты хочу во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене». В конце концов Ярополка, явившегося по совету Блуда на встречу с Владимиром, два варяга пронзают мечами³⁷ Вероломство совершенного превосходит все предшествующие случаи. Тем не менее летопись не осуждает Владимира: главным виновником представлен Блуд, предавший своего князя, в уста же Владимира вкладывается оправдание: «Не азъ почаль братью бити, но онъ (т. е. Ярополк. — А. Г.), азъ же того убоявся, придохъ на нь»³⁸ Оправдание довольно слабое, поскольку Олег пал не от рук подосланных убийц, а погиб в бою. При этом летописец, не осуждая князя, факт прямого участия будущего крестителя Руси в убийстве не пытается не то что скрыть, но даже как-то смягчить — Владимир под его пером прямо заявляет о намерении убить брата! Очевидно, скрывать моральную нечистоплотность князя просто не нужно, поскольку Владимир — еще язычник; язычнику достаточно (как и в предыдущих случаях) оправдания «политического» характера, в данной ситуации — страха перед возможным нападением противника.

Иным оказывается отношение в литературе второй половины XI — начала XII в. к убийству в 1015 г. вокняжившимся в Киеве по смерти Владимира Святополком своих братьев Бориса, Глеба и Святослава. Убийца получает максимальную степень осуждения, а Борис и Глеб становятся первыми русскими святыми; во второй половине XI — начале XII в. создается целый цикл произведений, посвященных их гибели³⁹

Но в том же 1015 г. имели место еще два убийства, тоже вероломных и к тому же массовых: «В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насиле дѣяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: «Сего мы насилья не можемъ смотрити»; и собраща в ночь, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту ночь сущу на Ракомѣ. И се слышавъ,

князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исѣче, и же бяху Варягы ти исѣклѣ» (в ПВЛ — «И разгнѣвася Ярославъ... пославъ к Новгородцемъ рече: “уже мнѣ сихъ не крѣсити”; и позва к собѣ нарочитыѣ мужи, и же бяху иссѣкли Варягы, обольстивъ и исѣче») ⁴⁰ Как видим, летописцы не осуждают новгородцев (они отвечали на насилия, творимые варягами), а осуждение Ярослава присутствует (в НЛ) в очень мягкой форме: князь на другой день на вече называет свой поступок «безумием» ⁴¹. Конечно, можно было бы объяснить это тем, что Ярослав — положительный герой повествования, которому предстоит борьба со злодеем Святополком. Но что мешало хотя бы умолчать о лицемерных словах Ярослава при приглашении новгородских мужей («уже мнѣ сихъ не крѣсити»), обличающих явно расчетливое (отнюдь не в припадке ярости-«безумия») вероломство; однако в ПВЛ эти слова сохранены. По-видимому, из рассказа о совершенном Ярославом вытекало понятное читателям без лишних пояснений оправдание: князь мстил тем, кто совершил вероломное (на варягов напали в ночи, на спящих) убийство варяжских дружинников — людей, доверившихся ему, находившихся под его правовой защитой.

В протокольном тоне, без какой-либо оценки сообщается об убийстве по приказу Ярослава в начале 20-х гг. его двоюродного дяди — бывшего новгородского посадника Константина Добрынича: «Костянтинъ же тогда бѣше в Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ и поточи и Ростову, на 3 лѣто повѣле убити и в Муромѣ на Оуѣ рецѣ» ⁴². Но примечательно, что в ПВЛ это известие оказалось опущено, очевидно, как явно дискредитирующее князя (никакого оправдания его действиям на этот раз не обнаруживалось).

В 1069 г. свергнутый годом ранее со своего стола киевский князь Изяслав Ярославич, возвращаясь в Киев с польским войском, обещал не «губить град», но посланный им вперед его сын Мстислав «исѣче» 70 киевлян, виновных в свержении отца, «а другыя слѣпиша, другыя же без вины

погуби, не испытавъ»⁴³ В летописном известии содержится сдержанное осуждение действий Мстислава, во всяком случае в отношении убитых «без вины». В некрологе Изяславу под 1078 г. отводится возможный упрек покойному в связи о «иссечением» киевлян: «то не съ (Изяслав. — А. Г) то створи, но сынъ его»⁴⁴, т. е. действия Мстислава признаются заслуживающими осуждения.

Следующее по времени зафиксированное в источниках убийство приходится на 1086 г.⁴⁵ Тогда на Волыни был убит князь Ярополк Изяславич. Его убийцу Нерадца летопись именует «проклятым» и «треклятым», о жертве же говорится с сочувствием⁴⁶

Аналогичное отношение к убийцам и жертвам наличествует в рассказах Киево-Печерского Патерика об убийствах в 90-х гг. XI в. печерских монахов: Григория — князем Ростиславом Всеволодичем, Василия и Федора — князем Мстиславом Святополчичем; обоих убийц вскоре постигает Божья кара — они гибнут на войне⁴⁷

Во второй половине XI в. появляются факты, когда в ситуации, которая в более раннюю эпоху почти наверняка разрешилась бы убийством, такового не происходит.

В 1067 г. сыновья Ярослава Изяслав, Святослав и Всеволод вели войну с полоцким князем Всеславом Брячиславичем. Они пригласили Всеслава на переговоры, поклявшись на кресте, что не причинят ему вреда. Тем не менее Всеслав, явившись к Ярославичам, был схвачен. Ситуация полностью аналогична той, что имела место в 978 г. во время борьбы Владимира с Ярополком. Но Всеслава не убивают, а «всего лишь» заключают в поруб в Киеве⁴⁸ Вероломство Ярославичей очевидно, однако, в отличие от своего деда, они не идут на убийство.

Год спустя в условиях половецкого вторжения на Русь в Киеве вспыхивает восстание против Ярославичей, не сумевших организовать отпор врагу. В ходе него возникает опасность, что восставшие выпустят из поруба Всеслава и провозгласят его киевским князем (что в конце концов и произошло). Приближенные Изяслава Ярославича советуют

князю: «Посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемь». Но и в такой ситуации киевский князь не решается совершить убийство: «и не послуша сего князь»⁴⁹

В конце 1073 — начале 1074 г.⁵⁰ киевский боярин Янь Вышатич, собирая дань в Ростовской волости по поручению князя Святослава Ярославича, оказался вынужден подавлять восстание, во главе которого стояли два языческих волхва, убивавших «лучших жен» местной знати. Предводители восстания были схвачены. Янь сначала провел с ними беседу по вероисповедальному вопросу, затем повез вниз по Шексне от Белоозера до устья, подверг пыткам. Волхвы утверждали, что судить их может только князь Святослав (чьими смердами они являлись): «Нама стати пред Святославом, а ты не можешь створити ничтоже». Янь в конце концов прямо объявил, что хочет убить мятежников: «Аще ваю пущю, то зло ми будет от Бога, аще вас погублю, то мзда ми будеть». Но вместо того чтобы приказать сделать это своим дружинникам, он обратился к представителям местной знати — родственникам убитых женщин, со словами: «Мстите своих», т. е. предложил им осуществить кровную месть⁵¹. Янь явно не считал себя вправе убить волхвов без княжеской санкции, хотя столь видный боярин наверняка имел полномочия осуществлять судебные функции на территории, с которой он собирал дань. Но смертная казнь законом не предусмотрена, и Яню пришлось бы взять на себя грех убийства. Этого он не решается сделать, несмотря на то, что волхвы — язычники; главное, что они подданные русского князя, следовательно, христианин не может их убить⁵². В результате язычники (или, по меньшей мере, новообращенные христиане, не изжившие языческих представлений, какими были местные жители) убивают язычников, а христианин Янь не нарушает закона и не совершает греха.

В 1097 г. волынский князь Давыд Игоревич в сговоре с киевским князем Святополком Изяславичем вероломно захватывает князя Василька Ростиславича Тербовольского,

заподозренного в заговоре. Ситуация повторяет события 978 и 1067 гг., и вновь, как и в 1067 г., об убийстве речь не идет: Василько подвергается ослеплению и держится в заточении⁵³

Как видим, для периода со второй половины XI в., когда рассказы об убийствах принадлежат авторам-современникам событий, в них прослеживается определенное и, в общем, не несущее в себе ничего неожиданного отношение: христианин не может убивать христианина (и даже язычника, если он подданный Руси), убийство же язычником язычника — нормальное явление. Казалось бы, того же следует ожидать в повествованиях об убийствах прежних времен, но оказывается, что это не совсем так. Убийства язычниками язычников подаются действительно без осуждения (даже с оправданием), в т. ч. и в случаях, когда убийцей был человек, позже принявший христианство (Ольга, Владимир). Но с убийствами христиан христианами дело обстоит иначе: если Святополк получает крайнюю степень осуждения, то убийства, совершенные Ярославом, подаются в том же тоне, что и аналогичные деяния князей-язычников. Объяснений такого диссонанса тем, что Святополк совершил не просто убийство, а братоубийство, а жертвы Ярослава не были людьми княжеского достоинства, или тем, что Ярослав — положительный герой летописца, явно недостаточно: во второй половине XI в. осуждаются убийства не только князя, но и простых монахов, христианин не считает себя вправе убить даже мятежников-смердов, к тому же язычников (а жертвы Ярослава принадлежали к высшей знати); рассказывая о деяниях Ярослава, летописец не делает попытки затушевать очевидное вероломство князя, т. е. явно воспринимает его действия как нормальные, хотя Ярослав ведет себя как язычник.

В связи с этим следует обратить внимание на хронологическое совпадение трех вещей. В третьей четверти XI в. происходит отмена кровной мести, т. е. законодательно закрепленного права на убийство⁵⁴ К этому же, скорее всего, периоду относится канонизация Бориса и Глеба. Наконец,

именно с третьей четверти XI в. прослеживаются факты отказа от убийства у людей, в целом отнюдь не склонных к воздержанию от насилия. Все это позволяет предполагать, что именно середина — третья четверть XI столетия были в древнерусском обществе временем активного осмысления заповеди, запрещающей убийство. В сфере законодательства это проявилось в отмене кровной мести, в общественной мысли — в христианском осмыслении трагедии Бориса и Глеба. Другие же убийства той же эпохи (начала XI в.) такому осмыслению не подверглись, и о них говорится в источниках так, как они воспринимались современниками — людьми начала XI столетия; это восприятие, по-видимому, еще не отличалось от языческого.

Сложившееся ко второй половине XI в. отношение к убийству сохранялось на протяжении XII — начала XIII столетия. Что касается убийств князей, то в этот период известны три подобных случая. В 1147 г. сведенный годом ранее с киевского стола и постриженный в монахи князь Игорь Ольгович был растерзан толпой киевлян, возмущенных вестью, что родственники Игоря (черниговские князья) якобы задумали захватить и убить их князя Изяслава Мстиславича⁵⁵; в 1174 г. владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский пал жертвой заговора своих приближенных⁵⁶; в 1217 г. рязанские князья Глеб и Константин Владимировичи перебили в Исадах шестерых своих родичей⁵⁷. Отношение современников во всех случаях было сочувственным к жертвам и осуждающим к убийцам. Об убийствах Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского были созданы пространные повести (Повесть о убийнии Андрея известна в двух редакциях), оба князя были причислены к лику святых⁵⁸. Преступлению рязанских князей была также посвящена специальная летописная повесть⁵⁹.

Известен во второй половине XII в. случай отказа князя от убийства вопреки требованиям его сторонников: в 1177 г. Всеволод Большое Гнездо не стал убивать своих плененных племянников (как того требовали жители Владимира), а «всего лишь» ослепил их и отпустил⁶⁰.

Как бы оборотной стороной отношения к убийству было отсутствие после отмены в третьей четверти XI в. кровной мести законодательного права на него: вопреки обыденному представлению о «мрачном средневековье» в домонгольской Руси не существовало такого вида наказания за преступления, как смертная казнь⁶¹.

Монгольское завоевание стало толчком к изменению отношения к убийству. Уже после битвы на Калке произошло событие, не имевшее аналогий в русской истории с 945 г. (т. е. с языческой эпохи): три пленных князя (в т. ч. киевский Мстислав Романович) были преданы смерти⁶². В 1238 г. был убит попавший в плен ростовский князь Василько Константинович⁶³. После установления власти Орды получила распространение практика казней ханами неугодных вассалов. Были убиты Михаил Всеволодич Черниговский (1246 г.)⁶⁴, Андрей Мстиславич, еще один из князей черниговского дома⁶⁵, Роман Ольгович Рязанский (1270 г.)⁶⁶. В Каракоруме в 1246 г. был отравлен великий князь владимирский Ярослав Всеволодич⁶⁷. Подобная практика продолжилась в XIV столетии: были казнены Михаил Ярославич Тверской (1318 г.)⁶⁸, его сын Дмитрий и Александр Новосильский (1326 г.)⁶⁹, Федор Иванович Стародубский (1330 г.)⁷⁰, Александр Михайлович Тверской и его сын Федор (1339 г.)⁷¹.

Следует отметить, что такого рода практика применялась монголами вовсе не только к правителям покоренных народов: скорее наоборот — на вассалов был перенесен образ действий, свойственный внутримонгольским отношениям. Здесь убийство как средство политической борьбы имело широкое распространение⁷²: в 1251 г. были убиты вдова и сын великого хана Гуюка⁷³; в 1291 г. Ногай убил ханов Телебугу и Алгуя⁷⁴; хан Узбек, придя к власти в 1312 г., истребил множество своих противников⁷⁵; его сын Джанибек, борясь за престол отца, убил двух своих братьев⁷⁶; хан Бердибек в 1357 г. убил своего отца Джанибека⁷⁷; хан Навруз в 1359 г. — хана Кульпу с двумя сыновьями⁷⁸, хан Хызр в

1360 г. — Навруза и ханшу Тайдулу⁷⁹; сын Тохтамыша Керим-Берди в 1412 г. — своего брата Джелал-ад-дина⁸⁰

На этом фоне происходит изменение отношения к убийствам «внутрирусским». С начала XIV в. становятся нередкими факты убийств в политических целях русскими князьями русских князей. В 1306 г. Юрий Данилович Московский убивает плененного шестью годами ранее его отцом Константина Рязанского⁸¹. В 1325 г. Дмитрий Михайлович Тверской убивает в Орде Юрия⁸². В 1339 г. рязанский князь Иван Иванович Коротопол убивает своего двоюродного брата Александра Михайловича Пронского, а Василий Пантелеймонович — своего дядю Андрея Мстиславича Козельского⁸³. Очевидно, после полувека ордынской власти русские князья «освоили» убийство в качестве акта политической борьбы, средства наказания вассала сюзереном или устранения противника. Особенно примечательно, что в эту эпоху ни одно из убийств русскими князьями русских князей не получило в литературе развернутой негативной оценки.

И вновь, как и в домонгольский период, обратной стороной отношения к убийству выглядит отношение к законодательному разрешению на лишение жизни. В конце XIV в. в Псковской судной грамоте законодательно утверждается применение смертной казни к конокрадам, изменникам и поджигателям, а также к ворам, обокравшим Кремль (псковский); что же касается вора, укравшего что-то на посаде, то, будучи пойман в третий раз, он также предается смерти⁸⁴. По Двинской уставной грамоте (1397 г.) третья «татья» тоже карается смертью⁸⁵. А столетие спустя в Судебнике Ивана III 1497 г. (первом своде законов сформировавшегося к этому времени нового единого Русского государства) смертная казнь применяется уже по широкому спектру преступлений (убийство, повторная «татья», разбой, клевета, измена, поджог)⁸⁶. Впереди был XVI в., эпоха Ивана Грозного, действительно изобиловавшая жестокими расправами, эпоха, главным образом и способствовавшая укоренению в общественном сознании образа «мрачного

средневековья», далекого от реалий собственно средневековой, в европейском смысле этого понятия, Руси (XVI в. в общеевропейском масштабе — уже Новое время).

Примечания

- ¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.
- ² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486; Т. 18. СПб., 1913. С. 85—86; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 350—351; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 128—130; *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 80—81.
- ³ ПСРЛ. Т. 18. С. 85—86; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 351; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 129—131.
- ⁴ НИА. С. 92; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 351.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.
- ⁶ Там же. С. 86; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 132—139; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 44—45.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485—486.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 87; НИА. С. 92; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 45—46.
- ¹² См.: *Кучкин В. А.* «Повесть о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 68, 76; Он же. Формирование... С. 209—211; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 46—47.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 18. С. 87; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 354; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 46—47.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 87.
- ¹⁵ НИА. С. 94.
- ¹⁶ НИА. С. 94—95; ПСРЛ. Т. 18. С. 88; Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 36; Т. 5. С. 208.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36—37; Т. 18. С. 88.
- ¹⁸ НИА. С. 95; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36; Т. 18. С. 88.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37—38; Т. 18. С. 88; НИА. С. 96.
- ²⁰ НИА. С. 96; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38.

- ²¹ НИА. С. 96; ПСРЛ. Т. 18. С. 88; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 356.
- ²² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38—40; Т. 5. С. 210—214.
- ²³ См.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 224—234, 248—250.
- ²⁴ До этого времени Михаил вместе с Даниилом входил в коалицию князей Северо-Восточной Руси, ориентировавшихся не на хана, правившего в столице Орды — Сарае на Волге, а на Ногай, бывшего фактически самостоятельным правителем западной части Орды — от Дуная до Днепра. Но после того как Ногай потерпел поражение от сарайского хана Тохты и погиб, Михаил отошел от союза с Даниилом и сблизился с великим князем Андреем Александровичем (см.: *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой; Он же. Москва и Орда. С. 16—28).
- ²⁵ См.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 255—263.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41—42; Т. 18. С. 89; НИА. С. 96—97.
- ²⁷ ГВНП. М.; Л., 1949. № 38. С. 67—78; НИА. С. 97; ПСРЛ. Т. 18. С. 89.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 89; НИА. С. 97.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 89—90; Т. 15. Вып. 1. Стб. 42.
- ³⁰ Напротив, для Михаила Тверского первое же действие, шедшее вразрез с ханской волей, окончилось гибелью. Но в отношении памяти потомков больше «повезло» Михаилу, который своей мученической смертью как бы искупил свои прежние преступления (предательство в 1300 г. своего союзника Даниила Александровича, наведение татар на Русь в 1315—1316 гг.); Юрий же запятнал себя пособничеством в убийстве Михаила.
- ³¹ НИА. С. 98; ПСРЛ. Т. 18. С. 90.
- ³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; Т. 2. Стб. 16—17.
- ³³ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 57.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—57; Т. 2. Стб. 42—46.
- ³⁵ *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 375—376.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74—75; Т. 2. Стб. 62—63.
- ³⁷ Там же. Т. 1. Стб. 76—78; Т. 2. Стб. 64—66.
- ³⁸ Там же. Т. 1. Стб. 76; Т. 2. Стб. 64. Там же. Т. 1. Стб. 76; Т. 2. Стб. 64.

- ³⁹ Там же. Т. 1. Стб. 132—140; Т. 2. Стб. 118—127; *Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.* Пг., 1916.
- ⁴⁰ НИА. С. 174—175; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140—141; Т. 2. Стб. 127—128.
- ⁴¹ НИА. С. 174.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 110.
- ⁴³ Там же. Т. 1. Стб. 173—174; Т. 2. Стб. 163.
- ⁴⁴ Там же. Т. 1. Стб. 202; Т. 2. Стб. 194.
- ⁴⁵ Гибель Изяслава Ярославича в 1078 г. хотя и похожа на убийство (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201; Т. 2. Стб. 192—193), но все же имела место во время битвы; князь же Роман Святославич в 1079 г. был убит не русскими, а половцами.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206—207; Т. 2. Стб. 197—199.
- ⁴⁷ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1981. С. 534, 536, 582, 584, 586.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166—167; Т. 2. Стб. 155—156.
- ⁴⁹ Там же. Т. 1. Стб. 167—171; Т. 2. Стб. 156—160.
- ⁵⁰ О дате см.: *Кучкин В. А. Формирование...* С. 62—64.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175—178; Т. 2. Стб. 164—168.
- ⁵² Убийство «чужих» язычников грехом не считалось: Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет о казнях им пленных половцев без всякого стеснения, как о достойном деянии (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 250—251).
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257—262, Т. 2. Стб. 231—236.
- ⁵⁴ Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 64. Расхождения в датировке этого события исследователями находятся в пределах 1054—1072 гг.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 344—354; Т. 1. Стб. 315—318.
- ⁵⁶ Там же. Стб. 367—371; Т. 2. Стб. 580—595.
- ⁵⁷ НИА. С. 58; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440—441.
- ⁵⁸ СККДР. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 365—367.
- ⁵⁹ Не удостоилось пространного рассказа только повешение галичанами в 1211 г. трех князей Игоревичей (совершенное из мести за избивание ими галицких бояр), очевидно, потому, что галицкий летописец, зафиксировавший это событие, был настроен к погибшим князьям (противникам его сюзерена Даниила Романовича) враждебно (См.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 242, 244, 246).

- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 385—386; Т. 2. Стб. 605—606.
- ⁶¹ Смертная казнь была на короткое время введена Владимиром Святославичем под влиянием епископов-греков, но вскоре он возвратился к системе вир-штрафов (см. об этих реформах: *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Древнее право.* № 1. М., 1996). Мнение о вторичном появлении на Руси в XI—XII вв. смертной казни (*Шапов Я. Н.* О системах права на Руси в XI—XIII веках // *История СССР.* 1987. № 5. С. 180—181) не кажется основательным. Приводимые примеры — убийство Ярославом новгородцев, виновных в избиении варягов в 1015 г., убийство Мстиславом Изяславичем в 1069 г. киевлян, восставших против его отца, и Глебом Святославичем волхва в Новгороде в 1071 г. — говорят не об основанных на правовой норме казнях, а о совсем иных казусах — соответственно мести, внесудебной расправе (осужденной современниками) и убийстве предводителя повстанцев в ситуации, чреватой вооруженной схваткой. Согласно же Русской Правде, допускалась только внесудебная расправа над убийцей огнищанина (высшего должностного лица княжеской администрации), застигнутым на месте преступления (Российское законодательство... Т. 1. С. 64).
- ⁶² НИА С. 63.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 455—457.
- ⁶⁴ Там же. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808.
- ⁶⁵ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 29—30.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 73.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808. Путешествия... С. 77—78.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38—40; Т. 5. С. 210—214.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 90. В 1327 г. был убит татарами и Иван Ярославич Рязанский, но обстоятельства его гибели неизвестны (НИА. С. 98; ПСРЛ. Т. 18. С. 90).
- ⁷⁰ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 45.
- ⁷¹ Там же. Стб. 49—51.
- ⁷² Это, разумеется, связано не с национальной спецификой, а с отсутствием религиозного запрета: язычники-монголы здесь ничем не отличались от язычников-русских X века.
- ⁷³ Путешествия... С. 135, 235.

- ⁷⁴ НИА. С. 327; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник документов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 69—70.
- ⁷⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1884. С. 197, 323; Т. 2. С. 141.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54.
- ⁷⁷ Там же. Стб. 66.
- ⁷⁸ Там же. Стб. 68.
- ⁷⁹ Там же. Стб. 69.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. Т. 18. С. 86—87.
- ⁸² Там же. С. 89; НИА. С. 97.
- ⁸³ ПСРЛ. Т. 18. С. 92—93.
- ⁸⁴ ПРП. Вып. 2. М., 1953. С. 287, 334; Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. С. 332.
- ⁸⁵ Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 181.
- ⁸⁶ ПРП. Вып. 3. М., 1955. С. 347—348; Российское законодательство... Т. 2. С. 55—56.

ГЛАВА IV

«Кому приподоблю великого сего князя,
Русского царя?»

*«Слово о житии и о преставлении
великого князя Дмитрия Ивановича,
царя русьскаго».*

«Князь же великий Дмитриеи Ивановичь,
то слышавъ, что сам царь идетъ
на него съ всею силою своею, не
ста на бои противу его, ни подня
руку противу царя».

*Краткая летописная повесть о
нашествии Тохтамыша 1382 г.*

§ 1. ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ: «ЦАРЬ РУССКИЙ» ИЛИ ХАНСКИЙ «УЛУСНИК»?

Имя Дмитрия Донского в массовом сознании ассоциируется с победой на Куликовом поле, его носитель предстает великим полководцем, защитником Руси. Однако и в фактах биографии Дмитрия Ивановича, и в оценке его потомками присутствует определенная неоднозначность. Дмитрий не стал освободителем Руси от власти Орды, ликвидация зависимости произошла только почти столетие спустя после его смерти. Вслед за победой 1380 г. последовало поражение 1382 г. Восторженные оценки Дмитрия в литературных памятниках конца XIV — начала XVI в. — «Задонщине», «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго», «Сказании о Мамаевом побоище», — прославление его как борца за христианскую веру, против «бесерменства» (мусульманства) не сопровождалось созданием его церковного культа: Дмитрий был канонизован только во время празднования 1000-летия христианства на Руси (контраст особенно ярок, если вспомнить, что еще в XV в. был признан святым Федор Ростиславич Ярославский, князь, не раз лично наводивший на русские земли татарские войска, подолгу живший в Орде, женатый на родственнице ордынского хана).

Дмитрий родился 12 октября 1350 г.¹ Он был первенцем среднего сына Ивана Калиты Ивана. В момент рождения Дмитрия князем московским и великим князем владимирским был старший из Калитовичей — Семен. У него было трое сыновей, еще двое родились после появления на свет Дмитрия. Таким образом, Дмитрий в списке претендентов на московское княжение занимал лишь восьмое место после отца, младшего сына Калиты Андрея и пяти своих двоюродных братьев. Но в начале 1353 г. Москву посетило охватившее в ту пору Европу бедствие, получившее в истории название «Черная смерть», — эпидемия легочной чумы. От нее умерли великий князь Семен, его сыновья и Андрей Иванович². Если бы погибли все члены московского княжеского дома, дальнейшая история Руси была бы существенно иной: Московское княжество оказалось бы выморочным, и первенствующая роль Москвы не состоялась бы. Но судьба пощадила Ивана Ивановича и его семью. А на сороковины своего отца родился Владимир, сын Андрея Ивановича (будущий сподвижник Дмитрия в ратных делах). Иван Иванович стал князем московским, а вскоре получил в Орде и ярлык на великое княжение владимирское³. Дмитрий же в одночасье оказался первым наследником московского престола.

13 ноября 1359 г. Иван Иванович скончался в возрасте 33 лет⁴, и Дмитрий, которому едва исполнилось девять, стал формальным главой Московского княжества. Его воспитанием руководила мать — великая княгиня Александра, тысяцкий Василий Вельяминов и митрополит всея Руси Алексей⁵. Зимой 1359—1360 гг. Дмитрий, как и «все князи русьские», отправился в Орду: поводом были как смерть великого князя владимирского, так и совпавшая с ней смена хана. Новый правитель Орды Навруз отдал ярлык на великое княжение владимирское не малолетнему московскому князю, а Андрею Константиновичу Нижегородскому. Андрей отказался от ярлыка в пользу своего младшего брата Дмитрия, князя Суздальского. Последний и занял владимирский стол⁶.

Потеря великого княжения означала, что из-под власти московского князя уходит обширная территория великого княжества Владимирского (с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой, Юрьевом-Польским, Дмитровом, Ярополчем). Одновременно галицкое княжение было передано ханом Дмитрию Борисовичу, сыну последнего дмитровского князя, а Сретенская половина Ростова, которой завладел еще Иван Калита в 1332 г., была возвращена ростовским князьям⁷. Фактически владения князей Московского дома вернулись почти к границам 1327 г. — времени до получения Иваном Калитой ярлыка на великое княжение владимирское.

Тем временем (еще до прихода Дмитрия Константиновича во Владимир) хан Навруз был убит другим претендентом на ордынский престол, Хызром. И в 1361 г. сильнейшие князья, в т. ч. Дмитрий Московский, вновь приехали в Орду. Дмитрий Иванович уехал оттуда ранее других князей (о каких-либо пожалованиях летописные известия молчат: очевидно, новый хан только подтвердил существовавшее положение) и тем самым избежал участи быть свидетелем новой вспышки ордынской междоусобицы — «замятни»: Хызр был убит, и появилось сразу несколько претендентов на престол; сильнейшими из них стали Мюрид (Мурат) и Абдулла, от имени которого действовал эмир («князь ординьский») Мамай, будущий противник московского князя⁸.

В следующем, 1362 году Дмитрий Иванович и Дмитрий Константинович «сперлися о великом княжении», отправив каждый своих послов к Мюриду: На этот раз московское влияние взяло верх «и принесоша ярлыкъ княжение великое по отчинѣ и по дединѣ князю великому Дмитрею Ивановичи Московьскому». Суздальский князь, однако, не собирался оставлять великого княжения, видимо, надеясь на перемену ситуации в Орде. Но военное превосходство было явно на стороне Москвы — 30-летний период великого княжения Калиты и его сыновей не прошел даром. Дмитрий Константинович вынужден был удалиться в отчинный Суз-

даль, и в начале января 1363 г. Дмитрий Иванович въехал во Владимир. Московское правительство подстраховалось, получив ярлык и от другого хана — Абдуллы. Не исключено, что именно факт обращения Москвы к сопернику Мюрида привел к перемене настроения последнего: в 1363 г. он выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу. Тот занял было Владимир в отсутствие там Дмитрия Ивановича, но вновь был вынужден отступить перед военной силой и, будучи осажден в своем Суздале, признать переход великого княжения к московскому князю. Тогда же была возвращена половина Ростова и Галицкое княжество⁹. Таким образом, за три года москвичам удалось восстановить положение, существовавшее до смерти Ивана Ивановича.

В последующие годы отношения Дмитрия Ивановича с Дмитрием Константиновичем Суздальским изменились: москвичи помогли последнему отстоять Нижний Новгород от притязаний младшего брата Бориса. Дмитрий Константинович в обмен на это отказался от претензий на великое княжение владимирское, а 18 января 1367 г. его дочь Евдокия стала женой московского князя. В том же году «на Москвѣ почали ставити городъ камень» — белокаменные стены Кремля взамен прежних деревянных, построенных при Иване Калите¹⁰.

В 1368 г. обострились отношения со старым соперником — Тверью. Князь Михаил Александрович, закрепившийся к этому времени на тверском столе, был приглашен в Москву на переговоры и «пойман». Но когда в Москве узнали о предстоящем приезде ордынского посла, с Михаилом было заключено «докончание», и его отпустили в Тверь¹¹. По-видимому, посол шел от Мамаю и его ставленника Абдуллы, т. к. в конце 1367 — начале 1368 г. они овладели ордынской столицей Сараем¹², и других реально властвующих правителей в Орде не было. В этой ситуации в Москве не хотели обострять отношений с Ордой. В том же году Дмитрий Иванович «посылал рать» на Михаила Тверского, последний бежал в Литву и инициировал поход на Москву велико-

го князя литовского Ольгерда (женатого на его сестре Ульяне). Дмитрий слишком поздно подучил весть о продвижении литовского войска и не успел собрать достаточно сил. Сторожевой полк великого князя был разбит на реке Тростне, и в конце ноября Ольгерд подошел к Москве. Дмитрий приказал зажечь посад, а сам с двоюродным братом Владимиром Андреевичем и митрополитом Алексеем «затворися» в Кремле. Ольгерд, простояв три дня у города, взять его не смог и удалился восвоюси, подвергнув разорению территорию Московского княжества¹³ Первый опыт непосредственного руководства войсками оказался для Дмитрия Ивановича неудачным. Великому князю тогда едва исполнилось 18 лет.

В 1370 г. Дмитрий нанес Литве ответный удар, послав войска в пределы недавно присоединенной Ольгердом Черниговской земли. Они овладели Калугой и Мценском¹⁴. Обострение в том же году отношений с Тверью привело к тому, что в августе Михаил Александрович Тверской вновь уехал в Литву. В его отсутствие ордынские послы привезли в Тверь ярлык Михаилу на тверское княжение¹⁵ Необходимость обновления ярлыков была связана с тем, что в 1370 г. Мамай посадил на престол нового хана — Мухаммед-Бюлека¹⁶. В сентябре Дмитрий повоевал тверские волости, и, узнав об этом, Михаил из Литвы отправился в Орду, «прииде к Мамаю, печалуя и жалуя, и тамо многы укоры изнесе и многы вины изложи, паче же всего въсхотѣся ему самому княжения великаго и многы дары раздавъ и многы посулы рассуливъ княземъ ордынскимъ и рядцам (сановникам. — А. Г.)». Мамай пошел навстречу Михаилу и выдал ему ярлык на великое княжение владимирское; поводом для недовольства московским князем могла быть неявка его послов к новому хану. Однако москвичи не дали Михаилу возможности вернуться в Тверь: «Не тъкмо же не приаша его, но и переимали его по заставамъ и многыми пути ганялися за нимъ, ищуще его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозѣ дружине и прибѣже пакы въ Литву»¹⁷. Тверской

князь вынужден был вновь прибегнуть к помощи Ольгерда. Великий князь литовский опять сумел подступить к стенам Москвы. Но на сей раз москвичи действовали удачнее. Ольгерду пришлось два дня простоять у Волока Ламского, взять который он так и не сумел. Восьмидневная осада Московского кремля, где вновь, как и в 1368 г., затворился Дмитрий, оказалась безуспешной. Тем временем двоюродный брат Дмитрия Владимир Андреевич встал с войском в подмосковном Перемышле, угрожая ударить по противнику с тыла; в помощь ему подошел союзный Москве князь Владимир Пронский. В такой ситуации Ольгерд сделал мирное предложение, которое было принято¹⁸

Не добившись успеха с литовской помощью, Михаил Тверской в начале 1371 г. снова поехал в Орду и 10 апреля пришел в Тверь с ярлыком на великое княжение владимирское в сопровождении посла Сарыхожи. Сарыхожа послал Дмитрию Ивановичу требование приехать во Владимир «к ярлыку». На это московский князь ответил: «Къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пущаю (Михаила. — А. Г.), а тебѣ послу путь чист»¹⁹ Тем не менее Сарыхожу зазвали в Москву. После переговоров здесь с послом Дмитрий отправился 15 июня в Орду: настойчивость, с которой Мамай пытался лишить его великого княжения, требовала ответных мер, и решено было прибегнуть к испытанному средству. Ценой богатых даров Дмитрий добился того, что Мамай вернул ему великое княжение²⁰

Осенью 1371 г. Дмитрий вернулся из Орды «съ многими дльжники» — ярлык стоил дорого. Михаил продолжал удерживать за собой часть территории великого княжества Владимирского, и московско-тверской конфликт продолжался. Весной 1372 г. союзные Михаилу литовские войска повоевали Переяславль. В конце мая Михаил учинил разгром Торжка (города, в котором имелись новгородская и великокняжеская половины), а в июле вместе с Ольгердом двинул на Москву. Но на этот раз Дмитрий не пропустил Ольгерда к столице. Войска сошлись у Любутска (на Оке между Калугой и Алексином), и здесь был заключен мир²¹.

Текст перемирной грамоты сохранился²². Договор содержит примечательную черту: великое княжение именуется «очинной» Дмитрия Ивановича²³. Великий князь литовский признавал права московского князя на Владимирское великое княжество, отказываясь от поддержки претензий своего шурина Михаила Тверского. Таким образом, впервые со времен Батыева завоевания великое княжение Владимирское было оценено как политическое образование, статус которого не зависит от воли ордынского хана.

Однако отношения Москвы с Мамаевой Ордой в 1372 г. были вполне дружественными. Послам Дмитрия удалось выкупить находившегося там сына Михаила Тверского Ивана, и его стали держать в Москве «в истоме». Князь Михаил Васильевич Кашинский, двоюродный брат Михаила Александровича, еще в 1371 г. перешедший на сторону Дмитрия, а в начале 1372 г. в условиях литовского наступления вновь подчинившийся тверскому князю, после Любутского мира приехал в Москву и оттуда отправился в Орду, очевидно, для закрепления своего независимого от Твери статуса²⁴.

Таким образом, Дмитрию Ивановичу в конце 60-х — начале 70-х гг. удалось с успехом выйти из сложного положения. Поначалу его наступление на тверского князя едва не привело к тяжелым последствиям: Михаил заручился поддержкой двух могущественных правителей — Ольгерда и Мамая и стал реально претендовать на великое княжение владимирское. Правда, Ольгерд и Мамай тогда напрямую не сотрудничали, а Михаил не решился прибегнуть к военной помощи татар, рассчитывая в этом отношении на литовцев. Дмитрию удалось отбить наступление Ольгерда и вновь обрести поддержку со стороны Мамая. Мир с Литвой в последующие годы сохранялся, а вот отношения о Ордой вскоре изменились.

В 1373 г. татары «отъ Мамая» напали на владения рязанского князя Олега. Дмитрий в связи с этим стоял на Оке «со всею силою», а его двоюродный брат Владимир Анд-

реевич Серпуховский специально приехал из Новгорода²⁵ Олег Иванович был в это время союзником Дмитрия. В декабре 1371 г. посланные Дмитрием московские войска под командованием воеводы Дмитрия Михайловича Волинского (племянника Ольгерда, перешедшего на московскую службу) разгромили Олега под Скорнищевом, и на рязанский стол был возведен Владимир Пронский²⁶ Но вскоре Олег вернул себе власть, а в московско-литовском договоре июля 1372 г. и Олег, и Владимир выступают как союзники Дмитрия Ивановича²⁷

Зимой 1373—1374 гг. произошло примирение с Михаилом Тверским: в обмен на возвращение из московского плена сына Михаил отказался от претензий на великое княжение владимирское; тогда же новый кашинский князь Василий Михайлович признал себя вассалом Твери. А в 1374 г. «князю великому Дмитрию Московьскому бышесть розмирие съ тотары и съ Мамаемъ»²⁸. Москва перестала выплачивать дань — «выход». Поводом к этому послужил, по-видимому, экстраординарный денежный «запрос» со стороны Мамаея²⁹, ставший своего рода последней каплей, подтолкнувшей к решению не соблюдать вассальных отношений с правителем, который слишком не соответствовал «нормальным», устоявшимся представлениям о сюзерене: не был ханом («царем» по русской терминологии), не контролировал всю территорию Орды (как раз в 1374 г. Мамай утратил Сарай — ее номинальную столицу), дважды передавал ярлык на великое княжение владимирское другому князю при отсутствии какой-либо вины с московской стороны.

В том же году Мамай отправил в Нижний Новгород тысячный отряд во главе с Сары-акой (Сарайкой). Очевидно, правитель рассчитывал, что нижегородский князь будет более сговорчив в отношении уплаты денег в Орду. Но Дмитрий Константинович проявил солидарность со своим зятем: татарский отряд был перебит, а Сарайка и его окружение взяты в плен³⁰

В ноябре 1374 г. в Переяславле состоялся княжеский съезд, на котором оформился военный союз князей Северо-

Восточной Руси во главе с Дмитрием; в числе прочего князья договорились о совместном противостоянии Мамаю³¹. Отношения с Ордой при этом, скорее всего, строились так, как это зафиксировано в следующем году в договоре Дмитрия с Михаилом Тверским: «А с татары оже будет нам миръ, по думѣ. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думѣ же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобѣ с единого всѣмъ противу их. Или мы поидем на них, и тобѣ с нами с единого поити на них»³². С одной стороны, здесь допускается возможность мирных отношений с Ордой и уплаты выхода. С другой — это первый дошедший до нас факт договорного закрепления обязательств о совместных военных действиях против Орды, причем как оборонительных, так и наступательных.

В марте 1375 г. состоялся еще один княжеский съезд, место проведения которого неизвестно³³. Во время него Василий, сын Дмитрия Нижегородского, решил ужесточить содержание Сарайки и его людей; татары попытались сопротивляться (у них не было отнято оружие) и были перебиты.

В ответ на избиение посольства отряды Мамаю повоевали нижегородские волости — Киш и Запьянье³⁴.

Тем временем к Михаилу Тверскому перебежали Иван Васильевич, сын последнего московского тысяцкого Василия Вельяминова (Василий умер в 1374 г., и Дмитрий упрямил после этого должность тысяцкого — второго после князя лица в стольном городе) и Некомат Сурожанин. Михаил отправил их в Орду, и вскоре оттуда пришел посол Ачихожа с ярлыком тверскому князю на великое княжение владимирское³⁵. В ответ на Тверь двинулось невиданное по масштабам войско. Перечень участвовавших в походе князей дает возможность определить круг участников Переяславского съезда, т. е. князей, признававших верховенство Москвы. Это (помимо самого Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского) суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, его сын Семен и братья — Борис и Дмитрий Ноготь,

ростовские князья Андрей Федорович и Василий и Александр Константиновичи, князь Иван Васильевич из смоленской ветви (правивший в Вязьме), ярославские князья Василий и Роман Васильевичи, белозерский князь Федор Романович, кашинский князь Василий Михайлович (перешедший на сторону Москвы), моложский князь Федор Михайлович, стародубский князь Андрей Федорович, князь Роман Михайлович Брянский (Брянском он тогда уже не владел, тот был в руках Ольгерда), новосильский князь Роман Семенович, оболенский князь Семен Константинович и его брат тарусский князь Иван³⁶ Таким образом, сюзеренитет Дмитрия Ивановича признавали не только все княжества Северо-Восточной Руси (кроме Тверского за исключением его кашинского удела), но также князья трех верхнеокских княжеств Черниговской земли (Новосильского, Оболенского и Тарусского), Роман Михайлович, считавшийся великим князем черниговским, и вяземский князь.

В результате похода Михаил Тверской признал себя «младшим братом» Дмитрия Ивановича, а великое княжение — его «отчиной»: «А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженья, и Новагорода Великого, блюсти, а не обидѣти. А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженья, и Новагорода Великого, под нами не искати, и до живота, и твоим дѣтем, и твоим братаничем». Он также отказался от сюзеренитета над Кашинским княжеством, взял на себя обязательство по совместным с Москвой действиям в отношении Орды (см. выше) и отказался впредь принимать ярлыки от татар на великое княжение (в обмен на обязательство Дмитрия не делать того же в отношении Твери)³⁷

Ответом Мамай был удар по союзникам Москвы: в конце 1375 г. его отряды вновь повоевали Запьянье и разорили Новосиль — столицу князя Романа Семеновича. В 1376 г. великий князь «ходилъ за Оку ратию, стерегася рати тотарьское»³⁸

В начале 1377 г. соединенные силы Московского и Нижегородского княжеств (московскую рать возглавлял Дмитрий Волынский, нижегородскую — сыновья Дмитрия Кон-

стантиновича Василий и Иван) отправились в поход на Волжскую Болгарию (один из улусов Орды). Здесь правителями были Асан и Махмат-Салтан (остается неясным, были ли они в 1377 г. зависимы от Мамаю или самостоятельны). Татарские князья вынуждены были капитулировать, выплатить контрибуцию (2000 рублей двум великим князьям и 3000 — «воеводам и ратемь») и принять «даругу» (сборщика дани) и таможенника³⁹ Волжская Болгария, таким образом, оказывалась в зависимости от Нижнего Новгорода и Москвы.

Очевидно, что в отношении ордынских «князей» великий князь московский действовал так же, как в отношении русских князей. Фактически он попытался как бы занять в отношении первых место, какое занимал правитель Орды. Тем самым великий князь ставил себя на один уровень с Мамаем, семью годами ранее приводившим Волжскую Болгарию (с помощью нижегородских войск) к покорности.

Летом того же года московско-нижегородское войско (московскую часть возглавляли воеводы, нижегородскую — Иван Дмитриевич), ожидая нападения пришедшего из Заволжья независимого от Мамаю «царевича» Арабшаха (Арапши), пропустило удар татар из Мамаевой Орды и потерпело тяжелое поражение на реке Пьяне, вслед за чем ордынцы разорили Нижний Новгород. В том же году Арабшах повоевал Засурье⁴⁰

Воодушевленный успехом, Мамай летом 1378 г. решил нанести удар непосредственно по Московскому княжеству, направив на Дмитрия Ивановича сильное войско под командованием Бегича. 11 августа на реке Воже, в пределах Рязанской земли, московско-рязанское войско нанесло Мамаевым татарам сокрушительное поражение. По-видимому, русские войска состояли только из великокняжеских и рязанских полков: в бою центром командовал сам великий князь, флангами — его окольный Тимофей и князь Даниил Пронский. Несколько ранее, в конце июля, ордынцам вновь удалось разорить Нижний Новгород⁴¹.

В отместку за поражение на Воже Мамай напал в том же году на Рязанскую землю. Ее столица Переяславль-Рязанский была сожжена, а князь Олег Иванович спасся, бежав за Оку⁴²

12 февраля 1378 г. умер митрополит Алексей, выходец из московских бояр, поддерживавший все начинания Дмитрия. Преемником его должен был стать болгарин Киприан, еще в 1375 г. поставленный в Константинополе в митрополиты русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, с тем чтобы после смерти престарелого Алексея объединить под своей юрисдикцией всю Русь. Однако Дмитрий не принял Киприана: по прибытии в Москву митрополит был арестован и выслан. Великий князь захотел поставить митрополитом своего духовника Митяя (Михаила), лишь недавно, в 1376 г., по воле Дмитрия поставленного в архимандриты кремлевского Спасского монастыря — до этого Митяй был священником. Желание Дмитрия иметь своего человека на митрополичьем престоле, грозившее разделением митрополии (епархии, находившиеся на территории Великого княжества Литовского, могли остаться под юрисдикцией Киприана), встретило оппозицию со стороны видных представителей духовенства — епископа Дионисия Суздальского, игуменов Сергия Радонежского и Феодора Симоновского. Тем не менее летом 1379 г. Дмитрий отправил Митяя в Константинополь на поставление. Однако в пути претендент умер, и члены посольства по своей воле добились у патриарха и Священного собора поставления в митрополиты одного из сопровождавших Митяя иерархов — переяславского архимандрита Пимена⁴³. Это было уже в июне 1380 г., когда близилась развязка конфликта с Мамаем.

К лету 1380 г. Мамай основательно подготовился к решающей схватке с Москвой. Не надеясь после Вожи только на собственные силы, он заключил союз с новым великим князем литовским Ягайло Ольгердовичем. Власть Мамай признал Олег Иванович Рязанский, видимо, желая избежать нового разгрома своего княжества. В то же время он предупредил Дмитрия Ивановича о выступлении Мамай⁴⁴.

Дмитрий также готовился к схватке. Зимой 1379—1380 гг., когда уже было известно о союзе Мамаю с Ягайло, он направил войска на Северскую землю, входившую в состав Великого княжества Литовского. Местный князь Дмитрий Ольгердович, старший брат Ягайло, со своими боярами перешел на сторону Москвы и получил в держание Переяславль-Залесский. Еще ранее, в 1378 г., на службу к Дмитрию Ивановичу перешел самый старший из Ольгердовичей — Андрей (старшие сыновья умершего в 1377 г. грозного литовского правителя были недовольны передачей престола Ягайло — сыну Ольгерда от второго брака, с Ульяной Тверской)⁴⁵

В начале кампании, когда Мамай с войском кочевал за Доном, а Дмитрий находился в Коломне, Мамаевы послы привезли требование платить выход, как при хане Джанибеке (сыне Узбека), «а не по своему докончанию. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитья, и хотѣ ему выход дати по крестьяньской силѣ и по своему докончанию, како с ним докончалъ. Он же не въсхотѣ»⁴⁶ Под «своим докончаньем» имелось в виду соглашение, заключенное Дмитрием с Мамаем во время личного визита в Орду в 1371 г. Но Мамай, рассчитывая на перевес в силах, не уполномочил своих послов идти на уступки.

В походе против Мамаю приняли участие, по-видимому, большинство князей, ходивших в 1375 г. на Тверь. Исключение составили суздальско-нижегородские князья, чьи владения дважды подверглись разорению в предшествующие годы, князья устюжские (очевидно, не успевшие прийти из-за отдаленности своих владений), и вместо новосильского князя, озабоченного обороной своих владений от двигавшихся через них на соединение с Мамаем войск Ягайло, к Дмитрию присоединился отряд во главе с его сыном⁴⁷

Русское войско, стремясь не допустить соединения Мамаю с Ягайло, выдвинулось в верховья Дона. Впервые за время ордынской власти была взята на вооружение наступательная стратегия. Более того, 7 сентября Дмитрий принял

решение перейти на правый берег Дона близ устья Непрядвы, т. е. отказаться от удобной позиции, прикрытой от противника Доном. Тем самым он вынудил Мамай вступить в бой до подхода Ягайло (который бы резко изменил соотношение сил).

8 сентября ордынские войска атаковали русские порядки. Дмитрий принял участие в первой же схватке в составе сторожевого полка. Согласно летописной повести, составленной в 10-е или 20-е гг. XV в., приближенные великого князя советовали ему не участвовать непосредственно в бою, на что Дмитрий ответил: «Да како азъ възглаголю: братья моа, да потягнемъ вси съ единого, а самъ лице свое почну крыти и хоронитиоа назадъ? Не могу в томъ быти, но хошу яко же словомъ, такожде и дѣломъ напреди всѣхъ и пре дѣ всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочыи, то видѣвше, приимуть съ усердиемъ дръзновение».

Сторожевой полк вынужден был отступить, и Дмитрий продолжал сражаться в составе «великого» полка. Великому князю досталось множество ударов по голове и туловищу, но доспехи защитили его от ран. Ордынская конница постепенно стала теснить русское войско, однако удар засадного полка во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским и Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским решил исход сражения — после его вступления в бой главные московские силы перешли в контрнаступление, и татары обратились в бегство. Поражение Мамаевой Орды было полным, но потери с русской стороны оказались огромны. Погибли, в частности, пять князей и множество воевод⁴⁸

Бежав с поля битвы, Мамай собрал «останочную свою силу, еще възхотѣ ити изгономъ паки на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю Русскую землю», но вынужден был выступить против воцарившегося (с помощью Тимура) в заволжской части Орды Тохтамыша. Эмиры Мамай перешли на сторону нового хана, временщик бежал и был вскоре убит⁴⁹.

Противостояние Московского великого княжества и Мамаевой Орды завершилось крахом последней. Дмитрий Донской не позволил Мамаю восстановить власть над русскими землями. Но другим, невольным результатом Куликовской победы стало нарушение существовавшего почти 20 лет неустойчивого равновесия между двумя частями Орды — западной (Мамаевой) и восточной (Заволжской): разгром Мамаю способствовал объединению их под властью законного хана. Объективно более всего конкретной политической выгоды от поражения Мамаю на Куликовом поле получил Тохтамыш.

В самом конце 1380 г. Тохтамыш прислал послов к Дмитрию и другим русским князьям, «повѣдая имъ свои приходъ и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамаю побѣди». Зимой и весной 1381 г. русские князья, отпустив послов «съ честию и съ дары», «отъпустиша коиждо своихъ киличеевъ со многими дары ко царю Токтамышю»; в том числе Дмитрий Иванович «отпустилъ въ Орду своихъ киличеевъ Толбугу да Мохшѣя къ новому царю съ дары и съ поминки»⁵⁰ Посылка новому, легитимному правителю («царю») «даров и поминков» означала констатацию факта восстановления в Орде «нормальной» ситуации и формальное признание Тохтамыша сюзереном. Но вопрос о выплате задолженности по дани — «выходу», накопившейся за шесть лет противостояния с Мамаем, московская сторона не собиралась поднимать («дары и поминки» — не «выход»), Дмитрий не спешил восстанавливать даннические отношения с Ордой, но в то же время не имел оснований не признать царское достоинство (и, следовательно, формальное верховенство) нового правителя Орды, к тому же только что добившего его врага. Великий князь занял выжидательную позицию.

Узнав о поставлении в митрополиты Пимена вместо умершего Митяя, Дмитрий решил примириться с Киприаном, желая сохранить влияние на западнорусские епархии (по патриаршему решению они оставались за Киприаном, и

принятие Пимена означало раскол митрополии). В мае 1381 г. Киприан въехал в Москву, в то время как Пимен по возвращении на Русь был отправлен в ссылку в Чухлому⁵¹.

Летом 1381 г. Дмитрий восстановил союзнические отношения с Олегом Рязанским: тот, подобно Михаилу Тверскому в 1375 г., признал себя «младшим братом» Дмитрия и равным — «братом» — Владимиру Андреевичу Серпуховскому⁵².

Тем же летом на Русь отправился посол Тохтамыш Акхожа с отрядом в 700 человек. Он дошел до Нижнего Новгорода «и возвратися воспяты, а на Москву не дръзнулъ ити»⁵³. Причиной появления посольства было, скорее всего, то, что приспело время получить «выход» за 1380 г. (в котором Тохтамыш, владея заволжской частью Орды, уже был вправе считать себя ханом). Однако в Нижнем к Акхоже поступила, по-видимому, информация, что Дмитрий Иванович не настроен выплачивать дань; посол вернулся и доложил Тохтамышу о сложившейся ситуации, после чего хан и стал готовиться к военным действиям. Его поход не был мстью за поражение Мамаю на Куликовом поле (хотя среди бывших Мамаевых татар, вошедших в войска Тохтамыша, такой мотив наверняка имел место), поскольку, разгромив узурпатора, Дмитрий фактически оказал (не желая того, разумеется) Тохтамышу услугу, облегчив ему приход к власти, и гневаться хану было не на что; только когда Тохтамыш понял, что воодушевленные Куликовской победой москвичи не собираются выполнять вассальные обязательства (при том, что формально великий князь признал хана сюзереном), он решил прибегнуть к военной силе, чтобы заставить Дмитрия соблюдать их.

Тохтамышу удалось обеспечить внезапность нападения. Князь Дмитрий Константинович Нижегородский, узнав о приближении хана, отправил к нему своих сыновей Василия и Семена. Олег Рязанский указал Тохтамышу броды на Оке. Дмитрий Иванович покинул Москву и отправился в Кострому. Тохтамыш взял и сжег Серпухов и подошел 23 августа 1382 г. к столице. Оборону возглавлял литовский

князь Остей, внук Ольгерда (он сумел прекратить беспорядки, возникшие в Москве после отъезда великого князя). После трехдневной безуспешной осады Тохтамышу удалось обманом выманить Остея из города (ханские послы поклялись, что Тохтамыш не собирается разорять Москву, что его цель — найти Дмитрия; справедливость этих слов подтвердили находившиеся в войске хана суздальско-нижегородские князья), после чего он был убит, а татары ворвались в Москву и подвергли ее разгрому. После этого Тохтамыш распустил свои отряды по московским владениям: к Звенигороду, Волоку, Можайску, Юрьеву, Дмитрову и Переяславу. Но взять удалось только последний. Отряд, подошедший к Волоку, был разбит находившимся там Владимиром Андреевичем Серпуховским. После этого Тохтамыш покинул Москву и двинулся восвояси, по дороге взяв Коломну. Переправившись через Оку, он разорил Рязанскую землю; Олег Рязанский бежал⁵⁴.

Мотивы поведения Дмитрия Донского, а именно оставления им столицы, вызвали противоречивые оценки в историографии: мнения колеблются от признания отъезда необходимым тактическим маневром, имеющим целью сбор войск⁵⁵, до объявления его позорным бегством⁵⁶.

Если рассматривать действия великого князя на широком историческом фоне, так сказать, «истории осад», то его поведение оказывается типичным. Известно немало случаев, когда правитель княжества в условиях неизбежного приближения осады его столицы покидал ее и пытался воздействовать на события со стороны⁵⁷. Очевидно, существовало представление, что правитель должен по возможности избегать сидения в осаде — наиболее пассивного способа ведения военных действий⁵⁸. Дмитрий действовал в соответствии с этими тактическими правилами. Белокаменный Московский Кремль выдержал две литовские осады, и великий князь явно рассчитывал на его неприступность (собственно, расчет был верным — штурмом татары не смогли взять город). Полагать, что Дмитрий не позаботился как следует об

обороне столицы, оснований нет: князь Остей был не призван московским вечем (такую трактовку его появления можно встретить в литературе), а прислан великим князем⁵⁹

Взятие столицы противника — несомненно победа, и Тохтамыш выиграл кампанию. Однако факт разорения Москвы не должен заслонять общую картину результатов конфликта. Тохтамыш не разгромил Дмитрия в открытом бою, не продиктовал ему условий из взятой Москвы, напротив, вынужден был быстро уйти из нее. Помимо столицы, татары взяли только Серпухов, Переяславль и Коломну. Если сравнить этот перечень со списком городов, ставших жертвами похода Едигея 1408 г. (тогда были взяты Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец), окажется, что без учета взятия столицы масштабы разорения, причиненного Тохтамышем, выглядят меньшими. А события, последовавшие за уходом хана из пределов Московского великого княжества, совсем слабо напоминают ситуацию, в которой одна сторона — триумфатор, а другая — униженный и приведенный в полную покорность побежденный.

Осенью того же, 1382 года Дмитрий «посла свою рать на князя Олга Рязанского, князь же Олегъ Рязанский не во мнозѣ дружинѣ утече, а землю всю до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пусту створиша, пуще ему и татарьские рати»⁶⁰. Но главной проблемой был Михаил Тверской: поражение Дмитрия оживляло его претензии на великое княжение владимирское, казалось бы, похороненные в 1375 г.

Опасность союза Михаила с Тохтамышем осознавалась великим князем уже в самый момент нападения хана: вряд ли случайно Владимир Андреевич находился со своими войсками не где-нибудь, а у Волока, т. е. на пути из Москвы в тверские пределы; скорее всего, его целью было препятствовать ордынско-тверским контактам. Серпуховский князь справился с этой задачей не полностью: подошедшие к Волоку татары были разбиты, но посол Михаила сумел добраться до Тохтамыша и возвратиться; после этого тверской князь выехал к хану, «ища великого княжения», но двинул-

ся «околицею, не прямицами и не путма»⁶¹. Михаил, скорее всего, рассчитывал застать хана еще в русских пределах, но, будучи вынужден из опасения перед москвичами идти окольным путем, не сумел этого сделать.

Той же осенью к Дмитрию от Тохтамышша пришел посол Карач⁶². Целью этого посольства, несомненно, был вызов великого князя в Орду, естественный в сложившейся ситуации. Таким образом, Дмитрий после ухода Тохтамышша не только не поехал в Орду сам, но не отправил туда первым даже посла — фактически это означает, что великий князь продолжал считать себя в состоянии войны с Тохтамышем и ждал, когда хан сделает шаг к примирению. Не торопился Дмитрий и после приезда Карача — только весной следующего, 1383 года он отправил в Орду своего старшего сына Василия, «а съ нимъ боярь старѣишихъ»⁶³

Этот ход был политически точен. Во-первых, если бы великий князь отправился сам, его жизнь была бы в опасности — если не от хана (что, впрочем, должно было представляться вполне реальным — Михаил и Александр Тверские в 1318 и 1339 гг. были казнены за куда меньшие провинности, им и в голову не приходило воевать с «самим царем»), то от бывших Мамаевых татар, желающих отомстить за позор Вожи и Куликова поля, или находившихся в Орде людей Михаила Тверского. В случае гибели Дмитрия Московское княжество попало бы в сложную ситуацию: его старшему сыну было 11 лет. В убийстве же Василия заинтересованных не было: для хана оно означало бы усугубление конфронтации с Дмитрием, для Мамаевых татар не имело смысла, т. к. княжич не участвовал в Куликовской битве, для тверичей означало бы навлечь на себя месть Дмитрия, от которой, как показал пример Олега Рязанского, покровительство Орды не спасет. Во-вторых, поехав в Орду лично, Дмитрий поставил бы себя вровень с Михаилом Тверским и признал бы свое полное поражение. С другой стороны, послать кого-либо рангом ниже великокняжеского сына было бы в данной ситуации чрезмерной дерзостью.

Московское посольство, по-видимому, привезло в Орду дань за 2 года правления Тохтамыша с территории собственно Московского княжества. Выплата же выхода за тот же срок с земель великого княжества Владимирского была поставлена в зависимость от ханского решения о его судьбе: в случае оставления великого княжения за Дмитрием Ивановичем он гарантировал погашение долга, а если бы Тохтамыш отдал Владимир Михаилу Тверскому, Москва считала бы себя свободной от этих обязательств — выполнять их должен был бы новый великий князь владимирский. Тохтамыш предпочел не продолжать конфронтацию с сильнейшим из русских князей и оставить великое княжение за Дмитрием: передача ярлыка Михаилу привела бы к продолжению конфликта и сделала бы весьма сомнительными шансы хана получить когда-либо сумму долга. Настаивать на уплате выхода за 1380 г. и тем более за период правления в Орде Мамай Тохтамыш не стал. Таким образом, в 1383 г. был достигнут компромисс: Тохтамыш сохранил за собой позу победителя, но Дмитрий оказался в положении достойно проигравшего. Ценой за ярлык стали «дань тяжелая» и оставление Василия в заложниках при ханском дворе⁶⁴.

После событий 1382 г. Дмитрий вновь вошел в конфликт о митрополитом Киприаном, который бежал из Москвы при приближении осады и укрылся в Твери — у врага московского князя. Дмитрий изгнал Киприана и вернул на митрополию из ссылки Пимена⁶⁵. Но вскоре он решил возвести на митрополичий престол Дионисия Суздальского, с тем чтобы тот объединил под своей юрисдикцией восточные и западные (остававшиеся под властью Киприана) епархии. Дионисий получил от патриарха митрополичьи прерогативы, но по приезде в Киев был арестован местным князем Владимиром Ольгердовичем и умер в заточении. Митрополия осталась разделенной между Киприаном и Пименом⁶⁶.

В начале 1384 г. Дмитрий заключил новое соглашение с вернувшимся к тому времени из Орды Михаилом Тверским. Не дав последнему великого княжения владимирского, Тохтамыш тем не менее санкционировал признание неза-

висимого статуса тверского князя по отношению к московскому и возвращение под тверскую юрисдикцию Кашина (согласно договору 1375 г. отходившего под непосредственный сюзеренитет Дмитрия). Эти уступки Твери были зафиксированы в договоре⁶⁷

Весной 1385 г. Олег Рязанский напал на Коломну. Ответный поход на Рязань войска во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским был безуспешен. Только в конце 1385 г. благодаря посредничеству Сергия Радонежского мир с Рязанью был восстановлен⁶⁸

Зимой 1386—1387 гг. Дмитрий совершил поход на Новгород Великий, вызванный разорением новгородцами устюжских земель и волостей на Волге. Новгород был вынужден выплатить контрибуцию в 8000 рублей⁶⁹

В 1386 г. Василий Дмитриевич сумел бежать из Орды в Подолию, а в январе 1388 г. вернулся в Москву. После этого великий князь почувствовал себя раскованнее в отношении Орды. В марте того же года он помог своим шурыям Василию и Семену Дмитриевичам Суздальским в конфликте с их дядей Борисом, занявшим по смерти тестя великого князя Дмитрия Константиновича (1383 г.) нижегородский стол по ярлыку Тохтамышша. Борис, сохранивший свое княжение, но вынужденный отдать племянникам часть территории Нижегородского княжества, отправился после этого к хану с жалобой (он задержался в Орде до 1391 г.)⁷⁰

В начале 1389 г. Дмитрий урегулировал возникший было конфликт с Владимиром Андреевичем Серпуховским. В заключенном 11 марта докончании двоюродных братьев впервые говорится о возможности освобождения в будущем от власти Орды: «А оже ны Богъ избавит, ослободит от Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть» (речь шла о распределении доходов с Московского княжества)⁷¹. Вскоре великий князь тяжело заболел и 19 мая (через три дня после рождения у него сына Константина⁷²) скончался на 39-м году жизни. В своем завещании, составленном за несколько дней до смерти, Дмитрий передавал великое княжение вла-

димирское старшему сыну Василию как «отчину»⁷³ Ранее такого не случалось — после смерти очередного великого князя судьба великого княжения решалась в Орде. Шаг, предпринятый Дмитрием, явно был связан с соглашением, заключенным с Тохтамышем в 1383 г.: очевидно, именно тогда хан пошел на признание Владимирского великого княжения наследственным владением московского княжеского дома. В силу этого и Василию не пришлось, подобно всем его предшественникам, лично ездить за ярлыком в Орду.

В духовную вошел также следующий примечательный пункт: «А перемѣнить Богъ Орду, дѣти мои не имуть давать выхода в Орду, и который сынъ мой возмет дань на своем удѣлѣ, то тому и есть»⁷⁴

Таким образом, в 1389 г. впервые, причем сразу в двух документах, фиксировалась надежда, что при жизни нынешнего или следующего поколения отпадет необходимость уплаты дани — «выхода». Имелось в виду, скорее всего, повторение ситуации, реально имевшей место в 1374—1380 гг.: новое «неустройство» в Орде должно было повлечь прекращение платежа дани.

В исторической памяти потомков Дмитрий Донской остался прежде всего как победитель на Куликовом поле: именно Куликовская битва стала на века примером воинской доблести и вообще одним из ключевых пунктов исторического самосознания великоруссов. Но рассмотрение всей деятельности Дмитрия Ивановича приводит к заключению, что его политические достижения превосходят полководческие. Дмитрий не был столь природно одаренным воителем, как его прапрадед Александр Невский. Полководческое искусство он постигал через неудачи (показательно в этом плане, как оно возрастало в кампаниях против Одьгерда 1368, 1370 и 1372 гг.). И после блестяще проведенной кампании 1380 г. Дмитрию пришлось познать поражения (1382 и 1385 гг.). Зато как политик он неуклонно шел к своей главной цели — превращению Владимирского великого княжества из предмета вожделений князей разных ветвей в составную часть владений московской династии. Дмитрий

добился признания этого Литвой, Тверью, наконец государством-сувереном — Ордой, причем в последнем случае сумев обернуть военное поражение политической победой. Первенствующее положение Москвы в северных и восточных русских землях перестало теперь жестко, напрямую зависеть от позиции Орды. С точки зрения исторической объективности первое определение Дмитрия Донского должно звучать как «политик, создавший основу государственной территории будущей России».

В изображении современниками и потомками места Дмитрия Донского среди правителей его эпохи бросается в глаза не только отмеченное в начале этой главы противоречие между прославлением этого князя как защитника Руси и отсутствием его почитания церковью как святого⁷⁵ В «Слове о Житии» Дмитрия, написанном в конце 10-х или в 20-х гг. XV в., он многократно именуется «царем», т. е. титулом, прилагавшимся только к правителям высшего ранга, титулом, соответствующим западному «император»; само полное название этого произведения звучит: «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитриа Ивановича, царя русьскаго». Но в летописных повестях о конфликте с Тохтамышем отъезд Дмитрия из Москвы объясняется нежеланием «поднять руку» на «самого царя» (т. е. хана) — великий князь выглядит здесь как человек, признающий свое более низкое положение по сравнению с царем. А Никоновская летопись, созданная в 20-е гг. XVI в., т. е. после полной ликвидации ордынского суверенитета, вкладывает в уста Тохтамыша (под 1384 г.) следующие слова: «А что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея Московского, и азъ его поустрашилъ, и онъ мнѣ служит правдою, и язъ его жалую по старинѣ во отчинѣ его»⁷⁶ Почему один и тот же человек может расцениваться то как «царь», т. е. полностью суверенный правитель, то как «улусник» — глава зависимого политического образования? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться, что вкладывалось в средневековой Руси в понятия «царь» и «царство».

§ 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЦАРЕ» И «ЦАРСТВЕ»

Термин «царь» (сокр. от «цѣсарь») восходит к имени Юлия Цезаря (Caesar), ставшему в Римской империи одним из титулов верховных правителей. В древнерусский язык он попал, по-видимому, из старославянской литературы⁷⁷, где мог обозначать (помимо Бога — Царя Небесного) библейских правителей, римских и византийских императоров⁷⁸. В аналогичных значениях он встречается в древнерусских переводных (служба переводом обычно греч. βασιλεύς) и оригинальных памятниках. С конца XII в. известны случаи применения данного термина также к императору Священной Римской империи («цесарь немецкий» или «цесарь римский»)⁷⁹. В домонгольскую эпоху преобладала форма «цѣсарь»⁸⁰.

Первый случай приложения царского титула к русскому князю относится к 1054 г. В граффито на стене киевского собора св. Софии говорится об «успении царя нашего»; речь идет о Ярославе Мудром⁸¹. Впоследствии в домонгольскую эпоху царями именовались тот же Ярослав, свв. Борис и Глеб, Мстислав Владимирович (сын Владимира Мономаха), его сын Изяслав и внук Роман Ростиславич; к Владимиру Мономаху, Изяславу Мстиславичу и его брату Ростиславу прилагался глагол «царствовати», в отношении прав-

ления Мстислава Владимировича и его внука Рюрика Ростиславича употреблялся термин «цесарствие», «цесарство»⁸² Можно ли на основе этих данных говорить о претензиях правителей Киевской Руси на царское достоинство, т. е. на равный статус с императорами Византии и Священной Римской империи? Скорее всего, нет. Среди русских князей, к кому прилагалась «царская» терминология, — Борис и Глеб, которые киевскими князьями не были. Как показано В. А. Водовым, применение царского титула к русским князьям носило окказиональный характер: он мог употребляться для прославления князя с использованием византийских образцов красноречия, для подчеркивания политического престижа умершего князя, в связи с главенством князя в церковных делах и с культом князя-святого⁸³

Таким образом, претензий на титул «царя» в домонгольской Руси не прослеживается (в отличие от соседней с Византией Болгарии). Причина этого, очевидно, во многом связана с особенностями политической структуры Руси конца X — середины XII в. В этот период все восточнославянские земли находились под властью княжеского рода Рюриковичей: верховным правителем являлся тот, кто считался «старейшим» в роде и занимал киевский стол. Отсюда — определенная индифферентность к титулатуре: не употреблялся в это время последовательно и титул «великий князь» — он начинает применяться с конца XII в.⁸⁴, когда обособление самостоятельных княжеств и распад княжеского рода на отдельные ветви создали ситуацию, в которой потребовался особый титул для подчеркивания политического верховенства. Соответственно и термин «царь», попав на Русь как раз в период относительно безразличного отношения Рюриковичей к титулатуре, титулом не стал, а использовался как своего рода обозначение князя «высоким стилем».

Ситуация изменилась в середине XIII столетия. После похода Батыея и установления зависимости русских княжеств от монголо-татар титул «цесарь»/«царь» начинает последовательно применяться в русских источниках к их правителю. Первоначально так именуется главным образом

великий хан в Каракоруме, а с 60-х гг. XIII в., после утверждения полной самостоятельности западного улуса Монгольской империи — Орды, — хан, правящий в этой последней⁸⁵ Только силой Монгольского государства и присвоением его правителем верховной власти над Русью перенос царского титула на ордынского хана объяснить трудно: вполне могло бы подойти и тюрко-монгольское слово «хан», тем более что в первые годы ордынского владычества оно встречается в русских источниках (как обозначение великого хана)⁸⁶ Очевидно, решающим для присвоения монгольским ханам хорошо известного на Руси титула было другое обстоятельство.

В 1204 г. столица Византии Константинополь — Царьград — был захвачен крестоносцами. На Руси это событие было расценено как «гибель царства». «И тако погыбе царство богохранимого Костянтиняграда и земля Грѣчьская въ свадѣ цесаревъ, ею же обладають фрязи», — завершает свой рассказ автор «Повести о взятии Царьграда»⁸⁷ Нет данных, чтобы Никейская империя, наследовавшая Византийской в период, когда Константинополь находился в руках латинян (1204—1261 гг.), рассматривалась на Руси как полноценный преемник последней — для русских людей «царствующим градом» был Константинополь. Именно на этот период «отсутствия царства» пришлось монголо-татарское завоевание. Перенос царского титула на правителя Орды, по-видимому, свидетельствует о том, что Орда определенным образом заполнила лакуну в мировосприятии, заняла в общественном сознании место «царства» (на момент завоевания пустующее).

Восстановление Византийской империи в 1261 г. не только не изменило положения, но скорее закрепило сложившуюся ситуацию: императоры и константинопольский патриархат вступили тогда с Ордой в союзнические отношения и тем самым как бы легитимировали положение этого государства в Восточной Европе, в т. ч. зависимость от него русских земель, подчинявшихся Константинополю в церковном отношении⁸⁸.

Таким образом, теперь на Руси стали именовать «царем» не только далекого, практически не влияющего на внутренние дела русских земель правителя, но и человека, являвшегося реальным верховным сюзереном русских князей.

С появлением татарского «царства» возникают новые черты в применении термина «царь» к русским князьям. Резко падает частота его употребления: в период середины XIII — начала XIV в. встречаются случаи именованья «царями» (не отображающие, как и примеры из домонгольской эпохи, претензий на обладание царским титулом) только двух князей — Владимира Васильковича Волынского (умер в 1288 г.) и Михаила Ярославича Тверского, великого князя владимирского (умер в 1318 г.)⁸⁹ Примечателен контекст, в котором галицкий летописец середины XIII в. предлагает термин «царь» к князю Роману Мстиславичу (умер в 1205 г.), рассказывая об унижениях, какие пришлось претерпеть его сыну Даниилу в ставке Батыя: «Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братом си, инѣми странами, ннѣ сѣдитъ на колѣну и холопомъ называется, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходятъ. О злая честь татарская! Его же отецъ бѣ царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны всѣ. Сынъ того же не прия чести»⁹⁰ То есть Роман Мстиславич был «царем», а Даниил, несмотря на все свое могущество, им не является, т. к. он стал вассалом хана. Утверждается, таким образом, представление о царе как правителе, не имеющем над собой сюзерена, а русские князья теперь не подходят под это определение.

До второй половины XIV столетия сюзеренитет ордынского «царя» над Русью⁹¹ не подвергался сомнению ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли. Акты сопротивления татарам были связаны с междукняжескими конфликтами на Руси (князья могли оказываться в конфронтации с ханом, поддерживавшим их соперников), за этим не стояло осознанное стремление к полному уничтожению зависимости⁹². Лишь в «Повести о Михаиле Твер-

ском» (1319—1320 гг.) можно усмотреть мысль о временном характере татарского господства над Русью, но проводится она крайне завуалированно, в виде намека, путем использования примера из истории Византии⁹³

В произведениях русской письменности второй половины XIII — первой половины XIV в. почти нет уничижительных эпитетов по отношению к законным правителям Орды — «царям». При этом в литературе Северо-Восточной Руси есть всего два исключения из этого правила: в «Повести о Михаиле Тверском» хан Узбек именуется «беззаконным», «законопреступным» и «окайным», а в тверском летописном рассказе о восстании 1327 г. и последующем ордынском походе на Тверь — «беззаконным»⁹⁴; два первых эпитета — достаточно мягкие, всего лишь констатирующие, что хан не знает истинного Закона, т. е. не является христианским «царем».

В 60—70-е гг. XIV в. в Орде развернулась междоусобная борьба. Обычным стало положение, когда там было одновременно два «царя» (а временами и более). Самым же могущественным политиком в этом государстве сделался (впервые) человек, не принадлежащий к «царскому» роду (т. е. к династии Чингизидов) — Мамай. Хань при нем превратились в марионеток, которых Мамай менял по своему усмотрению. На Руси такая ситуация осознавалась очень четко. Хан, от лица которого правил Мамай, мог быть пренебрежительно назван «Мамаевым царем»⁹⁵, прямо говорилось, что Мамай «у себе в Ордѣ посадил царя другого»⁹⁶. Полновластие Мамаея особо подчеркнуто в следующих летописных характеристиках: «...царь ихъ не владѣяше ничимъ же, но всяко старѣишинство держаще Мамай»⁹⁷; «Некоему убо у них худу цѣсарююще, но все дѣюще у них князю Мамаю»⁹⁸ Таким образом, Мамай рассматривался как узурпатор «царства» («царем» русские авторы-современники его никогда не называли). Соответственно и открытая конфронтация великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича с Мамаем в 1374—1380 гг.

была борьбой с незаконным правителем, а не с легитимным «царем».

Совсем по-иному отнеслись на Руси к конфликту с природным Чингизидом Тохтамышем⁹⁹. В отличие от Мамаю, одаряемого такими эпитетами, как «поганный», «безбожный», «злочестивый»¹⁰⁰, к Тохтамышу пейоративные характеристики не прилагались. Особенно же примечательна оценка действий Дмитрия Донского во время похода хана на Москву в 1382 г., когда великий князь покинул город, отказавшись от сражения с противником.

Наиболее раннее повествование о походе Тохтамыша (сохранившееся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи) следующим образом объясняет поведение великого князя: «Князь же великийи Дмитрией Ивановичь, то слышавъ, что сам царь идеть на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому»¹⁰¹. Это суждение летописца верно лишь в том смысле, что Дмитрий не стал принимать открытого генерального сражения, а не в том, что он вообще отказался от сопротивления: великий князь не поехал на поклон к хану, не пытался с ним договориться; его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховский разбил татарский отряд у Волока; по словам того же летописца, Тохтамыш «въскорѣ отиде» из взятой им Москвы, «слышавъ, что князь великийи на Костроме, а князь Володимеръ у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда»¹⁰². Фактически московские князья «стали на бой» и «подняли руку» против «царя». Они отказались только от встречи с ним в генеральном сражении. Как же понимать летописное объяснение действий Дмитрия Донского?

Мнение, что данная характеристика содержит обвинение великого князя в малодушии (поскольку принадлежит, возможно, сводчику, близкому к митрополиту Киприану, враждебно относившемуся к Дмитрию)¹⁰³, не представляется убедительным. Весь тон летописного рассказа о нашествии Тохтамыша — сочувственный к московским князьям. Автор с симпатией говорит о победе Владимира Андреевича, о

мести Дмитрия принявшему сторону Мамаю Олегу Ивановичу Рязанскому, пишет даже фактически о страхе Тохтамыша перед московскими князьями, заставившем его быстро уйти из Северо-Восточной Руси («чая на себе наезда, того ради не много дней стоявше у Москвы»); сочувственно изображено и возвращение Дмитрия и Владимира в разоренную Москву («князь великий Дмитриий Ивановичъ и братъ его князь Володимеръ Андреевичъ съ своими бояры въехала въ свою отчину въ градъ Москву и видѣша градъ взятъ и огнемъ пожженъ, и церкви разорены, и людии мертвыхъ бесчисленное множество лежащихъ, и о сем зѣло сжалишася, яко расплакаться има...») ¹⁰⁴ Поэтому характеристику мотивов поведения Дмитрия Донского нельзя считать уничтожительной. Речь может идти о том, что объяснение отказа от открытого боя нежеланием сражаться с «самим царем» было лучшим в глазах общественного мнения оправданием для князя, более предпочтительным, чем констатация несомненно имевшего место недостатка сил после тяжелых потерь в Куликовской битве. Заметим, что поход Тохтамыша был первым случаем после Батыева нашествия, когда на Северо-Восточную Русь во главе войска явился сам хан улуса Джучи; а если учесть, что Батый в современных русских известиях о его походах 1237—1241 гг. царем не называется, то это вообще первый приход на Русь «самого царя». Очевидно, что представление об ордынском хане как правителе более высокого ранга, чем великий князь владимирский, не было уничтожено победой над узурпатором-Мамаем. Попытка строить отношения с законным «царем», формально признавая его верховенство, но не соблюдая главного атрибута зависимости — выплаты дани (как это было в конце 1380—1382 г.), не удалась.

Тем не менее к концу XIV столетия определенные изменения в отношении к ордынскому «царю» произошли. В московско-тверских договорных грамотах оборонительная война с «царем» начинает рассматриваться как само собой разумеющееся дело, стороны договариваются о совместных действиях на этот случай ¹⁰⁵. Но при этом такая война расце-

нивается как действие, в котором царь вправе обвинить великого князя¹⁰⁶, т. е. сохраняется отношение к хану как к законному сюзерену.

Когда в период с 1395 по 1411 г. реальная власть в Орде вновь оказалась в руках нелегитимного правителя — Едигея, московские правящие круги опять, как и в 70-е гг. XIV в., уклонялись от выплаты дани (хотя и не стремились идти на обострение отношений), т. е. от соблюдения главного атрибута зависимости; причем поход Едигея на Москву в 1408 г. не привел к восстановлению ордынской власти (как иногда постулируется в литературе): отношения с Ордой оставались враждебными и в последующие годы¹⁰⁷. Зато после воцарения в 1412 г. сына Тохтамыша Джелал-ад-Дина, т. е. после восстановления легитимного правления, великий князь Василий Дмитриевич отправился в Орду (чего не делал при вступлении на престол ханов-марионеток Едигея)¹⁰⁸.

В 1414 г. Едигей вернулся к власти в Орде, вновь возведя на престол своего ставленника¹⁰⁹, и сразу же после этого, зимой 1414—1415 гг., московские войска двинулись походом на Нижний Новгород. Нижний, входивший с 1392 г. в великокняжеские владения, был пожалован Едигеем в 1408 г. князьям из местной династии¹¹⁰. Джелал-ад-Дин в 1412 г. подтвердил это пожалование¹¹¹, и, пока правили Тохтамышевичи, Москва не оспаривала его. Но как только к власти вернулся узурпатор, Василий I, очевидно посчитав себя свободным от обязательств (т. к. законного сюзерена теперь не было), отправил на Нижний Новгород войска, и город был возвращен под московскую власть¹¹².

В конце 10-х или начале 20-х гг. XV в. было создано «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»¹¹³. В нем встречаем семь случаев (факт беспрецедентный во всей предшествующей русской истории) именованья великого князя «царем»¹¹⁴. Очевидно, в глазах автора «Слова» право на такое титулование давало независимое правление Дмитрия (в 1374—1380 гг.) при отсутствии реально правящего царя в Орде. У самого Дмитрия Донского такие претензии не прослеживаются,

речь следует вести об осмыслении событий в конце 1-й четверти XV в. человеком, который был свидетелем еще одного периода отсутствия в Орде «нормальной ситуации», — времени правления Едигея (1396—1411, 1414—1416, 1417—1419 гг. — около 20 лет в общей сложности). В «Слове о житии» встречается и еще одно примечательное явление — «царем» именуется прародитель Дмитрия Владимир Святой¹¹⁵

После смерти Василия I в 1425 г. разгорелся спор о наследовании престола между его малолетним сыном Василием и братом Юрием Дмитриевичем. В результате посредничества митрополита Фотия Юрий отказался от своих притязаний, но на время: стороны договорились вынести спор на суд «царя»¹¹⁶ Такое решение было принято в условиях, когда в Орде шла борьба за власть между несколькими претендентами¹¹⁷ Если бы в московских правящих кругах существовало стремление покончить с зависимостью от Орды, для этого был весьма подходящий с военно-политической точки зрения момент — средств для восстановления власти силой, как у Тохтамыша и Едигея, претенденты на ханский престол тогда не имели. Но, очевидно, при великокняжеском и удельнокняжеских дворах не возникало самой мысли такого рода: царь есть царь, как бы слаб он ни был, — это сюзерен, верховенство которого надо признавать. И решение спора о великом княжении лучше всего вынести на суд сюзерена, что и было сделано 6 лет спустя, в 1431 г.¹¹⁸

Правление Василия II (1425—1462 гг.) пришлось на период, когда ордынские «замятни»-междоусобицы, в отличие от прежних времен, стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а появлением на территории Орды особых, практически независимых политических образований. В его княжение оформились Казанское и Крымское ханства, а на «основной» ордынской территории — в степях от Волги до Днепра — соперничали со второй половины 30-х гг. два хана — Кичи-Мухаммед и Сеид-Ахмет (Орда последнего распа-

лась во второй половине 50-х гг.)¹¹⁹ Всех правителей этих осколков прежней Орды в Москве именовали «царями».

В княжение Василия II получает продолжение тенденция к признанию царского достоинства за русскими князьями домонгольской эпохи — в письме константинопольскому патриарху в 1441 г. великий князь именуется «царем» Владимира Святого¹²⁰ Кроме того, «царем» начинают именовать самого великого князя. В отличие от «Слова о житии и о преставлении» Дмитрия Донского, царский титул по отношению к великому князю московскому применяется теперь при его жизни и при наличии в Орде законного, реально правящего царя (после смерти Кичи-Мухаммеда в конце 50-х гг. правителем Большой Орды — главного наследника единой ордынской державы — стал его сын Махмуд¹²¹).

Ранее всего царский титул прилагается к Василию II в начале 40-х гг. Симеоном Суздальцем в первой редакции его «Повести о Флорентийском соборе» («белый царь всея Руси») ¹²² и Пахомием Сербом в третьей редакции «Жития Сергия Радонежского» («великодержавный царь русский», «благоразумный царь») ¹²³, в обоих случаях при изложении конфликта великого князя с митрополитом Исидором по поводу решений Флорентийского собора в конце 30-х гг. Применение царской титулатуры в этих произведениях связано с ролью Василия Васильевича как защитника православия в ситуации, когда «греческий царь» — император Византии согласился на унию с католической церковью, подразумевающую главенство папы римского. В начале 60-х гг. царский титул по отношению к Василию II неоднократно употребляется в «Слове избраном от святых писаний, еже на латыню», также посвященном Флорентийскому собору и его последствиям¹²⁴ Но тогда же, в 1461 г., митрополит Иона в послании в Псков упоминает Василия как «великого господаря, царя рускаго» уже вне связи с этими событиями¹²⁵

Очевидно, в середине XV в. делаются первые шаги на пути становления идеи о переходе к московским великим князьям царского достоинства от византийских императо-

ров. Разумеется, более сильным, чем согласие «греческого царя» на унию, стимулом здесь стало взятие Константинополя турками в 1453 г., обозначавшее гибель христианского православного «царства».

Если после падения Константинополя в 1204 г. возникли Никейская и Трапезундская империи, продолжали существовать такие независимые православные государства, как Болгария и Сербия, ряд крупных русских княжеств, то после 1453 г. единственным православным государством, представлявшим реальную силу, было Московское великое княжество. Оно имело, таким образом, все основания наследовать место Византии в мире, т. е. стать «царством». Формированию представления о «царском» характере власти великого князя московского могло способствовать и установление тогда же автокефалии русской церкви¹²⁶. При поставлении митрополита теперь все решала воля великого князя, санкция константинопольского патриарха не требовалась: а верховенство в церковных делах считалось прерогативой только одного светского правителя — императора, «царя».

Но царь не может подчиняться другому царю, он должен быть полностью суверенным правителем. Идея о царском достоинстве московского великого князя неизбежно должна была прийти в противоречие с продолжавшимся признанием верховенства хана Орды.

В 1472 г. хан Большой Орды Ахмат (отнявший власть у своего брата Махмуда) попытался совершить поход на Москву, но был вынужден отступить от Оки у Алексина, встретив сопротивление войск великого князя Ивана III¹²⁷. В великокняжеском летописании говорится о страхе «самого царя» при виде русских войск¹²⁸. В летописных памятниках, созданных в первой половине 70-х гг., появляются уничижительные эпитеты по отношению к Махмуду и Ахмату¹²⁹; тогда же начинают активно прилагаться такого рода определения к основателю Орды Батыю (в виде вставок в рассказы о взятии Киева в 1240 г. и о убиении в Орде Михаила Черниговского в 1246 г.¹³⁰), а в особо концентрированном виде — в созданной в 70-е гг. Пахомием Сербом «Повести

о убиении Батгья»¹³¹). К 1472 г. относится создание Жития Ионы, архиепископа новгородского, в котором настойчиво повторяется убеждение, что в правление Ивана III произойдет «освобождение» от «мучительства ординьских царей» (об этом, согласно Житию, пророчествовал умерший в ноябре 1470 г. Иона Василию II и самому Ивану III в начале его правления)¹³². Одновременно о этими явлениями в общественной мысли имело место фактическое непризнание Иваном III власти хана (хотя Ахмат был законным правителем Орды)¹³³.

В 1480 г. состоялся второй неудачный поход Ахмата на Москву, после которого Большая Орда больше не претендовала на сюзеренитет. В написанном во время т. н. «стояния на Угре» послании архиепископа Вассиана Ивану III (имевшем целью подвигнуть великого князя на решительные действия) содержится ряд примечательных моментов.

Во-первых, Вассиан неоднократно именует Ивана III «царем», а его державу «царством»: термин «царь» и производные от него употреблены в послании по отношению к великому князю 10 раз¹³⁴ — такого не удостоивался прежде никто из русских князей. Употребление подобной терминологии было призвано подчеркнуть суверенность власти Ивана III и независимость возглавляемого им государства. Во-вторых, Вассиан следующим образом рассуждает по поводу права Ивана III на сопротивление хану: «Аще ли еще любопришася и глаголеши, яко: «Под клятвою есмы от прародителей, еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати», — послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужи бывает, прощати о таковых и разрѣшати нам повелѣно есть, иже прощаем, и разрѣшаем, и благословляем, яко же святѣйший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тѣм же луче бѣ солгавшу живот получитьи, нежели истинствовавшу погибнути, еже есть пущати тѣх в землю на разрушение и потребление всему христьянству и святыхъ церквей запустѣние и осквернение. И не подобитися окаанному оно-

му Ироду, иже не хотѣ клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель, научи сему богостудному и скверному самому называющуюся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьянскому царю! Но точию нашего ради согрѣшению и неисpravления к Богу, паче же отчаанию, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окааного Батыа, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска»¹³⁵

По мнению Ю. Г. Алексеева, приписывание Вассианом Ивану III нежелания «поднимать руку против царя» (кстати, здесь у Вассиана дословное повторение летописного объяснения отказа Дмитрия Донского от открытого боя с Тохтамышем) является чисто литературным приемом, не имеющим реальной почвы¹³⁶ Но вряд ли в послании, непосредственно обращенном к великому князю, Вассиан мог бы приписывать ему мысли, которые никогда не посещали и не могли посетить его адресата. «Комплекс царя», психологический барьер, из-за которого было сложно заставить себя вести активные военные действия против «главного» татарского хана, в течение более чем двух столетий считавшегося правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей, продолжал существовать¹³⁷ Вассиан опровергает не вымышленный им, а реальный аргумент, который, скорее всего, высказывался напрямую группировкой «примиренцев», советующих Ивану, по словам Вассиана, «не противитися сопостатом, но отступить»¹³⁸ Чтобы опровергнуть этот аргумент, духовник великого князя осуществляет резкий разрыв с традицией, признающей легитимность власти татарских ханов. Он объявляет Ахмата самозванным царем («сему богостудному и скверному самому называющуюся царю»), но не потому, что он является (подобно Мамаю) узурпатором (ханское происхождение Ахмата сомнений не вызывало), а потому, что и сам Батый, завоевавший Русь, не был царем, и не был царским род, к которому он принад-

лежал, т. е. род Чингисхана. Таким образом, чтобы подвинуть Ивана III на активные действия, Вассиан не только объявляет его равным татарскому царю, но отказывает в царском достоинстве всем Чингизидам¹³⁹, т. е. объявляет не-легитимными все 240 лет их сюзеренитета над Русью¹⁴⁰

После ликвидации зависимости от Орды царский титул стал все чаще применяться к московским великим князьям, но официальное венчание московского правителя на царство произошло спустя более чем полвека, т. е. обретение независимости было далеко не последним шагом для формирования представлений о царском достоинстве московских князей.

В дипломатических документах вплоть до Ивана IV отображалось представление о крымском хане (после ликвидации Большой Орды в 1502 г. оставшемся главным наследником бывшей ордынской державы) как правителе более высокого ранга, чем великий князь московский¹⁴¹. Более того, в массовом сознании царское достоинство Ивана IV связывалось, по-видимому, не столько с венчанием 1547 г., сколько с покорением в 1552 г. Казанского ханства («царства»)¹⁴². В этом отобразилось распространенное в средневековой литературе представление, что можно стать царем в результате завоевания «царства»¹⁴³

В закреплении за московскими великими князьями титула «царь» обычно видят синтез двух традиций: в семиотическом плане российский царь наследует византийскому императору, в территориально-политическом — хану Золотой Орды¹⁴⁴. Однако ведущую роль в обосновании легитимности царского титула у московского великого князя сыграло все-таки, по-видимому, утвердившееся к началу XVI в. представление о том, что царским достоинством обладали еще правители Киевской Руси. При этом прослеживающаяся с начала XV в. тенденция к признанию «царем» крестителя Руси Владимира Святославича¹⁴⁵ сменилась иной концепцией. В сложившемся в начале XVI в. «Сказании о князьях владимирских», во-первых, проводится мысль о происхождении Рюриковичей от «сродника» римского им-

ператора («царя») Августа¹⁴⁶, во-вторых, утверждается, что Владимир Мономах получил от византийского императора царские регалии и «наречется... царь Великия Русия»; этими регалиями венчаются его потомки — великие князья владимирские и московские (вплоть до нынешнего правителя Василия III)¹⁴⁷. Легенда о получении Владимиром Мономахом царских инсигний вошла затем в чин венчания русских царей¹⁴⁸. Складываются и закрепляются, следовательно, представления о царском происхождении московских князей и о наследовании царского достоинства и титула из Византии в глубокой древности. А это означает, что «русское царство» древнее «татарского царства»: русские князья оказываются потомками древнеримских императоров, еще в домонгольскую эпоху они обладали царским титулом и теперь как бы возвращают его себе после долгого владычества «нечестивого» царя. В апелляции к царскому происхождению и древности царского достоинства у русских князей можно усмотреть стремление доказать, что «российское царство» стоит выше татарских «царств» (включая уже несуществующую Золотую Орду). Эти представления как бы заменяли не получившую поддержки идею Вассиана, согласно которой более высокий статус московского великого князя был обусловлен самозванчеством Чингизидов: если Вассиан поднимал статус московского правителя путем принижения статуса ордынских ханов, то идеологи конца XV — начала XVI в. достигали того же, не затрагивая «царского» достоинства Чингизидов.

Таким образом, эволюция представлений о «царе» и «царстве» в средневековой Руси демонстрирует взаимодействие политических реалий и ментальных установок: изменения политической ситуации влекли за собой перемены в смысловом содержании и сфере применения царского титула, а формировавшиеся по отношению к последнему установки влияли на поведение людей в складывавшихся новых политических обстоятельствах.

В развитии представлений о царе и царстве до официального принятия царского титула московскими великими

князьями можно выделить три этапа. В домонгольскую эпоху термин «царь» воспринимался как титул «чужого» правителя, а sporadическое применение его к русским князьям не содержало в себе претензий на обладание царским титулом, а следовательно, и на то, чтобы Русь считать «царством» (т. е. империей). В эпоху ордынского ига «царем» именовался верховный сюзерен русских земель. Поскольку теперь обладатель царского титула оказывал реальное воздействие на жизнь Руси, индифферентность по отношению к этому титулу сошла на нет. Утвердилось представление о царе как полностью суверенном правителе; следовательно, стремление к независимости подразумевало теперь стремление к царскому титулу, и, наоборот, претензии на царский титул подразумевали стремление быть независимым правителем. Такие претензии начинают проявляться у московских великих князей с середины XV в.¹⁴⁹, и только после этого возникает осознанное стремление к ликвидации зависимости от ордынского хана. Царское достоинство стало рассматриваться как полученное из Византии, но не после крушения империи, а в эпоху ее бывшего могущества. В политическом аспекте утверждение царского титула было связано в первую очередь с противостоянием Орде и ее наследникам, причем следует говорить не столько о наследовании власти ордынского царя, сколько о стремлении поставить власть московского князя выше его власти. Это достигалось путем присвоения титула, равноценного титулу правителя Орды, с одновременным обоснованием большей древности царского достоинства русских князей и их родственной связи с императорами Древнего Рима.

Примечания

¹ ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 60.

² Там же. Стб. 62.

³ Там же. Стб. 62—63.

⁴ Там же. Стб. 68.

- ⁵ См.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5—6. С. 63, 67—68. Утверждение В. А. Кучкина, что Дмитрий не умел ни читать, ни писать (Там же. С. 73), представляется необоснованным. Обучение грамоте было обязательным элементом воспитания княжеских детей. Реплика «Слова о житии и о преставлении» Дмитрия, согласно которой князь «книгамъ не учень бѣяше добръ» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 355), имеет в виду, что Дмитрий не был (в отличие от многих князей средневековой Руси) книголюбом. Если бы князь был неграмотным, определение «добръ» было бы излишним.
- ⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68—69; Т. 18. С. 100.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 244—248, 269.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 70—71. О перипетиях внутриордынской борьбы см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 117—122; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 112—122; Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 181—195; Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983. С. 20—32.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 72—74; Т. 18. С. 101—102; Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. С. 62—64.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 74—75, 77—78, 83—84.
- ¹¹ Там же. Стб. 87; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 386.
- ¹² См.: Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 125; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 191, 201.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 88—90.
- ¹⁴ Там же. Стб. 92; Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (нач. XIII — нач. XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 91—92.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92—93.
- ¹⁶ Там же. Стб. 92; Григорьев А. П. Указ. соч. С. 54; Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 118.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 93.

- ¹⁸ Там же. Стб. 94—95.
- ¹⁹ Там же. Стб. 95.
- ²⁰ Там же. Стб. 96—97.
- ²¹ Там же. Стб. 98—104.
- ²² О дате грамоты см.: *Кучкин В. А. Русские княжества...* С. 89—91.
- ²³ ДДГ М.; Л., 1950. № 6. С. 22.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 98—100, 104.
- ²⁵ Там же. Стб. 104.
- ²⁶ Там же. Стб. 98—99; Т. 18. С. 111—112.
- ²⁷ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 100; Т. 18. С. 112; ДДГ № 6. С. 22.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 105—106.
- ²⁹ См.: *Егоров В. Л. Указ. соч. С. 204—205.*
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106; *Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 396.*
- ³¹ *Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 63—64; Кучкин В. А. Русские княжества... С. 97.*
- ³² ДДГ № 9. С. 26.
- ³³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109; Т. 18. С. 115; *Кучкин В. А. Русские княжества... С. 98—99.*
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 108—109; Т. 18. С. 115.
- ³⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109—110.
- ³⁶ Там же. Стб. 110—111; Т. 18. С. 115—116.
- ³⁷ ДДГ № 9. С. 25—26.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 112—113, 116.
- ³⁹ Там же. Стб. 116—117; Т. 18. С. 117—118.
- ⁴⁰ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118—119; Т. 18. С. 118—119.
- ⁴¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 133—135; Т. 18. С. 126—127. О битве на Воже см.: *Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы // ВИ. 1978. № 8. Возможно, именно перед битвой на Воже состоялась поездка Дмитрия за благословением в Троицкий монастырь к игумену Сергию Радонежскому, позже (в нач. XVI в.) связанная с событиями 1380 г. (см.: *Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990).**
- ⁴² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 135; Т. 18. С. 127.
- ⁴³ Там же. Т. 15. Стб. 120—132; *Кучкин В. А. Дмитрий Донской. С. 73—74, 76—77.*

- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 311—312; Т. 6. С. 92.
- ⁴⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138; НЛ. С. 375; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 158—167.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 314; Т. 6. СПб., 1853. С. 92.
- ⁴⁷ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 97—99.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 139—140; Т. 18. С. 129—130; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1—2. С. 311—324; Т. 6. С. 90—98; НЛ. С. 376—377. Анализ военной стороны конфликта см.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 7; *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 141; Т. 18. С. 130; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 391; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 109, 150—151; *Безунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 518—523.
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 141—142.
- ⁵¹ РИБ. Т. 6. Изд. 2-е. СПб., 1908. Приложение. Стб. 166—184; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 129—132, 142—143.
- ⁵² ДДГ № 10. С. 29—30.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 142.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 143—146; Т. 18. С. 131—133; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 326—338; Т. 6. СПб., 1853. С. 98—103; Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 190—207.
- ⁵⁵ *Греков И. Б.* Указ. соч. С. 159; *Буганов В. И.* От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига // Куликовская битва. С. 247.
- ⁵⁶ *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 122—123.
- ⁵⁷ См., напр.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200—201; НЛ. С. 73—74. Подобное явление (т. н. «регифугии») было распространено во всех странах Европы (см.: *Долманьош И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье. Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // *Études historiques hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVIe Congrès international des Sciences Historiques par le*

Comité National des Historiens Hongrois. Band. I. Budapest, 1985.

- ⁵⁸ В Московском княжестве вероятность применения такой тактики была закреплена в междукняжеских договорах: «Тако же и городная осада, оже ми, брате, самому състи в городѣ, а тебе ми послати из города, и тобѣ оставити своя княгини, и свои дѣти, и свои бояре. А будеть ми тебе оставити в городѣ, а [самому] ѣхати ми из города, а мнѣ, брате, оставити своя мати, [и свою братию] молодшую, и свои бояре»: ДДГ № 13. С. 38 (договор Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, 1390 г.).
- ⁵⁹ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 104—105.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; ср. Т. 18. С. 133.
- ⁶¹ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 339; Т. 15. Вып. 1. Стб. 147; Т. 15. М., 1965. Стб. 442; НЛ. С. 379.
- ⁶² Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147; Т. 18. С. 133—134.
- ⁶³ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 148; Т. 18. С. 134.
- ⁶⁴ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 108—110, 113.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147.
- ⁶⁶ См.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской. С. 78—79.
- ⁶⁷ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 110—112.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149—152.
- ⁶⁹ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 344—347.
- ⁷⁰ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 113—116.
- ⁷¹ ДДГ. № 11. С. 31.
- ⁷² Ранее, после первенца Даниила (рано умершего) и Василия у Дмитрия и Евдокии родились сыновья Юрий, Андрей, Петр и Иван.
- ⁷³ ДДГ № 12. С. 34.
- ⁷⁴ Там же. С. 36.
- ⁷⁵ Причина последнего факта, по-видимому, в напряженных отношениях Дмитрия с официальной церковью, его стремлении подчинять церковные дела мирским политическим целям. Отношение же к Орде, как показывает пример Федора Ярославского, в XIV—XV вв. не было в числе главных критериев при канонизации. То, что святыми были признаны князья, казненные в Орде, — Михаил Черниговский и Михаил Тверской, не являлось следствием их антиордынских настроений (ни тот, ни другой не помышляли о ликвидации ханского суверенитета над Ру-

сью), а было связано с обстоятельствами мученической кончины этих людей.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 84.

⁷⁷ См.: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 193—194, 252.

⁷⁸ Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). М., 1994. С. 774 («цѣсарь»); С. 775: производные от него «цѣсарьство», «цѣсарство» — царская власть, царство (в смысле государство, возглавляемое цесарем). Как конкретно произошло заимствование термина славянами (из лат. Caesar, греч. καίσαρ или через посредство готского Kaisar), остается предметом спора (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 290—291; Львов А. С. Указ. соч. С. 194).

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666—667, 728, 776, 814; НЛ. С. 46—47.

⁸⁰ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 1433—1434, 1460—1466.

⁸¹ См.: Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. С. 39—41.

⁸² Примеры применения к русским князьям «царской» терминологии собраны В. А. Водовым: *Vodoff W* Remarques sur le valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // *Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. 11.* Oxford, 1978. P. 8—19. См. также: *Щанов Я. Н.* Достоинство и титул царя на Руси до XVI века // *Царь и царство в русском общественном сознании.* М., 1999. С. 7—11.

⁸³ *Vodoff W* Op. cit.

⁸⁴ См.: *Poppe A.* Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // *Acta Poloniae Historica.* Т. 60. Warszawa, 1989.

⁸⁵ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 30.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745 (о Чингисхане), 785 (о Гуюке) — Галицкая летопись; Т. 1. Стб. 470—472 (40-е гг.) — летописание Северо-Восточной Руси; *Серебрянский Н. Н.* Древнерусские княжеские жития // *Чтения ОИДР.* 1915. Кн. 3. Приложение. С. 55 («Сказание о убиении в Орде Михаила Черниговского» в редакции отца Андрея).

⁸⁷ НЛ. С. 49.

- ⁸⁸ См.: *Meyendorff I. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the XIV-th Cenrury.* Cambridge, 1981. P. 69—73.
- ⁸⁹ *Vodoff W.* Op. cit. P. 14—17. Кроме того, в т. н. «Похвале Ивану Калите» 1340 г. правление этого князя именуется «царством» (см.: *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 95—96).
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807—808.
- ⁹¹ В дальнейшем речь пойдет о Северной Руси, т. е. территории, на которой сформировалось в XV—XVI вв. Московское царство; эволюция представлений о «царе» и «царстве» в Южной и Западной Руси (землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского и Польши) может быть особой темой.
- ⁹² См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. Гл. 1—5.
- ⁹³ См.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 254.
- ⁹⁴ Там же. С. 251—252; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 39, 42—43.
- ⁹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 74, 95.
- ⁹⁶ Там же. Стб. 92; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 389.
- ⁹⁷ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 416.
- ⁹⁸ НИА. С. 376.
- ⁹⁹ Ср.: *Halperin Ch. J.* The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986. P. 97, 101—103, 117, 120—121.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134; Т. 18. С. 127, 129.
- ¹⁰¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143—144; ср. Т. 18. С. 132.
- ¹⁰² Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; ср. Т. 18. С. 133.
- ¹⁰³ *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960. С. 460.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; ср. Т. 18. С. 133.
- ¹⁰⁵ ДДГ. № 15. С. 41: «А по грѣхом, поидет на нас (московских князей. — А. Г.) царь ратию, или рать татарьская, а всяду на конь самъ и своєю братьею, и тобѣ, брате, послать ко мнѣ на помочь свои два сына да два братанича».
- ¹⁰⁶ Там же: «А что есмья воевал со царем, а положит на нас в том царь вину, и тобѣ, брате, в том намъ не дати ничего».
- ¹⁰⁷ См.: *Греков И. Б.* Указ. соч. С. 264—266.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 412; Т. 18. С. 161.
- ¹⁰⁹ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 190—191.

- ¹¹⁰ См.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 143.
- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 219.
- ¹¹² Там же. Т. 15. Стб. 486—487.
- ¹¹³ О датировке произведения см.: *Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в.* Вып. 3. М., 1987. С. 555—556; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 111—116.
- ¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 351, 353—355, 359—360, 362, 365.
- ¹¹⁵ Там же. С. 352. Так же называется св. Владимир в тексте посвященной ему службы в сборнике *Житий*, датированном 1414 г. (*Срезневский И. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX века. СПб., 1893. С. 69).
- ¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 100—101.
- ¹¹⁷ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 194—200, 232—234.
- ¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 101—103; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 187—188.
- ¹¹⁹ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 232—264.
- ¹²⁰ РИБ. Изд. 2-е. Т. 6. Стб. 527.
- ¹²¹ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 264.
- ¹²² *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 207.
- ¹²³ *Клосс Б. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 168, 437—438.
- ¹²⁴ *Попов А. С.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 360, 365, 376—377, 379—382, 384, 392—393, 395; ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 259—260.
- ¹²⁵ РИБ. Изд. 2-е. Т. 6. Стб. 674.
- ¹²⁶ См.: *Синицына Н. В.* Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448—1589 гг.) // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 126—127; *Белякова Е. В.* Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV—XVI вв. // *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика.* М., 1995.
- ¹²⁷ Об этом событии и его месте в истории ликвидации ордынской власти см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 156—171, 184—186.
- ¹²⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 297; Т. 26. С. 250.

- ¹²⁹ Там же. Т. 24. Пг., 1921. С. 186; Т. 26. С. 219; Т. 27. С. 122; Т. 25. С. 297; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 133.
- ¹³⁰ Там же. Т. 23. СПб., 1910. С. 77; Т. 24. С. 94, 96—97; Т. 25. С. 131, 136; Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1869. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1301.
- ¹³¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 139—141; Великие Минеи Четьи... Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1305—1309.
- ¹³² Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 366, 368, 370. О датировке Жития Ионы см.: *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871. С. 184—188.
- ¹³³ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 159—167.
- ¹³⁴ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 522, 524, 530, 534.
- ¹³⁵ Памятники истории Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 528, 530, 532.
- ¹³⁶ *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 120. М. Чернявский также склонен считать, что нежелание Ивана биться с Ахматом было вызвано политическими и военными причинами, а не благоговением перед сувереном (*Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // The Structure of Russian History: Interpretive Essays*. N. Y., 1970. P. 72).
- ¹³⁷ Ю. Г. Алексеев пишет, что «со времен Дмитрия Донского с этим «царем» велась многочисленная войны, наполнившие собой долгий столетний период русской истории» (*Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 120). Однако с «правлящим царем» Орды у московских князей было только одно непосредственное столкновение — в 1382 г., и оно оставило впечатление вины перед сюзереном (Улуг-Мухаммед, воевавший с московскими князьями в конце 30-х — первой половине 40-х гг. XV в., был сначала царем-«изгоем», лишенным власти в Орде, затем правителем основанного им Казанского ханства, а не Большой Орды).
- ¹³⁸ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 522.
- ¹³⁹ Впоследствии эта мысль не получила развития — правители ханств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды, продолжали называться на Руси царями.

- ¹⁴⁰ Ср.: Halperin Ch. J. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington, 1985. P. 71.
- ¹⁴¹ См.: Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 186—205. Примечательно, что в глазах московских дипломатов конца XV в. крымский хан благодаря своему царскому титулу формально расценивался как правитель более высокого ранга, чем даже его фактический сюзерен — турецкий султан (которого в то время в Москве царем не именовали). В одном из посольских документов (1491 г.) при воспроизведении слов султана Баязета по поводу предстоявшего визита брата хана Менгли-Гирея в Стамбул, говорится, что он будет принят так, как если бы это был «сам братъ мой старѣшой Менгли-Гирей царь» (Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1882. № 29. С. 112); хан определяется по отношению к султану как «старейший брат», т. е. термином, применявшимся в междукняжеских отношениях на Руси для обозначения сюзерена (кстати, великий князь московский именовал крымского хана просто «братом»).
- ¹⁴² См.: Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 188—190.
- ¹⁴³ См.: Там же. С. 171—202. В оригинальных русских произведениях это представление впервые отмечается в редакции (созданной не позднее 80-х гг. XV в.) «Повести о Темир-Аксаке» Типографской летописи, где говорится, что после того как Тимур завоевал «многы грады и страны и царства», его стали называть уже не князем, а царем (ПСРЛ. Т. 24. С. 161).
- ¹⁴⁴ Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 211, 223.
- ¹⁴⁵ Помимо «Слова о житии» Дмитрия Донского и письма Василия II патриарху оно встречается в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» 70-х гг. XV в. («Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 548).
- ¹⁴⁶ Эта легенда представляет собой оригинальную переработку известного в византийской и южнославянских средневековых литературах мотива; родство именно с Августом считалось особо почетным, т. к. в его царствование родился Христос (см.: Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 205—207).

¹⁴⁷ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 161—165, 174—178.

¹⁴⁸ Там же. С. 182—184, 192—195.

¹⁴⁹ Следует заметить, что идея о «царском» характере власти «своего» князя в течение долгого времени присутствовала (хотя и не переросла в реальные претензии на царский титул) в общественной мысли Тверского княжества: известны случаи употребления термина «царь» по отношению к тверским князьям Михаилу Ярославичу (нач. XIV в.) и Борису Александровичу (сер. XV в.), понятия «царство» по отношению к правлению князя Михаила Александровича (умер в 1399 г.) (РИБ. Изд. 2-е. Т. 6. Стб. 158; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 300; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 168).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая из личностей, которым посвящены первые очерки четырех вошедших в книгу глав, является в какой-то мере знаковой фигурой своей эпохи. Игорь Святославич, не будучи выдающимся политическим деятелем, волею судьбы оказался в центре событий, которые произвели необычайно сильное впечатление на современников, были расценены как ярчайшее проявление воли Господа. Позднее это их значение было забыто, и уже в Новое время Игорь стал широко известной исторической личностью по другой причине — как герой произведения, признанного литературным шедевром. Александр Невский являлся выдающимся полководцем и политиком. Но историческая ситуация складывалась так, что его успехи носили локальный характер — приостановка агрессии со стороны Швеции и Ордена на Северо-Запад Руси, установление сюзеренитета великого князя владимирского над Новгородом. Остановить территориальное дробление в масштабе всей Руси, восстановить ее независимость Александр был не в силах. Однако в глазах потомков он приобрел образ героя-заступника Русской земли. И это было верно в том смысле, что Александр оказался последним, кто, в глазах его современников, «трудился за всю Русскую землю» — после него на сто с лишним лет наступила эпоха, для которой свойственно отсутствие «общерусского» пат-

риотизма. Юрий Данилович в неравной борьбе сумел отстоять и упрочить позиции Московского княжества. В то же время его деятельность, судьба и эпоха в концентрированном виде знаменуют собой ожесточение нравов русского общества, то ожесточение, которое имело долгосрочные, не изжитые до сих пор, последствия. Дмитрий Донской достиг огромных политических успехов, именно его следует считать одним из двух (вместе с Иваном III) главных созидателей Московского (Российского) государства. Объективно самым весомым достижением Дмитрия было объединение Московского и великого Владимирского княжеств, закрепление последнего за московским домом. Но в глазах потомков Дмитрий Иванович остался в первую очередь победителем Орды на Куликовом поле. Эта победа не привела к независимости (и такой цели Дмитрий вообще не имел), но способствовала вызреванию идеи освобождения у последующих поколений и привела к возрождению «общерусских» патриотических представлений.

«Всего еси исполнена земля Руськая!» — восклицал в 1238 г., во время Батыева нашествия, неизвестный автор. Только ли описанные выше «красоты» Русской земли — от «озер многих» до «князей грозных, бояр честных, вельмож многих» — имел он в виду? Ведь его произведение называлось «Слово о погибели Русской земли», а дошедший до нас отрывок заканчивается словами о «болезни христианам»... Выше очерчены только отдельные стороны ментальности людей русского средневековья, но даже этого достаточно, чтобы ощутить, сколь многогранным и противоречивым было их мировосприятие. Изучение его сулит еще много открытий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ — Вопросы истории
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
НЛ — Новгородская I летопись старшего и младшего изводов
ОИ — Отечественная история
ПВЛ — Повесть временных лет
ПРП — Памятники русского права
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (СПб., 1995)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдулла, орд. хан
113, 114
- Абрамович Д. И. 105
- Август, римский император 148, 159
- Аепа, половецкий хан 12
- Акхожа, орд. посол 126
- Александр Глебович,
кн. смоленский 83
- Александр Данилович,
кн. 84
- Александр Константинович,
кн. ростовский 120
- Александр Михайлович,
кн. тверской,
в. кн. владимирский
89—91, 101, 129
- Александр Михайлович,
кн. пронский 102
- Александр Семенович,
кн. новосильский 92,
101
- Александр Ярославич
Невский, кн. новгородский,
кн. киевский,
в. кн. владимирский 8,
11, 39, 41—61, 64,
70—73, 82, 83, 85,
132, 161
- Александра, жена
в. кн. Ивана Ивановича
112
- Алексей, митрополит всея
Руси 112, 115, 122
- Алексеев Ю. Г. 38, 146,
157
- Алгуй, орд. хан 101
- Амелькин А. О. 35

* Принятые сокращения: архиеп. — архиепископ, в. — великий, еп. — епископ, кн. — князь, монг. — монгольский, орд. — ордынский, тур. — турецкий.

- Андрей, еп. тверской 85
Андрей Александрович,
кн. городецкий,
в. кн. владимирский 54,
82—84, 104
Андрей Дмитриевич, кн.
(сын Дмитрия Донско-
го) 154
Андрей Иванович, кн. 112
Андрей Константинович,
кн. нижегородский 112
Андрей Мстиславич,
кн. 101
Андрей Мстиславич,
кн. козельский 102
Андрей Ольгердович,
кн. литовский 123
Андрей Федорович,
кн. ростовский 120
Андрей Федорович,
кн. стародубский 120
Андрей Юрьевич Бого-
любский, кн. владими-
ро-суздальский 13, 14,
100
Андрей Ярославич,
в. кн. владимирский
46—50, 55, 57—60,
79
Арабшах (Арапша), орд.
хан 121
Асан, правитель Булгара
121
Аскольд, кн. киевский 93,
94
Афанасий Данилович,
кн. 86, 88
Ахмат, орд. хан 33,
144—146
Ахмыл, орд. посол 89, 90
Ачихожа, орд. посол 119
Баязет, тур. султан 158
Батый (Бату), монг. хан
26, 42, 43, 49, 50, 57,
59, 60, 70, 72, 74, 135,
137, 140, 144, 146
Бегунов Ю. К. 69, 71,
73, 75, 152
Белякова Е. В. 156
Бердибек, орд. хан 101
Бережков Н. Г. 34
Берке, орд. хан 53
Биленкин В. 37
Биргер, шведский ярл 43,
57
Блуд, воевода 95
Бобров А. Г. 34
Борис Александрович,
в. кн. тверской 159
Борис Владимирович, кн.
13, 31, 37, 95, 99, 100,
134, 135
Борис Данилович, кн. 84,
87
Борис Константинович,
кн. нижегородский 114,
119, 131
Бородин А. П. 11

- Брячислав, кн. полоцкий 43
- Буганов В. И. 152
- Будовниц И. У 155
- Василий, монах 97**
- Василий Александрович, кн. (сын Александра Невского) 51, 52
- Василий Васильевич, кн. ярославский 120
- Василий Васильевич (Василий II), в. кн. московский 142, 143, 145, 158
- Василий Вельяминов, тысяцкий 112, 119
- Василий Дмитриевич, кн. нижегородский 119, 121, 126, 131
- Василий Дмитриевич (Василий I), в. кн. московский 129—132, 141, 153
- Василий Иванович (Василий III), в. кн. московский 148
- Василий Константинович, кн. ростовский 120
- Василий Михайлович, кн. кашинский 118, 120
- Василько Ростиславич, кн. теребовльский 98, 99
- Василько Константинович, кн. ростовский 101
- Василий Пантелеймонович, кн. 102
- Вассиан Рыло, архиеп. ростовский 33, 66, 68, 145, 146, 148
- Вернадский Г. В. 55, 71
- Владимир Андреевич, кн. серпуховский 112, 115—118, 124, 126—128, 131, 139, 140, 153
- Владимир Василькович, кн. волынский 137
- Владимир Всеволодич Мономах, кн. черниговский, кн. переяславский, кн. киевский 7, 27, 36, 41, 66, 105, 134, 148
- Владимир Всеволодич, кн. переяславский 27
- Владимир Глебович, кн. переяславский 15, 16, 21
- Владимир Дмитриевич, кн. пронский 116, 118
- Владимир Игоревич, кн. путивльский 13, 15, 16, 18—20, 22
- Владимир Ольгердович, кн. киевский 130
- Владимир Рюрикovich, кн. киевский 27
- Владимир Святославич, кн. киевский 31, 94, 95, 97, 99, 106, 142, 143, 147, 156

- Владимир Ярославич,
кн. галицкий 23
- Водов В. А. (Vodoff W.)
136, 154, 156
- Ворт Д. С. 35
- Всеволод Ольгович,
кн. черниговский, кн.
киевский 12
- Всеволод Святославич,
кн. трубчевский 12, 13,
16, 17, 19, 20, 22, 29,
30
- Всеволод Юрьевич Боль-
шое Гнездо, в. кн. вла-
димирский 14, 22, 23,
25, 27, 41, 72, 100
- Всеволод Ярославич,
кн. переяславский,
кн. киевский 97
- Всеслав Брючиславич,
кн. полоцкий 93, 97, 98
- Высоцкий С. А. 154
- Гаспаров Б. М. 26, 36
- Гза (Гзак), половецкий
хан 14, 19—21
- Глеб Владимирович, кн.
13, 31, 95, 99, 100, 134,
135
- Глеб Владимирович,
кн. рязанский 100
- Головко А. Б. 37
- Гольдберг А. Л. 158
- Горский А. А. 35, 37,
69—77, 103, 104, 150,
152, 153, 155—157
- Греков И. Б. 151, 152,
155
- Григорий, монах 97
- Григорьев А. П. 150
- Гумилев Л. Н. 55, 71, 72
- Гуюк, монг. хан 49, 50,
55
- Давыд Игоревич, кн. во-
лынский 98
- Давыд Ростиславич,
кн. смоленский 15, 21
- Даниил (сын Дмитрия
Донского) 153
- Даниил Александрович,
кн. московский 54, 82,
83, 85, 92, 104
- Даниил Романович,
кн. галицкий 50, 57, 59,
60, 72, 105, 137
- Данилевский И. Н. 37,
55, 69, 70, 72
- Джанибек, орд. хан 101,
123
- Джелал-ад-Дин, орд. хан
102, 141
- Дионисий, еп. суздаль-
ский 122, 130
- Дир, кн. киевский 94
- Дмитриева Р. П. 159
- Дмитрий Александрович,
кн. (сын Александра
Невского) 52—54, 87
- Дмитрий Иванович
(Дмитрий Донской),

- кн. московский,
в. кн. владимирский 8,
11, 32, 33, 61, 66, 109,
11—113, 138—143,
146, 150, 151, 153, 158,
162
- Дмитрий Константино-
вич, кн. нижегородский
112, 13, 118—120, 126,
131
- Дмитрий Константинович
Ноготь, кн. 119
- Дмитрий Михайлович
Боброк-Волынский,
кн. 118, 120, 121, 124
- Дмитрий Михайлович,
кн. тверской, в. кн. вла-
димирский 79, 85, 86,
89—92, 101, 102
- Дмитрий Ольгердович,
кн. литовский 123
- Долманьош И. 152
- Домаш Твердиславич,
тысяцкий 46
- Евдокия Дмитриевна,
жена Дмитрия Донско-
го 114
- Егоров В. Л. 73, 150, 151
- Едигей, правитель Орды
141, 142
- Иван Васильевич, кн. вя-
земский 120
- Иван Васильевич
(Иван III), в. кн. мос-
ковский 33, 66, 102,
144—147
- Иван Васильевич Велья-
минов 119
- Иван IV (Грозный), царь
102, 147
- Иван Данилович (Иван
Калита), кн. москов-
ский, в. кн. владимир-
ский 81, 84, 89—91,
112—114, 155
- Иван Дмитриевич, кн. пе-
реяславский 82
- Иван Дмитриевич, кн.
121
- Иван Дмитриевич (сын
Дмитрия Донского) 153
- Иван Иванович, кн. мос-
ковский, в. кн. влади-
мирский 112, 14
- Иван Иванович Корото-
пол, кн. рязанский 102
- Иван Константинович,
кн. тарусский 120
- Иван Михайлович, кн.
117
- Иван Ярославич, кн. ря-
занский 92, 106
- Игорь Ольгович, кн. ки-
евский 12, 100
- Игорь Рюрикович,
кн. киевский 94
- Игорь Святославич,
кн. новгород-северский,
кн. черниговский 8, 9,

- 11—17, 29, 30, 34, 36,
161
- Изяслав Давыдович,
кн. черниговский 27
- Изяслав Мстиславич,
кн. киевский 100, 134
- Изяслав Ярославич,
кн. киевский 96, 97,
105
- Иларион 31
- Ильин Н. Н. 36
- Иннокентий IV, папа
римский 49, 50, 57, 72
- Иоанн Цимисхий, визан-
тийский император 76
- Иона, архиеп. новгород-
ский 145
- Иона, митрополит всея
Руси 143
- Кавгадый**, орд. посол 87
- Карамзин Н. М. 73
- Калач, орд. посол 129
- Каргалов В. В. 73
- Керим-Берди, орд. хан
102
- Киприан, митрополит
всея Руси 122, 125, 130
- Кирилл, митрополит всея
Руси 54
- Кирпичников А. Н. 152
- Кичи-Мухаммед, орд. хан
143
- Клосс Б. М. 38, 156
- Ключевский В. О. 157
- Кобяк, половецкий хан
13, 15—17
- Константин
Владимирович,
кн. рязанский 100
- Константин Дмитриевич,
кн. (сын Дмитрия
Донского) 131
- Константин Добрынич,
посадник новгородский
96
- Константин Романович,
кн. рязанский 79, 84,
85, 102
- Кончак, половецкий хан
13, 15, 16, 19—21, 41
- Кончака (Агафья), жена
Юрия Даниловича
86—88
- Кончаковна 15, 22
- Кульпа, орд. хан 101
- Куремса, орд. полководец
50, 59
- Кучкин В. А. 37, 38,
69—71, 74, 103—105,
150—152, 155
- Лев** Диакон 94
- Лихачев Д. С. 35, 36
- Львов А. С. 154
- Лют Свенельдич 94
- Матузова** В. И. 70
- Мамай, правитель Орды
30, 32, 66, 113, 115—
125, 130, 138—140, 146

- Махмат-Салтан, правитель Булгара 121
- Махмуд, орд. хан 143, 144
- Менгли-Гирей, крымский хан 158
- Мещерский Н. А. 155
- Милов Л. В. 106
- Миндовг, кн. литовский 53
- Митяй (Михаил) 122, 125
- Михаил Александрович, кн. тверской 114—120, 128—130, 159
- Михаил Андреевич, кн. 84, 85
- Михаил Васильевич, кн. кашинский 117
- Михаил Всеволодич, кн. черниговский 42, 77, 101, 144, 153
- Михаил Ярославич, кн. тверской, в. кн. владимирский 81—92, 101, 104, 137, 153, 159
- Молдован А. М. 37
- Мохшей, моск. посол 125
- Мстислав Владимирович, кн. новгородский, кн. киевский 134, 135
- Мстислав Изяславич, кн. 96, 97, 106
- Мстислав Изяславич, кн. киевский 13
- Мстислав Мстиславич, кн. новгородский, кн. галицкий 42
- Мстислав Романович, кн. киевский 27, 101
- Мстислав Ростиславич, кн. 13
- Мстислав Святополчич, кн. 97
- Мунке, монг. хан 50, 59, 74
- Мурат, см. Мюрид
- Мухаммед-Бюлек, орд. хан 115
- Мюллер Л. 37
- Мюрид (Мурат), орд. хан 113, 114
- Навруз, орд. хан 101, 102, 112, 113
- Назаров В. Д. 38, 151
- Насонов А. Н. 71, 72, 74, 150, 153, 156
- Неврьюй, орд. полководец 50, 57—60
- Некомат Сурожанин 119
- Нерадец 97
- Никитин А. Л. 35
- Нифонт, архиеп. новгородский 12
- Ногай, орд. хан 101, 104
- Овлур 21
- Огуль-Гамиш, монг. ханша 50, 59

- Олег, кн. киевский 94
Олег Иванович, кн. рязанский 117, 118, 122, 126—129, 131, 140
Олег Игоревич (сын Игоря Святославича) 13
Олег Святославич, кн. 23
Олег Святославич, кн. древлянский 31, 94
Олег Святославич, кн. новгород-северский 12—14
Олег Святославич, кн. черниговский 12, 14, 22, 27
Ольга, княгиня 94, 99
Ольгерд, в. кн. литовский 115—117, 120, 123, 127
Олекса Маркович, тверской посол 92
Ольстин Олексич, воевода 17
Остей, кн. литовский 127, 128
Охотникова В. И. 75
Павлов А. С. 157
Пахомий Серб 143, 144
Пашуто В. Т. 70, 73
Петр, митрополит всея Руси 85, 90
Петр Дмитриевич (сын Дмитрия Донского) 153
Пимен, митрополит всея Руси 122, 125, 130
Плано Карпини, папский посол 49
Плетнева С. А. 34
Плюханова М. В. 158
Попов А. С. 156
Поппэ А. (Porre A.) 37, 154
Приселков М. Д. 37, 103, 104, 150, 151, 155
Прохоров Г. М. 74, 152
Пушкин А. С. 24, 35
Пядышев Г. Е. 35
Робинсон А. Н. 35
Роман Васильевич, кн. ярославский 120
Роман Игоревич (сын Игоря Святославича) 13
Роман Михайлович, кн. брянский 120
Роман Мстиславич, кн. волынский 23, 137
Роман Нездилович, воевода 16
Роман Ольгович, кн. рязанский 101
Роман Ростиславич, кн. киевский 13, 134
Роман Святославович, кн. тмутороканский 105
Роман Семенович, кн. новосильский 120

- Романов Б. А. 8
- Ростислав Всеволодич,
кн. переяславский 97
- Ростислав Игоревич (сын
Игоря Святославича)
13
- Ростислав Мстиславич,
кн. киевский 134
- Ростислава-Феодосия
Мстиславна, княгиня,
мать Александра Нев-
ского 42
- Рошко Г 71
- Рыбаков Б. А. 34, 36,
104
- Рюрик, кн. новгородский
8
- Рюрик Ростиславич,
кн. киевский 13, 15, 16,
21—23, 135
- Сары-ака (Сарайка),
орд. посол 177
- Сарыхожа, орд. посол 116
- Сафаргалиев М. Г 150,
155, 156
- Сахаров А. Н. 70, 73
- Свенельд, воевода 94
- Святополк Владимиро-
вич, кн. киевский 37,
95, 96, 99
- Святополк Изяславич,
кн. киевский 27, 98
- Святослав Владимирович,
кн. 95
- Святослав Всеволодич,
кн. черниговский,
кн. киевский 12—16,
21—23, 27, 29, 30, 42
- Святослав Всеволодич,
в. кн. владимирский 49
- Святослав Глебович, кн.
83
- Святослав Игоревич,
кн. киевский 67, 76
- Святослав Игоревич (сын
Игоря Святославича)
13
- Святослав Ольгович,
кн. черниговский 12
- Святослав Ольгович,
кн. рыльский 16,
18—20
- Святослав Ярославич,
кн. черниговский,
кн. киевский 97, 98
- Севенибуга, орд. посол
90
- Семен Дмитриевич,
кн. суздальский 119,
125, 131
- Семен Иванович, кн. мос-
ковский, в. кн. владимирский 112
- Семен Константинович,
кн. оболенский 120
- Сергий Радонежский,
игумен троицкий 122,
131, 151
- Серебрянский Н. Н. 154

- Симсон Суздалец 143
Синицына Н. В. 156
Скрынников Р. Г. 152
Соловьев А. В. 34
Соловьев С. М. 73
Срезневский И. И. 155, 156
Стеллецкий В. И. 35
- Таитемер, орд. посол 86, 88
Тайдула, орд. ханша 102
Татищев В. Н. 58, 59, 73
Творогов О. В. 34, 35
Телебуга, орд. хан 101
Тизенгаузен В. Г. 107, 152
Тимофей, окольник 121
Тимур 124, 158
Товтивил, кн. полоцкий 53
Толбуга, моск. посол 125
Тохта, орд. хан 83, 84, 86, 104
Тохтамыш, орд. хан 32, 102, 124—133, 139—142, 146
Трепавлов В. В. 74
Туда-Менгу, орд. хан 87
Туракина, монг. ханша 49
- Ужанков А. Н. 37
Узбек, орд. хан 86—90, 101, 123, 138
- Улуг-Мухаммед, орд. хан 157
Ульф Фаси, шведский ярл 43
Ульяна Александровна, княгиня, жена в. кн. литовского Ольгерда 115, 122
Усманов М. А. 158
Успенский Б. А. 158
- Фасмер М. 154
Федор, монах 97
Федор Александрович (сын кн. тверского Александра Михайловича) 101
Федор Иванович, кн. стародубский 101
Федор Михайлович, кн. воложский 120
Федор Ржевский, кн. 86
Федор Романович, кн. белозерский 120
Федор Ростиславич, кн. ярославский, кн. смоленский 111, 153
Федор Ярославич (брат Александра Невского) 42
Феннел Дж. (Fennell J. L. I.) 55, 58, 69, 72—73
Феодор, игумен симоновский 122

- Феодосий Печерский,
игумен 77
- Филист Г. М. 37
- Флоря Б. Н. 152
- Фотий, митрополит всея
Руси 142
- Хорошев А. С. 37
- Хорошкевич А. Л. 72
- Хулагу, монг. правитель
Ирана 53, 54
- Хызр, орд. хан 101
- Черкасов Н. 41
- Чернявский М. (Cher-
niavsky M.) 157
- Чингисхан 42, 146,
154
- Шаскольский И. П. 69,
71, 73
- Щапов Я. Н. 106
- Эйзенштейн С. 41
- Экземплярский А. В. 73
- Юлий Цезарь 134
- Юрий Всеволодич,
в. кн. владимирский
41—43, 72
- Юрий Данилович, кн. мо-
сковский, в. кн. владимирский 8, 79, 81—92,
102, 104, 162
- Юрий Дмитриевич (сын
Дмитрия Донского),
кн. звенигородский,
кн. галицкий, в. кн. мос-
ковский 142, 153
- Юрий Кончакович 41
- Ягайло, в. кн. литовский
122, 123
- Янин В. Л. 70, 71
- Янь Вышатич, воевода 98
- Ярополк Изяславич,
кн. волынский 97
- Ярополк Святославич,
кн. киевский 31, 94, 95,
97
- Ярослав Владимирович
(Ярослав Мудрый),
кн. киевский 31, 37, 53,
93, 95-97, 99, 106, 134
- Ярослав Владимирович
«Осмомысл»,
кн. галицкий 13
- Ярослав Всеволодич,
кн. черниговский 15, 16,
22
- Ярослав Всеволодич,
кн. переяславский,
кн. новгородский,
в. кн. владимирский
41—43, 45, 46, 48, 49,
72, 101
- Ярослав Романович,
кн. рязанский 84

Ярослав Ярославич,
кн. переяславский,
кн. тверской, в. кн. вла-
димирский 51, 53—55,
57, 58, 83

Ярославна, княгиня 13

Cherniavsky M. см. Чер-
нявский М.

Fennell J. L. I. см. Феннел
Дж.

Franklin S. 37

Halperin Ch. J. 155, 158

Meyendorff I. 155

Rorre A. см. Поппэ А.

Shepard J. 37

Vodoff W. см. Водов
В. А.

Антон Анатольевич Горский

«ВСЕГО ЕСИ ИСПОЛНЕНА ЗЕМЛЯ РУССКАЯ...»

Личности и ментальность русского средневековья

Очерки

Издатель А. Кошелев

**Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина**

Корректор Л. Бондарева

Подписано в печать 25.05.2001. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 3,36. Заказ № 1416

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография “Наука”».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy b-r, 17, str. 3, k. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)

Горский Антон Анатольевич. Родился в Москве. Окончил исторический факультет МГУ в 1981 г. Доктор исторических наук (1993). Ведущий научный сотрудник Центра истории Древней Руси и руководитель группы по изучению менталитета в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Автор ок. 150 работ, в том числе монографий «Древнерусская дружина» (1989), «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы» (1992), «Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития» (1996), «Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты» (1999, в соавторстве), «Москва и Орда» (2000). Ответственный редактор периодического сборника «Средневековая Русь» (выходит с 1996 г.) и серии сборников «Мировосприятие и самосознание русского общества».